№ 1(192) 2006

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-Университет”

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЕРЕМЕНКО И.Н. (исполнительный директор редакции)
НОВИКОВ Ю.Д. (заместитель главного редактора)
АБАШИДЗЕ А.Х.
БЕРКОВ А.А.
ДЕРЯБИН Ю.С.
ЗИМЕНКОВ А.Л.
ИЗВЕКОВ Н.Н.
КОМАРОВ И.К.
КОТИЛЕВСКИЙ М.Д.
ЛЕБЕДЕВ Ю.В.
ЛУНЬКОВ А.Г.
МЧЕДЛОВ М.П.
ОРЛОВ А.А.
ПЕТРАКОВ Н.Я.
РЕПКИН Ю.М.
ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
АРИСТОВ В.В.
ГАБАРАЕВ Б.А.
ГАЛОГАНОВ А.П.
ДЕЛЯГИН М.Г.
ЕФИМОВ Б.Е.
ЖУРКИН В.В.
ЗОРИН В.С.
ИВАШОВ Л.Г.
ИВЛИЕВ Г.П.
КАШЛЕВ Ю.Б.
КРЕМЕНЮК В.А.
ЛАДЫГИН Ф.И.
ЛАПТЕВ П.А.

Статьи

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОГО ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА* *В. Павленко* 3

ПРАВОВАЯ ОСНОВА САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ *В. Рыкунов* 10

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ РОССИИ (1993–2000 гг.) *И. Паргачёва* 16

ИМИДЖ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РФ *В. Таранцов* 24

“ОДНО ОКНО” – СТОЛИЧНАЯ МОДЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ *О.Муштук* 30

ЗАПАДНОЦЕНТРИЗМ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА *А.Матюхин* 40

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РАМКАХ ОДКБ* *В.Николаенко* 50

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ *А.Задохин* 56

ФРГ: ДО И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ *Е.Андреев* 60

ИРАН – РОССИЯ: ЧТО ОБЩЕГО? *Л.Гусев* 64

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ *В.Каширин, О.Каширина* 68

ПРАВОВОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ *Т.Мухаметшин* 76

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ФРГ *А.Козловцев* 81

ФАЛЬШИВКА ЛИ ПЛАН ДАЛЛЕСА? *О.Хлобустов* 92

ЕЩЕ РАЗ О “ПАКТЕ РИББЕНТРОПА–МОЛОТОВА” *В.Сидак* 97

Рецензии

КАК УБЕРЕЧЬ РОССИЮ? *Е.Рачин* 106

РОССИЯ И КИТАЙ В XXI ВЕКЕ *М.Шмелев* 110

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический журнал
«Обозреватель–
Observer»
издается с 1992 г.

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОГО ОПЫТА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА*

В.Павленко,
кандидат политических наук

Анализ текущих событий и тенденций, сложившихся в течение лета и осени 2005 г., позволяет говорить об ускорении на постсоветском пространстве интеграционных процессов. Само это пространство, судя по целому ряду заявлений, сделанных в конце августа, в ходе юбилейного саммита глав государств СНГ в Казани, Президентом Российской Федерации В.В.Путиным, уже именуется не “постсоветским”, а “евразийским”. Различие принципиальное. “Пост…” – значит, бывший, отживший, умирающий, утративший идентичность. Что, собственно, и произошло (и не могло не произойти) с советской государственностью в условиях вхождения ее базовых идеологических смыслов в жесткое противоречие не только с историческим опытом, но и с практикой установленного в ее рамках политического режима.

Упоминание же главой государства евразийства говорит о многом. Прежде всего, о созидательной направленности внедряемых в общественное сознание новых смыслов, о стремлении перейти от прошлого к будущему, что возможно лишь при внятном очерчивании его контуров. Евразийская идея – и есть тот самый контур. Пусть и неоднозначный: одни, как свидетельствует известный геополитик В.Цымбурский, усматривают в нем угрозу утраты русскими государствообразующей роли, а другие – опасаются ее превращения в инструмент непрямого контроля Москвы над отпавшими от России землями и народами[1].

Особое значение автор придает тому обстоятельству, что идеи, близкие к евразийству, в устах В.В.Путина давно не выглядят экспромтом, а, скорее, производят впечатление вполне устоявшейся системы взглядов. Отметим, например, что оценка Куликовской битвы как фактора, способствовавшего укреплению единой многонациональной государственности, вслед за “последним евразийцем” Л.Н.Гумилевым, была высказана главой государства еще в декабре 2004 г.[2].

Это побуждает нас обратиться к опыту практической реализации евразийской идеи, элементы которой после 1917 г. в России присутствовали при всех политических режимах. А также к путям и способам использования этого опыта в современных условиях, в ходе возможной (и желательной) реинтеграции того пространства, которое в отечественной геополитике именуется “большой Россией”, а в зарубежной (преимущественно англосаксонской) – “Хартлендом”.

Евразийство – идейно-политическое течение, зародившееся в 20-е годы в среде “первой волны” русской эмиграции, на наш взгляд, наиболее адекватно описывало (и описывает) как историческую ретроспективу России, так и ее перспективу. Отличную, с одной стороны, от космополитических разновидностей коммунистической и либеральной идеологий, а, с другой – от радикальных проектов, вроде национал-большевистского, выдвинутого в те же исторические сроки идейным вдохновителем “сменовеховцев” Н.В.Устряловым. А также от современного политического экстремизма либо пробивающего себе дорогу под националистическими и национально-радикальными лозунгами, либо смешивающего евразийство с национал-большевизмом и выстраивающего на этом фундаменте экзотические геополитические конструкции – эффектные в теории, но бесполезные на практике.

Большая часть идеологов евразийства – Г.В.Вернадский, П.Н.Савицкий, а также близкий к ним Л.П.Карсавин – заметили начавшуюся при И.В.Сталине трансформацию (или, по выражению Вернадского, “мутацию”) советской власти из антинационального режима в разновидность той самой “национальной диктатуры”, о необходимости которой говорил выдающийся идеолог “белой России” И.А.Ильин[3]. Поэтому, на наш взгляд, еще

впереди то время, когда изыскания евразийцев будут признаны определенной (хотя и далеко не единственной) частью сталинской идеологической платформы.

Н.А.Бердяев, который отошел от раннего увлечения панславизмом и к концу жизни вплотную приблизился к евразийским взглядам, также указывал на национальное перерождение, “великодержавность” большевистского режима[4]. Но не до конца осознавал его глубину, считая действия Москвы вынужденным маневром тактического характера, продиктованным необходимостью нести ответственность за страну.

Однако ни Н.А.Бердяев, ни другие представители “русского зарубежья” в полной мере не уловили разницы между двумя версиями коммунизма – космополитической, троцкистской, для которой национальная государственность никакой ценности не имела, и сталинской, превратившей государственное строительство в краеугольный камень всей политической стратегии.

Вспомним, например, как возмущался Троцкий фактическим подчинением Коминтерна национальным интересам СССР и превращением зарубежных компартий в марионеток, обслуживающих советские внешнеполитические интересы; этот процесс он называл “началом конца Третьего Интернационала” и “подготовкой Четвертого”[5].

Небезынтересно также, что примерно за 20 лет до этого большинство российских мыслителей, близких к либерализму, аналогичным образом не разобрались и в нем, не усмотрев идеологических мотивов в нападках леволиберальной кадетской оппозиции на П.А.Столыпина, П.Б.Струве[6] и, в итоге, на сам монархический строй.

Между тем, подобно коммунизму, либерализм существовал и, как убедительно доказывается опытом современной Российской Федерации, продолжает существовать в тех же самых ипостасях – “левой”, космополитической и “правой”, государственнической.

Безусловная историческая заслуга Сталина – в восстановлении традиционных имперских основ российской государственности и российской власти после погромов, учиненных в феврале и октябре 1917 г. антинациональным, прозападным крылом российской контрэлиты. Сначала либерально-социалистическим Временным правительством, а затем поборниками “мировой революции” и “Отечества трудящихся” из числа троцкистов и постепенно объединившихся с ними представителей так называемой “ленинской гвардии” – Зиновьева, Каменева, Бухарина и пр.

Евразийский вектор сталинской политики как нельзя лучше проявил себя в конституции 1936 г., которая, если называть вещи своими именами, по сути, похоронила советскую власть в том смысле, который первоначально вкладывался в нее Лениным. Причем, похоронила концептуально, на уровне самой философии власти. Реализованный Сталиным принцип выборности советов по территориальному, а не по классовому признаку (то есть, по месту жительства, а не от трудовых коллективов), по свидетельству Троцкого, покойный “вождь пролетариата” назвал бы не иначе как “буржуазным парламентаризмом”[7].

В практической же политике с пресловутым “пролетарским интернационализмом” было покончено еще раньше – в 1924–1925 гг., когда вразрез с партийной программой был взят курс на “строительство социализма в отдельно взятой стране”[8].

Не случайно, предвосхищая этот курс, авторы появившейся в 1923 г. “Платформы 46-ти” – главного программного документа объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции, критикуя Сталина, обвиняли его именно в отходе от программы РКП(б), принятой в марте 1919 г. VIII партийным съездом, апеллируя к этому документу как к истине “в последней инстанции”.

В общественных, да и, к сожалению, в научных кругах широко распространена леволиберальная по своей сути точка зрения, будто отказ от некоторых аспектов провозглашенного в программе “военного коммунизма”, преимущественно в экономической сфере, – достаточное основание для идеологической и даже политической реабилитации космополитического крыла партии и Ленина, в частности. Сторонники подобных взглядов, как правило, апеллируют к НЭП, рассматривая его практику как шаг к экономической свободе и политической демократии8. Очевидно однако, что, во-первых, данные коррективы, внесенные ленинским партийным руководством на X съезде РКП(б),

были вынужденными, обусловленными серией крестьянских выступлений против советской власти, кульминацией которых явилось кронштадтское восстание (1921 г.), выдвинувшее лозунг “Советы без коммунистов”. Во-вторых, сам Ленин, несмотря на призыв “пересмотреть всю точку зрения нашу на социализм”, однозначно по этому вопросу до конца жизни так и не определился, продолжая считать НЭП не более чем тактическим маневром, призванным прикрыть будущую трансформацию России “НЭПовской” в “социалистическую”[9].

Однако, с точки зрения темы данной статьи, главное – не это. А то, что провозглашенное Сталиным “строительство социализма в отдельно взятой стране”, как верно уловили лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции, противоречило основам партийной линии в таком принципиально важном, основополагающем вопросе как национально-государственное строительство.

Противоречило оно и взглядам самого Ленина.

Обратим внимание на чрезвычайно важную деталь: введение НЭП ни на йоту не изменило планов советской власти по объединению возникших на обломках Российской Империи республик. Речь, во времена как “военного коммунизма”, так и НЭП, велась не о воссоединении “большой России”, а о прямом и открытом пересмотре – на основе союзного договора – имперской исторической наследственности[10].

Между тем, очевидно, что “лечить” ленинизм и троцкизм как его крайнее проявление реставрацией европейских корней коммунизма – значит, по сути, не только признавать, но и усугублять антинациональную сущность этого учения, основанного на “экономическом детерминизме” Маркса, игнорирующего национальные и цивилизационные особенности, духовные и политические основы российской (да и любой другой) государственности. Широчайшая экономическая и политическая автономия субъектов СССР, подкрепленная аукнувшимся спустя много лет (в августе 1991 г.), “самоопределением, вплоть до отделения”, не только предопределила фактически конфедеративный характер союзного государства, по крайней мере, на начальном этапе его существования, но и подтвердила заявленную в “военно-коммунистической” партийной программе готовность использовать Россию в качестве прообраза “Всемирной республики Советов”[11], то есть “охапки хвороста”, призванной сгореть в костре “мировой революции”.

Бредовый характер этих планов убедительно доказан не только крахом устроенного троцкистами в 1923 г. “германского Октября”, но и тупиком, в котором оказалась внешняя политика современных США.

Общеизвестно, что большинство идеологов “неоконсерватизма” в молодости исповедовали троцкистские взгляды, а основатели этого течения – И.Кристолл и М.Шахтман – в конце 30-х годов под руководством Троцкого участвовали в создании Четвертого интернационала, который в противовес Коминтерну позиционировал себя в качестве “подлинно коммунистического”.

Выдвинутый Сталиным в качестве альтернативы ленинскому “союзному” проекту план “автономизации” не наделял республики зачатками собственной государственности, а предполагал их вхождение в состав РСФСР на правах национальных автономий – без всякого права на отделение[12]. В условиях, когда сталинскую точку зрения поддержало большинство участников обсуждения, Ленину, Троцкому и их “партийной гвардии” пришлось фактически опереться на “национально-демократические” (то есть сепаратистские) силы, доминировавшие в ряде республик, прежде всего, в Грузии, а также (отчасти) на Украине. (Весьма показательным оказывается сравнение этой ситуации с современностью).

Для того, чтобы рассудить, чью сторону в этом споре приняла история, сравним советский опыт с китайским, на который, как известно, особенно любят ссылаться сторонники воссоздания СССР, подобно Г.А.Зюганову, выдающие себя за апологетов Сталина.

В отличие от нашей страны, в Китайской Народной Республике (КНР) была построена не союзная, а унитарная государственность, в рамках которой коренное население пяти автономных округов, не имея права на отделение, тем не менее, располагало всем набором

охраняемых государством культурно-национальных прав.

Маоцзэдуновский Китай взял за основу именно сталинскую модель, прикрытую в идеологических соображениях лозунгом “марксизма с китайской спецификой”. Таким образом, призывать к реабилитации Сталина, ратуя одновременно за восстановление СССР, как это делает Зюганов[13], – такое же “раздвоение личности” как попытка “скрещивания” коммунизма с православием. Секрет успешности Сталина – не в развитии, а как раз в фактическом отказе (вольном или невольном) от ленинской теории, особенно от наиболее одиозных ее постулатов в сфере государственного строительства и национальной политики. Это настолько же очевидно, как и то, что причины исторического поражения КПСС – в объявленном целью “перестройки” возврате к “ленинским нормам партийной жизни”.

Что касается лично Сталина, то он давно и намного раньше, чем на это, наконец, решилась компартия, реабилитирован большинством граждан, считающих его, судя по данным практически всех социологических служб, не только выдающимся деятелем своей эпохи, но и действенным фактором современной российской и международной политики.

Но анализ будет неполным, если не упомянуть о том, что евразийство Сталина, в отличие от идеологов этого течения, все-таки не было осознанным. Будучи воспитанником большевистской партии и учеником Ленина и, в то же время, человеком, глубоко антагонистичным западной культуре “модерна”, он лишь инстинктивно ощущал всю чуждость для России того геополитического проекта, который связывался с коммунизмом как сугубо западным течением идейно-политической мысли. (То же самое, кстати, можно сказать и о Мао Цзэдуне). Если говорить об альтернативе, то Сталин искал ее на путях очищения коммунизма от троцкизма и лишь ближе к концу своего жизненного пути, видимо, понял невозможность этого, ввиду специфического устройства компартии как системы, запрограммированной ее создателями на постоянное генерирование троцкистского космополитизма.

Решение резко умерить роль партии, передав исполнительные полномочия правительству, как известно, после ряда неудач, было успешно проведено Сталиным в октябре 1952 г. на XIX съезде, символически переименовавшем ВКП(б) в КПСС. Но ввиду быстрой смерти вождя, не успевшего придать этому процессу необратимую динамику и “развести” партийное лидерство с государственным, оно было ревизовано уже в сентябре 1953 г. – восстановлением упраздненного института персонального партийного лидерства в лице Первого секретаря ЦК КПСС и совмещением этой должности с фактическим руководством исполнительной властью – Советом Министров СССР (против чего, как известно, на съезде Сталин возражал категорически)[14].

Отдельный вопрос – репрессии сталинского режима против евразийцев: тот же Карсавин, например, окончил жизненный путь в ГУЛАГе. На наш взгляд, они имеют двойное происхождение. С одной стороны, неосознанный, “стихийный” характер сталинского евразийства отводил самим основателям этого течения роль “сознательных противников советской власти”, с которыми, как известно, не церемонились, а с другой – репрессивные меры диктовались самими законами политической борьбы, хорошо известными еще со времен Макиавелли.

Подведем краткий итог нашего исторического экскурса.

Причины жесткого внутрипартийного противостояния в 20–30-е годы XX в. не ограничиваются борьбой за власть. Налицо глубокое идеологическое размежевание между космополитическим и национальным крыльями РКП(б). И если для первого из них высшей ценностью являлось “торжество коммунизма во всем мире”, то второе, во главе которого и стоял Сталин, быстро осознало наличие у страны собственных национально-государственных интересов, отличных от интересов других государств, не исключая их “дружественные” классы.

Конституция 1936 г. завершила процесс политической стабилизации, основанный на трансформации СССР из конфедерации, которой он фактически являлся при подписании союзного договора в декабре 1922 г., в унитарное государство, построенное по сталинскому принципу “автономизации”. Поэтапный и постепенный характер реставрации исторической традиции объяснялся не только сопротивлением космополитического крыла

внутрипартийной оппозиции, но и инерцией массового сознания – как в партии, так и во всем советском обществе. Альтернативы этому процессу ввиду изначальной неустойчивости такой формы государственного устройства как конфедерация не было. Был выбор между эволюцией в сторону федерации и, далее, унитарной государственности и воссозданием хаоса, свойственного периоду 1917–1922 гг. Благодаря Сталину в его эпоху победил первый путь, но, к сожалению, не полностью и не окончательно.

Первые признаки космополитического реванша отчетливо просматривались уже в антисталинских решениях XX съезда КПСС, а апогея заложенные тогда тенденции достигли с приходом к руководству партией "нового поколения" в лице связки Горбачев – Яковлев, деятельность которых направлялась на отказ от национально-государственной парадигмы в угоду глобальным, а, точнее, глобализаторским интересам.

В пользу именно такой трактовки исторических событий говорит опыт Великой Отечественной войны, а также итоги "перестройки".

Сторонники "пролетарского интернационализма" рассматривают победу над гитлеровской Германией свидетельством "завещанной Лениным дружбы народов", в то время как подлинная природа майского триумфа 1945 г. имеет отнюдь не классовый, а цивилизационный характер. Ибо классовый подход, например, не в состоянии объяснить ни решительной поддержки, оказанной СССР большей частью "русского зарубежья", включая таких активных участников "белого сопротивления" как генерал А.И.Деникин и философ И.А.Ильин, останки которых в октябре 2005 г. были с почестями перезахоронены в Свято-Донском монастыре в Москве, ни массового предательства советской власти "социально близкими" классовыми элементами, включая создание в вермахте и войсках СС частей, соединений и даже объединений, сформированных по национальному признаку.

Союз народов в отличие от федерации территорий не знает псевдогосударственных границ, но при этом привержен традиции и очень болезненно реагирует на отход от прописанных ею государственных форм. Пытаясь разрушить этот союз, нацисты обратили основной удар против союзной формы, не учтя при этом унитарного содержания. Несмотря на потерю целого ряда территорий, союз народов устоял, что и явилось главной предпосылкой победы.

Промахи Гитлера были учтены оппозицией конца 80-х годов. Так называемым "национально-демократическим" движениям удалось взорвать СССР изнутри потому, что они за редким исключением не претендовали на пересмотр межреспубликанских границ, а апеллировали исключительно к национальному самосознанию, разрушая тем самым "имперский ген" каждого из отдельно взятых народов. Прежде всего, русского, которому "демократы" (как в свое время Бухарин[15]) усиленно навязывали чувство исторической "вины", призывая к уступкам, не только беспринципным и неоправданным, но и вредным для тех, кому они делались. (Вспомним, например, многолетнее дотирование Россией субъектов СССР в энергетике, взрастившее элиты, паразитизм которых наглядно доказывается нынешними событиями на Украине).

В пользу именно такого прочтения событий XX столетия говорит и опыт Китая – страны с наиболее близкой нам исторической судьбой, руководство которой сохранило единство и суверенитет, сумев извлечь своевременные уроки из многих ошибок, совершенных в свое время партийно-государственным руководством СССР.

И последнее. Мог ли Сталин предвидеть, а, тем более, предотвратить будущий распад Союза юридической легитимацией унитарной государственности?

Однозначного ответа на него, скорее всего, нет. И не столько потому, что история сослагательного наклонения не имеет, сколько в силу ряда объективных и, главное, субъективных факторов.

Существует такой феномен как историческая память. Трудно представить, что юридическое "упразднение" той же Грузинской или Украинской ССР остановило бы развитие на территории этих республик сепаратистских тенденций. Восстановление гетманской власти в 1918 г., как помним, апеллировало к куда более давним прецедентам.

С другой стороны, многое указывает на то, что завершающая часть жизни и деятельности Сталина протекала на фоне усиления внутренней психологической борьбы

между ритуальной приверженностью “научному коммунизму” и подспудным, стихийным осознанием его тупикового характера. Борьбы, объясняющей всю многолетнюю эволюцию его убеждений.

Наглядным примером, на наш взгляд, может служить практически одновременное раскручивание “ленинградского дела”, когда были выбиты лучшие национально-патриотические кадры партии, и кампании по борьбе с “безродным космополитизмом”, обвинения в котором были предъявлены значительной части интеллигенции, в том числе, действительно зараженной капитулянтскими, прозападными настроениями.

Ответ на этот вопрос, как опять-таки показал опыт Китая, находится в плоскости “управляемой” преемственности власти, осуществляемой в соответствии с реальными историческими традициями, а не мифическими “общедемократическими” процедурами. В России времен “великого перелома” 90-х годов просто не нашлось своего Дэн Сяопина. То есть, государственного деятеля, масштаб и авторитет которого позволил бы, действуя без оглядки на Запад или внутреннюю оппозицию, объединить единой преемственной логикой различные периоды коммунистического и посткоммунистического правления, создать из них некое подобие новой “династии”, уложив ее в определенные, пусть и не вполне понятные стороннему наблюдателю, “правила игры”. А также – и это главное – в общеисторический контекст.

Сегодня, в преддверии 2008 г., Россия оказалась на той же исторической развилке, которую по-разному в свое время миновали СССР и Китай. От того, насколько глубоко будет проанализирован исторический опыт, учтены заблуждения и ошибки, генетически свойственные космополитическим версиям любых идеологий и, прежде всего, коммунизма и либерализма, зависит не только будущее Российской Федерации, но и перспективы реинтеграции евразийского пространства, неизбежность которого восемь десятилетий назад была убедительно доказана Г.В.Вернадским[3].

Примечания

[*] Данная статья начинает цикл работ автора, посвященных путям и перспективам евразийской интеграции.

[1] Цымбурский В. Геополитика для “евразийской Атлантиды” // http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/?ver...

[2] Материалы телевизионной пресс-конференции Президента РФ В.В.Путина. 2004. 21 декабря.

[3] Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М., 2004. С. 32–34; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 13–17; Карсавин Л.П. Философия истории. СПб, 1993. С. 304–310; Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2-х томах. М., 1992. Т. 1. С. 47.

[4] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. // М., 1990. С. 99.

[5] Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1990. С. 241–242, 213–255.

[6] Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции (1909). Свердловск: изд. Уральского университета, 1991.

[7] Сталин И.В. К итогам работы XIV конференции РКП(б). Доклад активу Московской организации РКП(б) // Правда. 1925. 12 и 13 мая; Сталин И.В. Октябрь, Ленин и перспективы нашего развития // Правда. 1925. 7 ноября.

[8] Плимак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М., 2004.

[9] Ленин В.И. О кооперации. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377; Ленин В.И. О нашей революции (по поводу записок Н.Суханова) // Там же. С. 378–382.

[10] Программа РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 92–116; Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Резолюция X съезда РКП(б). Там же. С. 360–369; Ленин В.И. О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Резолюция комиссии Оргбюро ЦК РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 45. С. 559–561; Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов

Политбюро ЦК РКП(б). Там же. С. 211–213; Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об “автономизации”. Там же. С. 356–362.

[11] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 215; Бухарин Н.И., Преображенский Е. Азбука коммунизма // Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 49.

[12] Сталин И.В. О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Проект резолюции комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 557–559.

[13] Зюганов Г.А. Доклад на XXXIII съезде СКП-КПСС (16 апреля 2005 г.) // http://www.kprf.ru/news/party_news/32809.html.

[14] Пленум ЦК КПСС (5–7 сентября 1953 г.). Информационное сообщение // КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 303.

[15] XII съезд РКП(б). Стенографический отчет // М., 1968. С. 613.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В.Рыкунов,
кандидат юридических наук

После 1991 г. понятие “самоуправление” прочно вошло в политический лексикон современной России, перейдя из теоретической сферы в практическую. И это закреплено в нормативно-правовых актах. Конституционное положение о самоуправлении раскрывается в федеральных законах. Нормотворческая деятельность в этом направлении имеет для развития общества особое значение, так как ведет к смене формы организации общества.

Смена формы организации общества является весьма сложным процессом перехода одного качества в другое, несравнимым даже со сменой общественно-экономических формаций, так как последняя проходила в рамках одной формы организации общества – государства. В этой связи представляется не вполне корректной классификация общественно-экономических формаций, разработанная Марксом. Можно согласиться с классификацией Маркса, когда анализируется классовое общество, так как в основу его учения положена теория классовой борьбы, но ведь в первобытном обществе классов еще не было. Поэтому при анализе общественно-экономических формаций возникают сомнения в наличии единого основания для классификации в классовом и бесклассовом обществе.

В связи с этим целесообразно было бы отметить некоторые факторы, затрудняющие упомянутый качественный переход. Эти факторы носят как объективный характер (государство как саморазвивающаяся система существует уже 5 тысячелетий и достигло, пожалуй, предела своих возможностей, но в то же время имеет огромный и мощный бюрократический аппарат, который стоя на его защите тем самым сохраняет себя), так и субъективный (люди как члены общества в силу инерционности мышления и традиции не представляют себе иной формы организации, кроме государства, а идея общества равных возможностей и свободы личности еще не нашла широкого распространения, чтобы инициировать научную мысль в нужном направлении).

Было бы наивно полагать, что переход от государства к самоуправлению общества будет осуществлен в сравнительно короткий период времени. История показывает, что революционный путь развития не приводит к намеченной цели, так как сознание людей не может перестраиваться без осмысления предложенной цели, полного согласия с ней, а для этого требуется немало времени. Поэтому для перехода к качественно новой форме организации общества целесообразно избрать путь осуществления комплекса непрерывных экономических, социальных и политических реформ в течение переходного периода.

Цепь реформ должна начинаться с пересмотра системы представительных органов, и, прежде всего, избирательной системы, которая должна обеспечивать максимальное участие каждого человека в решении дел общества на любом уровне.

Закон об общих принципах самоуправления является фундаментом этих реформ. Первый шаг в этом направлении был сделан, когда был принят первый закон.

12 августа 1995 г. Государственная Дума приняла Закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”. Однако еще до принятия закона, при проведении широкого обсуждения проблемы самоуправления, многим, прежде всего специалистам, стало ясно: больших надежд на то, что данный закон сыграет

историческую роль в развитии России, нет. Такой вывод можно было сделать на основании анализа выступлений при обсуждении проблемы самоуправления. Большинство депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, руководителей администрации различного уровня придерживалось, можно сказать, бюрократического подхода к самоуправлению.

Ни в коем случае не следует воспринимать этот подход как крайне негативный. Это традиционный взгляд, в соответствии с которым самоуправление рассматривается в качестве формы управления. Данный подход является официальным в большинстве государств.

Объективности ради следует отметить, что в ходе обсуждения проблемы самоуправления все же раздавались редкие голоса с призывом перевернуть пирамиду власти, отдав приоритет именно местному самоуправлению по отношению к высшим органам власти и управления. Однако такие выступления оказались единичными, и к ним фактически не прислушались.

Самоуправление, в отличие от традиционной формы организации общества, характеризуется гибкостью, оперативным реагированием на все изменения, происходящие в социальных отношениях, так как в нем может принимать участие по мере своих способностей и желания каждый самодеятельный член общества.

Приближение человека к делам общества может достигаться дальнейшим развитием конкретных видов самоуправления, важными элементами которого следует рассматривать такие его виды, как территориальное, национальное, производственно-экономическое.

Мы традиционно привыкли перенимать все новое у Запада. Поэтому неудивительно, что одним из основных в Законе РФ о самоуправлении появилось понятие “муниципальное образование”.

Не лучше ли обратиться за советом к собственной, российской истории.

Вот что пишет об управлении обществом у древних славян Н.М.Карамзин: “Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая неограниченная есть главное добро человека.

Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее.

Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные.

Каждое семейство было маленькою, независимою республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью.

В случаях важных единоплеменные сходились вместе, советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг, опытности и благоразумия для народов диких; вместе также предпринимали воинские походы, избирали вождей, хотя любя своевольство и, боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их, часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине”[1].

Таким образом, самоуправление как форма организации общества естественно вытекало из быта и характера древних славян. Образцом самоуправления более позднего периода истории Руси является Новгородская республика, где, как и в некоторых других городах Древней Руси, высшим органом власти являлось Вече – народное собрание. Такая форма организации обеспечивала всенародное принятие всех важных решений.

На наш взгляд, именно эта идея и не заложена в законе.

Ст. 4 и 5 гл. I, перечисляющие полномочия органов государственной власти РФ и ее субъектов в области местного самоуправления, до такой степени регулируют местное самоуправление, что фактически перечеркивают надежды граждан России на отход от традиционного диктата Центра. Эти статьи наделяют органы власти такими широкими полномочиями в области самоуправления, что самоуправляющимся звеньям общества

остаются в основном исполнительские функции по распоряжению местной собственностью.

В ст. 6 этой же главы, раскрывающей предметы ведения местного самоуправления, имеется явная неточность. Данная статья относит к предметам ведения местного самоуправления “отдельные государственные полномочия, которыми могут наделяться органы местного самоуправления”. Полномочия не могут являться предметом ведения. Авторы, по-видимому, хотели отнести к предметам ведения местного самоуправления реализацию отдельных государственных полномочий.

Наибольший интерес вызывает ст. 10 “Ассоциация и союзы муниципальных образований”. Авторы закона интуитивно подошли к созданию системы самоуправляющихся звеньев, пронизывающей общество снизу доверху. И только отсутствие объективного подхода к сущности и содержанию самоуправления как формы организации общества не позволило раскрыть эту систему.

Гл. III “Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления” подводит законодательную базу под значительное увеличение слоя чиновников. Между тем самоуправление как форма организации общества должно представлять собой саморазвивающуюся систему.

Несмотря на целый ряд недостатков в содержании закона, сам факт его принятия следует оценить положительно, так как в нем закреплено законодательно народовластие, хотя бы на местном уровне.

Принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (с изменениями от 19 июня, 12 августа 2004 г.) явилось новым этапом развития самоуправления в России. Если сравнить этот закон с законом от 28 августа 1995 г. становится ясно, что период между принятием данных законов в нормотворческом плане можно назвать плодотворным. Первый закон имел больше замечаний, чем позитивных положений, по-видимому, ввиду отсутствия целостной концепции. Новый закон с изменениями выведен на качественно иной уровень, так как имеет концептуальную основу.

Это подтверждает п. 2 ст. 5 “Полномочия федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления”, в котором говорится, что “осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий федеральными органами государственной власти в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления допускается только в случаях и порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами”.

Вселяет надежду на перспективу успешной реализации данного закона ст. 8 “Межмуниципальное сотрудничество”, в которой не только раскрывается механизм сотрудничества, но и предлагается возможность создания негосударственных органов в этой сфере для организации взаимодействия органов местного самоуправления, выражения и защиты общих интересов муниципальных образований. Однако разработчики закона, по-видимому, ввиду отсутствия стратегической концепции не пошли дальше полумер, так как в данном случае целесообразно было бы предоставить возможность создания не отдельных негосударственных органов, а их системы, пронизывающей все уровни организации общества, а значит и управления (имеется в виду сложившаяся в последние годы система управления с федеральными округами).

Положительной оценки заслуживает гл. 5 “Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления”.

В этой главе изложены статьи, в которых регламентированы все известные формы привлечения населения к местному самоуправлению, а именно:

Статья 22. Местный референдум.

Статья 23. Муниципальные выборы.

Статья 25. Сход граждан.
Статья 28. Публичные слушания.
Статья 29. Собрание граждан.
Статья 30. Конференция граждан (собрание делегатов).
Статья 31. Опрос граждан.
Статья 32. Обращения граждан в органы местного самоуправления.

Отдельно следует выделить ст. 24 “Голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования”. Эта форма имеет особое значение, так как призвана обеспечить контроль за деятельностью своих избранников и обратную связь в деятельности органов местного самоуправления. Однако в этой статье изложен такой механизм отзыва депутата, что население может осуществить данную процедуру лишь после решения суда, то есть не имеет права оперативно реагировать на бездеятельность или неэффективную деятельность своего избранника.

Вышеизложенное свидетельствует о добротной проработке проблемы самоуправления разработчиками закона. Вместе с тем еще рано говорить о цельной последовательной концепции, так как и новый закон не лишен недостатков.

Так, гл. 2 носит название “Принципы территориальной организации местного самоуправления”. Такой заголовок изначально низводит данную форму организации на низший уровень, что не соответствует ее сущности. Более того, если обратить внимание на текст данной статьи, везде речь идет о территории. Поэтому более корректным и точно отражающим сущность данной категории было бы название “Принципы организации территориального самоуправления”.

Территориальное или местное самоуправление – основной и универсальный элемент системы, главным предназначением которого является обеспечение такой организации жизнедеятельности общества, когда власть осуществляется снизу, а центральные структуры, формируемые по решению именно местных самоуправляющихся звеньев общества (самоуправляющихся территорий), выполняют исключительно координационные функции.

Это означает, что именно первичные (местные) звенья самоуправления должны определять форму и характер ассоциации, а также количество уровней структуры власти и ее механизм, включающий конкретные формы участия населения в ее осуществлении. Большинство вопросов жизни территорий целесообразно решать на местах, что обеспечит действительную власть народа.

Территориальное самоуправление будет иметь вид трехуровневой системы:

1 – уровень местного самоуправления,

2 – уровень административных районов и городов,

3 – уровень субъектов Федерации.

Наверху пирамиды власти должен находиться общероссийский орган самоуправления. Однако в системе самоуправления, в отличие от системы управления, основным решающим является первый, самый многочисленный уровень, который обеспечивает народовластие в полной мере. Формируемые органы самоуправления на остальных уровнях выполняют организационно-координационные функции. И чем выше уровень, тем больше повышается ответственность и сложность организационной работы по реализации координационной функции.

И эта закономерность детерминирует повышение на каждом следующем уровне критериев отбора для сотрудников органов самоуправления. А это означает, что подбираемые для работы в органах самоуправления лица не только должны обладать соответствующими качествами, в том числе уровень и профиль образования, но проходить в этих целях специальную подготовку. Для решения этой проблемы, а также организации воспитательного процесса населения и популяризации идеи самоуправления при органах 1-го уровня местного самоуправления целесообразно создать соответствующие

образовательно-воспитательные центры.

Необходимо отметить замечания к ст. 18 “Принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления”. Положения п.1 и п.3 еще можно с большой долей условности назвать требованиями к установлению полномочий. А вот в п.2 изложены сугубо экономические вопросы, не имеющие к правовому регулированию никакого отношения.

Имеются замечания и к гл. 4 “Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями”. Здесь налицо опять проявление бюрократического подхода к самоуправлению. Если какая-либо структура, в данном случае органы местного самоуправления, наделяются государственными полномочиями, то она автоматически включается в систему государственного управления.

Самоуправление же специфическая форма организации, при которой власть передается народу. Поэтому некорректно в данном случае употреблять слово “наделение”. Если в перспективе (принятие этого закона подразумевает это) развития общества предвидится переход к народовластию, то целесообразно заменить слово “наделение” на слово “передача”. Тем более что по тексту ст. 19 “Порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями”, а конкретно в п. 1 и п. 3 говорится именно о передаче отдельных государственных полномочий. Кроме того, наделение полномочиями происходит в виде исключения и до какого-то предела, а передача полномочий означает процесс, в результате которого по мере развития общества постепенно реализуется народовластие.

Еще одним свидетельством проявления бюрократического подхода к самоуправлению является ст. 21 “Государственный контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий”. Контроль за осуществлением органами местного самоуправления и не отдельных государственных полномочий, а всей деятельности в полном объеме должен осуществлять только сам народ, для чего должен быть разработан соответствующий механизм контроля.

Народ, являясь при осуществлении самоуправления одновременно субъектом и объектом власти, формирует представительные и исполнительные элементы самоуправления. Одновременно отрабатывается четкий механизм их функционирования и контроля над ними, который обязательно включает в себя информирование народа о деятельности сформированных элементов самоуправления и их систематическую отчетность о ее результатах. Такое положение было бы ярким проявлением реализации принципа реординации или обратной связи в системе управления обществом.

Представительные органы, и только они, могут осуществлять предоставленные им властные полномочия, а наиболее важные решения должны приниматься всеми самодеятельными членами общества на основании результатов референдума.

Если на местном уровне, который является фундаментом общества, самоуправление как форма организации, хотя бы формально, закреплено федеральным законом, то на следующем, более высоком уровне административных районов и городов для обеспечения постепенного перехода к новой форме организации необходимо только вводить элементы самоуправления.

Это же положение полностью относится и к третьему уровню территориального самоуправления – уровню субъектов Федерации.

В этом плане конструктивные новеллы содержит гл. 9 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, которая называется “Межмуниципальное сотрудничество”.

Ст. 66 данной главы регламентирует создание советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации.

В п. 1 говорится: “В каждом субъекте Российской Федерации образуется совет муниципальных образований субъекта Российской Федерации”.

Таким образом, ликвидируется правовой пробел на третьем уровне самоуправления. А

если бы изменить редакцию данного пункта и регламентировать создание советов муниципальных образований во всех административно-территориальных единицах, то был бы ликвидирован правовой пробел и на втором уровне самоуправления. Возможно, законодатель сделал попытку для упрощения механизма самоуправления перейти к двухуровневой системе управления. Однако для системы самоуправления выпадение традиционно сложившегося уровня управления будет означать разрыв сложившихся связей, что негативно повлияет на уровень эффективности власти народа.

Ст. 67 этой же главы предоставляет возможность создания единого общероссийского объединения муниципальных образований. Налицо опять проявление бюрократического подхода к самоуправлению. Данная статья должна предоставлять возможность не консолидировать все муниципальные образования, а формировать общероссийский совет муниципальных образований.

Новый Закон об общих принципах организации местного самоуправления должен вступить в силу с 1 января 2006 г. Анализ данного закона дает основания для вывода, что он также должен быть подвергнут переработке. Законодатель при этом должен избрать оптимальный вариант действий. Первый вариант: в течение полугода (президент продлил дату вступления в силу данного закона на полгода), то есть до вступления закона в силу вносятся и утверждаются соответствующие изменения.

Второй вариант: после какого-то периода действия закона (не менее двух лет), когда отчетливо проявятся его сильные и слабые стороны, разработать третий, окончательный закон о самоуправлении.

Примечания

[1] Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 1. С. 45.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ РОССИИ (1993–2000 гг.)

И.Паргачёва

Основные характеристики российского парламента, заложенные в Конституции 1993 г., в значительной мере были предопределены историческим опытом страны (отсюда ограниченность его полномочий и двухпалатная структура), ее политической культурой и традицией, а также политической конъюнктурой эпохи. В Основном законе РФ отразилось как соотношение противоборствующих сил в предшествовавший принятию период, так и общее стремление авторов данного документа приблизиться к мировой практике парламентского конструирования.

В рамках Конституционного совещания, собравшегося по инициативе Президента летом 1993 г., рассматривалось несколько проектов будущего парламента[1]. Вопрос о двухпалатной структуре не был предметом спора – дискуссия сосредоточилась вокруг порядка формирования второй палаты, объема ее полномочий и характера взаимоотношений с первой палатой.

Президентский проект[2] предусматривал создание Совета Федерации и предоставление в нем не менее 50% мест республикам и иным национальным образованиям. Выборы в верхнюю палату предполагалось проводить раз в 4 года одновременно с избранием депутатов Государственной Думы. Планировалось, что Совет Федерации станет наиболее влиятельной палатой парламента. Согласно ст. 94 проекта, он должен был назначать председателя правительства (из числа кандидатур, предоставленных Президентом) и решать вопрос о доверии кабинету[*]. Таким образом, в парламенте непропорционально возрастала роль региональной составляющей, а внутри нее – роль нерусских элит: представляя лишь 10% населения России, они получали едва ли не определяющий голос в принятии ключевых решений – о составе правительства, о назначении судей Конституционного и Верховного судов, Генерального прокурора, о ратификации международных договоров, об объявлении войны и заключении мира, об установлении чрезвычайного положения, об отрешении Президента.

В целом президентский проект был направлен на создание президентско-парламентской республики при доминировании регионов. Его реализация довольно быстро привела бы к ослаблению федерального центра и превращению России в политический конгломерат с ведущими позициями элит нерусских регионов. Очевидно, что этот документ можно расценивать как тактический ход Б.Н.Ельцина, искавшего поддержки активных и влиятельных лидеров “национальных” республик в борьбе с хасбулатовским Верховным Советом, которая к тому моменту перешла в фазу противостояния[3].

Проект, внесенный от имени Конституционной комиссии, которая с 1991 г. работала в рамках Верховного Совета, предлагал иное решение. Представительный и законодательный орган России должен был называться “Верховный Совет” и состоять из двух палат: Государственной Думы и Федерального Собрания. Представительство всех субъектов РФ во второй палате парламента обеспечивалось по норме: два депутата от каждой республики, края, области, автономной области и по одному депутату от каждого автономного округа.

На Конституционном совещании 17 июня 1993 г. вице-премьер С.Шахрай выдвинул еще один вариант проекта Основного закона от группы представителей субъектов РФ.

Согласно этому проекту, в состав Совета Федерации должны были входить по два депутата от каждого субъекта, а в переходный период – руководители последних[4]. В тот момент в подавляющем большинстве регионов руководители исполнительной власти назначались Президентом России.

При этом лидеры ряда национальных республик уже обеспечили свое избрание в качестве президентов этих квазигосударств. И хотя выборы там, как правило, имели безальтернативный и в значительной мере формальный характер, сам факт их проведения давал победителям серьезные преимущества перед “назначенцами”.

Таким образом, при обсуждении проблемы формирования второй палаты дискутировался в основном вопрос о представительстве регионов – будет ли оно равным или национальные республики окажутся в привилегированном положении. При этом идея равного представительства всех субъектов Федерации независимо от численности и этнического состава их населения завоевывала все больше сторонников, что не могло не вызывать недовольство национальных республик.

Совещание проходило в период острой борьбы за власть между Президентом и Верховным Советом, однако к моменту выработки окончательного текста Конституции, вынесенного на всенародное голосование, Б.Н.Ельцин уже одержал полную победу, двоевластие окончилось, а соответственно, резко уменьшилось пространство для маневра региональных лидеров и, прежде всего, руководителей национальных республик. Если в условиях двоевластия противоборствующие стороны перед ними заискивали, то в новой ситуации реальной стала перспектива противодействия Центра сепаратистским поползновениям. Разгром представительных органов позволял заложить в Конституцию принципы устройства парламента, способные гарантировать доминирование Президента, сдерживать коммунистическую оппозицию.

Положения Конституции, касающиеся организации системы федеральных органов власти, явились результатом сложного согласования интересов. В окончательном варианте закреплялся принцип равенства субъектов Федерации в формировании второй палаты: ст. 95 гласила, что “в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации”.

Именно в таком виде проект Конституции был передан Б.Н.Ельцину для окончательной редакции и утверждения. Сохранился и опубликован (в 20-м томе материалов Конституционного совещания) факсимильный вариант президентской правки проекта. К процитированному выше тексту ст. 95 Б.Н.Ельцин приписал: “по одному от представительного и исполнительного органа государственной власти”.

Таким образом, радикально изменен принцип формирования верхней палаты: члены Совета Федерации воспринимаются как представители уже не населения, а преимущественно органов власти регионов.

Впрочем, в конкретно-историческом контексте начала 90-х годов возвращение к этой модели имело и определенные достоинства. Процесс политического структурирования в российских регионах находился в зачаточном состоянии, представители территорий, избранные прямым голосованием не из местного начальства, в подавляющем большинстве случаев не имели опоры в обществе и почти неизбежно должны были “провалиться” и потерять связь со своими регионами. Это нарушило бы заложенную в Конституции идею о Совете Федерации как о палате регионов.

Справедливость таких опасении подтвердил опыт работы Совета Федерации первого состава. Но осенью 1993 г. формировать Совет Федерации из провинциальных “служилых людей” было бы политически неосмотрительно: отношение большинства региональных руководителей к только что произведенному Президентом перевороту варьировалось от резко отрицательного до дистанцированно-выжидательного. К тому же по своему должностному положению многие из них были главами советских органов, подлежавших,

согласно стратегическому замыслу Президента, полному демонтажу. Поэтому в Конституцию были заложены положения, согласно которым в переходный период Совет Федерации формировался путем прямых выборов. Порядок его формирования после завершения двухгодичного переходного периода предстояло определить не конституционным, а обычным федеральным законом. Последний, при наличии в Думе большинства в две трети голосов и согласии Президента, мог быть принят в обход второй палаты.

Концепция закона о порядке формирования Совета Федерации начала дискутироваться уже в 1994 г. Указывалось, что Конституция содержит немало противоречий: с одной стороны, в ней говорится о представительстве регионов (то есть территориальных сообществ граждан), с другой – о представительстве органов государственной власти регионов; упоминается, что депутаты Госдумы работают на постоянной основе, но не делается аналогичной оговорки в отношении членов Совета Федерации. Это могло трактоваться как установление для членов верхней палаты иного порядка работы, хотя переходные положения Конституции, напротив, дословно указывали, что на непостоянной основе работают члены Совета Федерации 1-го созыва, позволяя толковать этот документ в том смысле, что для всех остальных созывов, по умолчанию, вводится другая норма. Наличие таких противоречий в принципе исключало возможность принятия закона о формировании Совета Федерации, который бы полностью соответствовал Конституции. Это открывало широкий простор для конструирования различных моделей формирования второй палаты.

Перечислим основные варианты формирования Совета Федерации, предложенные законодателями[5].

1. Президент: мандаты членов Совета Федерации получают главы региональных администраций, представители региональных дум или законодательных собраний и дополнительно еще 4–5 представителей федеральных органов власти;

2. Совет Федерации:

– Р.Абдулатипов – исполнительный и законодательный органы власти в регионе выдвигают несколько кандидатур, из которых население избирает членов Совета Федерации; выставлять свою кандидатуру может лишь избранный населением губернатор;

– В.Шумейко – мандаты получают либо руководители исполнительной и законодательной власти, либо их заместители, при желании есть возможность продлить полномочия депутатов Совета Федерации первого созыва. Принципы и процедура назначения заместителей отдаются на усмотрение региональных властей. Два мандата получают представители Президента.

3. Государственная Дума:

– сохраняется принцип выборности членов Совета Федерации;

– мандаты получают главы законодательной и исполнительной власти, но последние лишь в том случае, если они избраны населением (оба варианта подготовлены Думой под руководством В.Исакова).

Концепция выборности и получила поддержку большинства депутатов в первом чтении.

Это вызвало резкую реакцию Президента, который заявил, что принцип выборности членов Совета Федерации прямо противоречит Конституции. Кроме того, в случае его реализации, данный орган окажется аналогом Госдумы, и палаты будут дублировать друг друга. Дума 255 голосами приняла закон, который предусматривал избрание членов Совета Федерации населением субъектов РФ и работу по крайней мере одного из двух посланцев региона на постоянной основе.

Закон был одобрен Советом Федерации, но отклонен Президентом.

Преодолеть его вето Госдума не смогла. Не увенчались успехом и предпринятые в октябре-ноябре 1995 г. попытки провести компромиссные варианты закона.

Создалась реальная опасность того, что закон о порядке формирования Совета

Федерации так и не будет принят, а это дало бы возможность Президенту определить такой порядок своим указом3. Под давлением обстоятельств 5 декабря 1995 г. Госдума приняла законопроект, подготовленный А.Чилингаровым, согласно которому мандаты по должности получают главы законодательной и исполнительной властей, выборы последних проходят до декабря 1996 г., двухпалатные региональные парламенты самостоятельно согласовывают, кого они делегируют в общенациональный орган.

Такой порядок формирования второй палаты не имеет аналогов в мировой практике. Но в тогдашней российской ситуации он был, пожалуй, оптимальным. С одной стороны, к концу 1996 г. все руководители регионов прошли через процедуру всенародных выборов, получив, таким образом, максимальный объем демократической легитимации, в том числе и на представление своего региона в Москве, а с другой – период "позднего ельцинизма" (после 1996 г.) характеризовался резким ослаблением центральной власти. В этих условиях постоянное присутствие на общефедеральном уровне "первых лиц" регионов, их систематическое общение и согласование действий в верхней палате парламента сыграли важную, может быть, решающую роль для сохранения государственного единства и социального мира в России, которые в то время неоднократно подвергались испытаниям: достаточно вспомнить финансовый обвал августа 1998 г. или чеченскую войну.

При всем том порядок образования Совета Федерации был объектом постоянной критики, которая сосредоточилась вокруг нескольких положений.

Во-первых, вхождение глав исполнительных органов власти в Совет Федерации расценивалось как нарушение конституционного принципа разделения властей. Вопрос этот дважды становился предметом рассмотрения Конституционного Суда.

Оба раза подчеркивалось, что компетенция Конституционного Суда не распространяется на проверку конституционности конституционных положений, а именно в такой плоскости ставился данный вопрос: соответствует ли ч. 2 ст. 95 Конституции принципу разделения властей, закрепленному в ст. 10 Основного закона?

Во-вторых, много нареканий вызывала модель комплектования верхней палаты Федерального Собрания, которая предусматривает представительство не населения, а органов власти субъектов Федерации.

В-третьих, большие сомнения существовали относительно полноценной работоспособности Совета Федерации, поскольку главы регионов в значительной степени загружены по месту основной работы в субъектах Федерации.

Свой вклад в разработку различных вариантов "нейтрализации" губернаторского Совета Федерации внесли думские политики самых разных направлений – от В.Жириновского, неоднократно предлагавшего перейти к однопалатному устройству парламента, до Е.Мизулиной ("Яблоко") и Б.Надеждина (СПС), выдвигавших различные варианты реформы верхней палаты.

Неизбежность переосмысления роли Совета Федерации в государственном строе России осознавалась, конечно, и в самом Совете Федерации. В ходе дискуссий по этому поводу сформировалось четыре позиции[6].

Большая часть сенаторов считала возможным сохранение существующего положения, полагая, что Совет Федерации достаточно силен, чтобы защитить себя.

"При этом не учитывалось, что главный политический фактор силы Совета Федерации – конфликт между Президентом и думским большинством, который имел место при Б.Н.Ельцине, с приходом В.В.Путина ушел в прошлое и что Конституция (ч. 2 ст. 96) в случае наличия единодушия между квалифицированным думским большинством и Президентом позволяет решить судьбу Совета Федерации без его участия"[6].

Сторонники второй позиции (новгородский губернатор М.Прусак, вологодский губернатор В.Позгалев и др.), напротив, считали вторую палату излишней.

Третья позиция (которой придерживался читинский законодатель В.Вишняков и др.) состояла в том, чтобы, "не дожидаясь решения Президента по этому вопросу, внести частичные изменения в порядок формирования палаты с учетом критических замечаний.

Предлагалось, например, перевести часть членов палаты (представителей законодательных органов) на режим выборности и работы в палате на постоянной основе, сохранив членство губернаторов по должности. Первые должны были взять на себя практическую законотворческую работу, а вторые – остаться носителями политической воли".

Четвертая (Е.Строев) исходила из того, что новому Президенту предстояло "сделать выбор между сохранением сверхпрезидентской республики ельцинского образца, но со значительным усилением реального политического веса Президента за счет поддержки думского большинства и постепенного выведения из федеральной политики региональных руководителей, и движением от президентской к президентско-парламентской республике с той или иной формой ответственности правительства перед парламентом при сохранении существенного политического веса губернаторов в общенациональной политике.

Е.Строев и его единомышленники ратовали за второй вариант, что проявилось, в частности, в ряде заявлений о необходимости комплексного подхода к обновлению федеральных институтов государственной власти на основе принципов взаимной ответственности и взаимного доверия"[6].

Уже в ходе этих дискуссий высказывались многие соображения, составляющие ядро дискуссий о Совете Федерации образца 2002 г.

В частности, именно тогда зазвучала идея прямых выборов населением регионов членов Совета Федерации в паре с губернаторами. Высказывалась мысль об одновременных выборах губернатора и его представителя в Совете Федерации, о той самой модели, которую сегодня отстаивает С.Миронов, о дифференциации (например, по немецкому образцу) числа голосов субъектов Федерации в Совете Федерации в зависимости от численности их населения и др.

Президент сделал выбор в пользу ослабления потенциальных конкурентов в лице Совета Федерации, губернаторов, да и парламента в целом. Этот шаг можно считать логическим и обоснованным, если учитывать события новейшей истории России, когда некоторые руководители регионов систематически и откровенно игнорировали федеральные законы и нормы, преследуя собственные политические цели. Ситуация усугублялась тем, что губернаторы обладали депутатским иммунитетом, так как их пост автоматически обеспечивал им место в Совете Федерации. Очевидно, что подобное положение дел подталкивало к концентрации власти и не располагало к сознательному усилению потенциальных конкурентов. Однако последствием такого выбора стало устранение сильных политических лидеров как таковых, что породило дефицит самостоятельных и самодостаточных сил, потенциально мобилизуемых в поддержку Президента.

Еще в 1995 г. при проявлении разновариантных проектов федеральных законов предлагалось внедрить принцип назначения членов Совета Федерации от органов государственной власти субъектов. Однако этот план удалось реализовать лишь в 2000 г., когда был принят Федеральный закон "О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации"[7]. При сохранении конституционного принципа репрезентативности двух представителей от каждого субъекта Федерации, вводился новый смешанный порядок формирования Совета Федерации. Прежде практика комплектования верхней палаты Федерального Собрания такого не знала.

Согласно Федеральному Закону от 5 августа 2000 г. член Совета Федерации – представитель от законодательного органа государственной власти субъекта Федерации избирается этим органом на срок его полномочий.

Особый порядок касается избрания представителей от законодательных органов регионов, формируемых путем ротации – на срок полномочий однократно избранных депутатов этого органа. Если член Совета Федерации представляет двухпалатный законодательный орган субъекта, то его избирают поочередно от каждой палаты на половину срока полномочий соответствующей палаты.

Кандидатуры для избрания вносятся председателем законодательного органа

государственной власти субъекта Федерации или группой депутатов этого же органа численностью не менее одной трети от общего числа депутатов.

Решение законодательного органа государственной власти региона об избрании представителя в Совет Федерации принимается тайным голосованием и оформляется постановлением данного органа. Если региональный орган власти двухпалатный, то совместным постановлением обеих палат.

Второй представитель в Совет Федерации от исполнительного органа государственной власти субъекта назначается высшим должностным лицом этого субъекта Федерации на срок его полномочий.

Данное решение оформляется указом либо постановлением высшего должностного лица субъекта (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации). Указ (постановление) вступает в силу, если на заседании законодательного органа субъекта Федерации две трети от общего числа его депутатов не проголосуют против назначения данного представителя в Совете Федерации. Таким образом, назначение стало подконтрольным законодательному органу субъекта.

Итак, третий этап развития Совета Федерации ознаменовался тем, что в верхнюю палату попали представители высших должностных лиц (по назначению) и представители законодательных собраний (в результате избрания).

Переход Совета Федерации на “профессиональную работу” позволяет рассматривать “весь объем законов, который поступает из Государственной Думы”. Главная причина неэффективности верхней палаты оказалась преодолена, однако картина по-прежнему далека от идеала: исчезла “значительная часть того достоинства, которое было”, представительство стало “слабее”, произошла дестабилизация взаимодействия “между сенаторами и направившими в Сенат органами власти регионов”[8].

Ведение нового порядка образования Совета Федерации не положило конец дискуссии о том, каким образом он все-таки должен формироваться. Существующие проекты формирования палаты отражают пеструю палитру вариантов – от прямых выборов и ступенчатых выборов, проводимых особыми электоральными коллегиями (путем выдвижения делегатов представительными органами), до различных способов делегирования и прямого назначения. Некоторые варианты уже были опробованы, другие, вполне возможно, еще предстоит опробовать в ближайшем будущем.

Однако столь частые изменения в характере формирования Совета Федерации “выглядят в глазах многих специалистов и политиков досадным свидетельством незрелости российского федерализма, признаком неспособности политиков “изобрести” форму верхней палаты раз и навсегда. Во многом именно из-за этой неустойчивости статуса верхняя палата никак не может найти себе достойное место в структуре государства, она еще слабо востребована обществом для решения текущих задач, и порой кажется, что без нее вообще можно было бы обойтись”[9].

Неспособность российских политиков “изобрести” окончательную форму верхней палаты связана с целым рядом причин:

Во-первых, в отличие от большинства зарубежных демократических государств, где особенности формирования палат прошли многолетнюю апробацию и потому к вопросу об изменении особенностей формирования палат законодатель подходит с максимальной степенью осторожности, в России порядок комплектования депутатского корпуса до настоящего времени не приобрел самодостаточной ценности и потому рассматривается субъектами политики (в том числе и самими законодателями) как элемент “институционального дизайна”, который при необходимости может быть подвергнут кардинальному изменению.

Во-вторых, найти оптимальный порядок формирования Совета Федерации на данном этапе невозможно, поскольку, как уже отмечалось, в Конституции заложены противоречивые нормы.

Ст. 95 говорит о том, что в Совет Федерации входит по два представителя от каждого

субъекта Федерации, то есть от сообщества граждан. Но далее следует уточнение: по одному от исполнительного и законодательного органа власти. В этом есть явное противоречие, и, конечно, нужно толкование.

В-третьих, Совет Федерации не сможет обрести завершенную форму раньше, чем окончательно сформируется российский вариант федерализма**.

И, наконец, еще одна причина состоит в самой процедуре изменения порядка формирования верхней палаты.

В РФ еще на Конституционном совещании была заложена возможность легкого изменения порядка формирования Совета Федерации: данный вопрос регулируется на уровне федерального закона, необходимость которого предусмотрена ст. 96 Конституции РФ, что имело существенные политические последствия:

1. “Ситуация, когда порядок представительства субъектов Российской Федерации не является жестко закрепленным, <…> делает его удобной мишенью при рассмотрении любых проектов модернизации правового каркаса российской власти.

2. Сочетание региональной компоненты в деятельности Совета Федерации и потенциальной многовариантности порядка его формирования нередко ставит последний в зависимость от политической конъюнктуры и изменения соотношения ресурсов по оси “центр – регионы”. В этом плане он обычно рассматривается как важнейшая составляющая совершенствования системы федеративных отношений.

3. Совет Федерации <…> имеет ограниченные возможности по определению порядка собственного формирования – в основном через согласительные комиссии. Поэтому действующий состав верхней палаты не может отстоять статус-кво в случае, если позиции главы государства и большинства депутатов Государственной Думы по вопросам изменения порядка ее формирования совпадают”[10].

Справедливость вышесказанного подтверждается практикой реформирования организации деятельности Совета Федерации, основой которого трижды являлось радикальное изменение порядка его формирования.

Примечания

[1] Конституционное совещание: Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. М., 1995.

[2] Московская правда. 1993. 5 мая.

[3] Федосов П.А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис. 2001. № 2.

[4] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000. С. 122–192.

[5] Бусыгина И.М. Формирование верхней палаты парламента в федерациях: Россия и зарубежный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7.

[6] Федосов П.А. Федеральный закон о порядке формирования Совета Федерации от 5 августа 2000 года // Сб.: Совет Федерации: эволюция статуса и функций. М., 2003. С. 75–77, 76.

[7] СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3336.

[8] Медушевский А.Н. Совет Федерации в российской системе разделения властей // Сб.: Совет Федерации: эволюция статуса и функций. М., 2003. С. 382.

[9] Смирнягин Л.М. Введение // Сб.: Совет Федерации: эволюция статуса и функций. М., 2003. С. 7.

[10] Заславский С.Е. Члены Совета Федерации // Сб.: Совет Федерации: эволюция статуса и функций. М., 2003. С. 126.

[*] Большинство участников совещания решило, что взаимодействие с Президентом по поводу назначения и отставки правительства должно быть прерогативой той палаты, которая представляет нацию в целом, то есть Государственной Думы.

[**] Каким будет российский вариант федерализма во многом зависит от того, как будут проходить законы из пакета комиссии Д.Козака, представляющие собой следующий шаг в федеральной реформе, начатой в 2000 г.

ИМИДЖ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РФ

В.Таранцов,
кандидат философских наук
(Северо-Кавказская академия государственной службы)

Современная Россия переживает целый комплекс реформ – экономическую, политическую, социальную, административную, пенсионную, судебную, военную, муниципальную, кадровую, отраслевую, спортивную, природоохранную, визовую, социокультурную, здравоохранительную и т.д.

Все они имеют не только причины, стадии протекания, концептуальные подходы и принципы, но и определенное влияние на судьбы страны и граждан, экономическую и социально-политическую стабильность. От продуктивности реформ во многом зависит не только имидж правительства и имидж России, но и национальная безопасность. Истории известно, что непродуктивные реформы приводили ко многим потрясениям, трагедиям и катастрофам.

Среди всех реформ в число приоритетных следует отнести административную, которая “бьет” своим жалом по всему чиновничьему сообществу. Кому-то из чиновников придется сделать скачек по властной лестнице, кому-то – опуститься, кому-то – остаться на доживание, а некоторым – оставить административные апартаменты. И нет сомнения в том, что на новой реформистской административной волне засияют новые институты, новые имена, новые цифры. Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров.

Сегодня стало реальностью разделение федеральных органов власти на три типа: министерства, федеральные службы, агентства. Скажем, ликвидировано министерство РФ по делам печати, телерадиовещания, средств массовой коммуникации. Теперь функции нормотворчества закреплены за министерством, функции управления государственным имуществом – за федеральным агентством, функции регистрации, лицензирования и контрольные – за федеральной службой.

Административная реформа* основывается на таких понятиях, как: политика, идеология, власть, модель поведения, ответственность, воля, нравственность, репутация, имидж, риск, политическая культура.

Политика – это сфера отношений между людьми, которые возникают по поводу организации и функционирования государственной власти в обществе. О политике писали Платон, Аристотель, Макиавелли и другие.

Платон писал так: политика как “царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая, таким образом, великолепнейшую и пышнейшую из тканей”[1].

Аристотель считал политику высшей формой жизнедеятельности человека, поскольку через нее во взаимоотношениях между людьми утверждается справедливость и достигается благо каждого. “Справедливость, – писал он, – имеет место только в политической жизни, потому что весь строй политического общежития держится на праве”.

А один из основателей политической науки Н.Макиавелли еще в 1515 г.

характеризовал политику как “совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее…[2].

В политике, утверждал Н.Макиавелли, всегда присутствует целесообразность. В ней выражаются интересы многочисленных социальных групп: классов, наций, слоев и т.д.

Субъектами политики выступают государство, партии, классы, нации, социальные слои, элита, личность. Государственная политика весьма разнообразна. Ее дифференцируют на внешнюю и внутреннюю, национальную, кадровую, административную и т.д.

Идеология – это особая форма общественного сознания.

Термин “идеология” в научный обиход был введен Дестюде Трасси в период французской революции для обозначения науки, изучающей законы функционирования идей в качестве психических факторов и их отношения к языку[3].

Что касается сути самого феномена идеологии, то его понимание было близко идее светской религии, сформировавшейся в революционную эпоху[4]. В реальной действительности понятие “идеология” было также применено для обозначения определенной политической группы, которая развивала традиции энциклопедистов.

Наполеон негативно относился к идеологии, понимая под “идеологами” политических мечтателей.

Гегельянцы применяли это понятие для обозначения субъективной стороны процесса познания[5].

В своем становлении с точки зрения науки, понятие “идеология” прошло несколько этапов.

В начале понятие идеологии в узком смысле было сформулировано К.Марксом и Ф.Энгельсом – первоначально в “Немецкой идеологии” (1846 г.), а затем, более определенно в других работах: “Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии” и письмо Энгельса к Ф.Мерингу от 14.7.1893.

В настоящее время существует множество дефиниций идеологии. Но мы приведем лишь одну точку зрения.

“Под идеологией, – пишет А.Н.Медушевский, – мы понимаем особое состояние общественного сознания, при котором устанавливается взаимосвязь трех компонентов, составляющих целостную систему.

Это, во-первых, специальная система идей, особенно по социальным и политическим вопросам, объясняющая состояние мира, общества и существующие конфликты, историю вопроса, ее объяснение и прогностические рекомендации.

Во-вторых, это учение становится частью идеологии лишь в том случае, если оно не остается уделом одинокого философа, но приобретает в силу определенных причин признание и быстро набирает себе приверженцев – группу сторонников.

И, наконец, в-третьих, система включает элемент информационных связей между представителями и массой сторонников. Эта информационная связь предполагается как постоянно возобновляющаяся и в этом своем качестве она требует определенных организационных усилий”[6].

Сегодня идеологией пропитаны все сферы жизни общества, государства, партий и других сообществ. Любая реформа нуждается в идеологии.

Идеология защищает и обосновывает концептуальные замыслы и ориентиры реформаторов, вычленяет исходные принципы реформы, “погружает” власть предержащих в соответствующую культурно-цивилизационную среду, ориентирует их на определенный стиль деятельности.

В основе административной реформы лежит власть[**].

Власть открывает перед реформатором широкие возможности реализации собственного “Я” за счет подчинения миллионов других “Я”. К сожалению, за долгую историю человечества устоять перед соблазном получения благ за счет других, от искушения богатством, славой, привилегиями оказались способны немногие. Для большинства российских лидеров реализация властных полномочий была трагичной.

Так, Павла I убили заговорщики, Александр I оставил государство на грани переворота, Николай I позорно проиграл Крымскую войну, Александр III правил без потрясений, но тайна его смерти полна легенд, а Николай II вообще утратил власть, и империя рухнула.

После октября 1917 г. властвующих лидеров-реформаторов ожидали потрясения и трагедии: больной В.И.Ленин был изолирован.

Под жестким руководством Сталина была проведена индустриализация. Была выиграна Великая Отечественная война. Но Сталин не сумел подготовить достойного преемника.

Хрущев был смещен с высокого государственного и партийного постов в результате заговора политической элиты.

Благодаря Андропову в состав высшего политического руководства страны вошел Горбачев, который стал инициатором “перестройки”, которая закончилась трагически, приведя к политической гибели самого Горбачева и распаду СССР.

Правление Ельцина чуть ли не закончилось распадом России.

Реформаторы в России в большинстве случаев были одиноки. Они трансформировали сложившиеся условия, выражая потребность времени и реализуя свое “Я”.

По ходу и результатам реформ можно судить об ответственности, воле и нравственности субъектов политико-властных отношений.

Динамизм реформ укрепляет политический вес, репутацию самого реформатора, его сторонников и страны в целом. И наоборот, замедление темпов реформ приводит не только к снижению имиджа реформатора, но и его гибели.

На пути реформ встречаются множество угроз и опасностей. Прежде всего, они исходят от самого политического истеблишмента страны, внешних политических сил, которые не заинтересованы, чтобы были сильные державы; сложившихся экономической и социально-экономической нестабильности; неправильной концепции; слабого организованного идеологического, информационного, финансового обеспечения.

Административная реформа имеет несколько видов:

– вертикальную (то есть централизованную);
– горизонтальную (то есть внутриинституциональную);
– региональную (на уровне субъектов федерации);
– местную (на уровне муниципальном).

Административную реформу следует подразделить на:
– легитимную и самовластную, долговременную (стратегическую) и оперативную;
– санкционированную на эксперимент и самостийную;
– вынужденную в силу обстоятельств и в связи со сменой политических лидеров.

Каждая имеет свои особенности, обуславливающие факторы, качественные или количественные параметры, результаты.

Каковы же причины административной реформы? Ответ на данный вопрос дан в Послании Президента РФ 2003 г., которое было реализовано в его Указе от 23 июля 2003 г. № 824 “О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах”.

В Послании было отмечено: “…Наша бюрократия и сегодня обладает огромными полномочиями. Но находящиеся в ее руках количество полномочий по-прежнему не соответствуют качеству власти,… такая власть в значительной степени имеет своим источником не что иное, как избыточные функции госорганов.

При этом, несмотря на огромное число чиновников, в стране тяжелейший кадровый голод. Голод на всех уровнях и во всех структурах власти, голод на современных управленцев, эффективных людей. Сказанное составляет тот феномен, на котором предстоит провести жизненно необходимую стране административную реформу”.

Появление множества избыточных и дублирующих функций в институтах

исполнительной власти на всех уровнях это не абстракция, а реальность.

Так, по словам С.Нарышкина, “Комиссия по административной реформе провела анализ порядка 5600 функций и полномочий, из которых только около 3000 признаны – необходимыми или дублирующими, а остальные – требующими изменения”[7].

А вот другие данные: анализ функций почти 19 тыс. федеральных государственных учреждений и 6,5 тыс. федеральных государственных унитарных предприятий и обусловил принять решение о сохранении 9550 государственных учреждений и 1055 ГУПов, так как они выполняют необходимые для государства функции[7].

Реформирование институтов государственной и муниципальной власти существенно отстает по сравнению с преобразованиями в экономическом законодательстве. И если такая несогласованность будет продолжаться, то социально-экономические реформы будут продолжать терять не только свою эффективность, но и снижать имидж России, как конкурентоспособного государства. Неумелое распределение должностных полномочий, непродуктивная деятельность институтов власти являются источником многих экономических, социальных и духовно-нравственных коллизий и потрясений.

Свидетельством этому могут служить события в Беслане (1 сентября 2004 г.), в Нальчике (13 октября 2005 г.), а также активизация экстремистов, сепаратистов, политического бандитизма, политического мошенничества, коррупционных и криминальных структур.

Следует сказать и о беспределе в “разбухании” чиновничьего аппарата. Сегодня в России насчитывается значительно больше чиновников, чем это было в СССР.

Каковы же цели и задачи административной реформы, ее суть и этапы?

Целью административной реформы является повышение эффективности деятельности органов власти, становление системы гражданской службы, способной оптимизировать свою роль в осуществлении общественных преобразований, регулировании процессов становления правового государства и гражданского общества. Для ее реализации потребуется разрешить целый комплекс взаимосвязанных задач:

– упорядочение функций и структур органов государственного управления;
– приведение иерархии должностей в государственном органе в соответствие с исполняемыми ими функциями и решаемыми задачами;
– повышение статуса государственных служащих (материальное стимулирование их деятельности, повышение уровня социальных гарантий);
– осуществление эффективной кадровой политики в системе государственной службы;
– повышение продуктивности отбора, расстановки, подготовки, переподготовки и степени роста квалификации государственных служащих;
– создание четкой и эффективной технологии разработки, принятия и реализации решений.

Суть административной реформы в ее целеполагании, этапности, последовательности и ответственности.

Началом административной реформы послужили ряд законодательных и нормативных документов.

Суть административной реформы состоит в сокращении кадров, и в том, чтобы ликвидировать дублирующие функции в деятельности органов власти, прекратить избыточное государственное регулирование, оптимизировать деятельность государственных учреждений и федеральных государственных унитарных предприятий. Но не только… На наш взгляд, сделать институты исполнительной власти более адекватными требованиям современной эпохи. А без воспитания высокой организованности, профессионализма, мудрости всякая реформа окажется очередной кампанией и довольно затратной.

Такова же связь административной реформы и национальной безопасности Российской Федерации? Представляется, что административная реформа затрагивает все сферы жизнедеятельности российского общества, в том числе и систему национальной безопасности. Ведь устойчивое и продуктивное функционирование институтов

исполнительной власти залог стабильности и национальной безопасности страны[***].

Национальная безопасность представляет собой сложную, многоуровневую, интегральную систему, включающую три взаимосвязанных подсистемы:

Первая – это подсистема жизнедеятельности государства, общества, человека, то есть совокупности всех ресурсов и ценностей государства, общества, человека, обеспечивающихся при достаточной защищенности их использования и развития.

Вторая – это подсистема защиты общества, государства и человека, то есть совокупность всех законных сил и средств, обеспечивающих защиту национальных ресурсов и ценностей, а также государственных, общественных и личных интересов от внутренних и внешних угроз.

Третья – это подсистема управления национальной безопасностью, то есть совокупность государственных органов и общественных структур, возглавляемых Советом Безопасности РФ и обеспечивающих оперативное и стратегическое управление системой национальной безопасности[8].

Осуществление административной реформы во многом зависит от целого комплекса возможностей, мотивации субъектов реформы.

Названные элементы обладают свой- ствами или качественными характеристиками, структурными компонентами и функциями.

Так, комплекс возможностей включает три структурных компонента социальной среды как совокупности условий и факторов, которые подлежат проектированию, моделированию и экспертизе:

– пространственно-предметный компонент (помещения для размещения министерств, служб, агентств, административные здания, прилегающая территория и т.п.), который должен обладать определенной инфраструктурой и обеспечивать связь всех функциональных зон. Он должен проявлять гибкость (возможность оперативного изменения), управляемость, символическую функцию (флаг, герб и другую символику);

– социальный компонент, который должен обеспечивать взаимопонимание и удовлетворенность всех субъектов (госслужащих всех уровней, руководителей министерств, служб, агентств, департаментов, управлений, комитетов) межличностными связями, включая ролевые функции и уважение друг к другу, преобладающее позитивное настроение всех субъектов, сплоченность и сознательность, авторитетность;

– профессионально-образовательный компонент, то есть содержание и методы обучения, подготовки и повышения квалификации с учетом институциональных особенностей, персонификации и социализации.

Результатом административной реформы должны стать стратегии, которые должны быть внедрены в практику государственного функционирования и совершенствования. Эти стратегии следует дифференцировать на несколько видов.

Например, *стратегия скорости* в выработке основных приоритетов в администрирования и эффективной конкурентоспособности в оказании услуг населению.

Стратегия новаторства должна заметно отличаться новизной в выборе новых технологий, оптимальных решений, использовании новых методов анализа и оценки результатов работы аппаратов государственной и муниципальной власти.

Стратегия повышения качества всех услуг, оказываемых населению по сравнению с конкурентами. Для достижения этой цели госслужащие должны обладать высокой профессиональной культурой и способностью актуализировать все ресурсы.

Стратегия самоэффективности, которая предполагает веру в собственные способности госслужащих мобилизовывать резервы мотивации, когнитивные ресурсы, осуществлять последовательность действий, соответствующих требованиям ситуации.

Стратегия сознательного контроля за выработку принятие и реализацию решений.

Стратегия обратной связи позволяет следить за общественным мнением о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Стратегия командной работы. Стратегия межличностного взаимодействия и коммуникации.

Стратегия кадровых технологий, связанных с подбором, отбором, расстановкой, подготовкой и переподготовкой кадров.

По каким критериям можно судить об успешности административной реформы?

В основу оценки успешности административной реформы должны быть положены несколько критериальных групп:
– адекватные требования;
– открытость и гласность;
– объективность в оценке достигнутого;
– рост благосостояния населения;
–эффективность государственного управления;
– компетентность чиновничьих аппаратов;
– повышение уровня самосознания и ответственности госслужащих;
– оптимальное взаимодействие субъектов государственной власти с населением, политическими партиями и бизнесом.

Для всего этого необходимы ресурсы межличностного взаимодействия (чуткость, сочувствие, сопереживание и т.д.), ресурсы умственные (знания, способность логически рассуждать и т.д.), эмоционально-волевые ресурсы (воля, решительность и смелость), физические ресурсы (стабильное здоровье, сила и энергичность).

Сегодня административная реформа требует широкой пропаганды, популяризации и эффективной деятельности самих субъектов власти и СМИ по повышению ее имиджа.

Примечания

[1] Платон. Сочинения. В 3-х томах. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 82.

[2] Innenpolitik und politische Theorie. Opladen: Westdeutschtr Verlag, 1976. S. 27.

[3] Destutt de Tracy A.L. Elements d'Ideologie. Paris, 1801–1815. Vol. 1–4.

[4] Religion Revolutionnaire // Dictionnaire Critigue de la Revolution Francaise. Jnstitutions et Creatiuns. Paris, 1992. P. 311–328.

[5] Гегель Г. Политические произведения. М., 1978.

[6] Модели общественного переустройства России, XX век. Отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 13.

[7] Нарышкин С. Административная реформа приносит ожидаемые результаты // Трибуна. 2005. 20 июля.

[8] Словарь терминов по национальной безопасности. М., 1998.

[*] Реформа (от латинского reformare – преобразовывать) – изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Цит. по: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 341.

[**] Власть – это возможность и способность оказывать определенное воздействие на деятельность и поведение людей с помощью воли, авторитета, права, насилия, позитивного имиджа, вознаграждения и других средств.

[***] Национальная безопасность – способность общественной системы страны обеспечить высокий уровень стабильности, устойчивости, жизнедеятельности нации и ее конкурентные возможности во взаимоотношении с внешним миром в целях надежного существования и устойчивого безопасного развития. (Игнатов В.Г., Таранцов В.П., Понеделков А.В., Старостин А.М. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: изд. СКАГС. 2000. С. 8).

“ОДНО ОКНО” – СТОЛИЧНАЯ МОДЕЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

О.Муштук,
профессор

Одним из приоритетных направлений реформирования административно-управленческого аппарата Москвы и всей системы взаимодействия чиновников с населением является внедрение в органах исполнительной власти и городских организациях режима “одного окна”. Главная цель этого нововведения, которое рассматривается столичным правительством как максимально эффективное средство дебюрократизации и оптимизации работы властных структур, заключается в том, чтобы освободить москвичей от необходимости тратить время, деньги и нервы на получение документов от чиновников.

Выступая на заседании московского правительства 18 мая 2004 г. тогдашний вице-мэр В.П.Шанцев подчеркивал: “Нужно создать такую систему, когда москвич приходит в “одно окно” за каким-то конкретным документом, который ему нужен. И сдает чиновникам только то, что у него есть: копию паспорта, копию аттестата, копию свидетельства о льготах, копию удостоверения ветерана войны… И никто больше не гоняет его за другими справками: система сама обеспечивает все согласования и максимум через месяц выдает требуемый документ”[1].

Не менее важно и другое – то, что система, исключая прямые контакты населения с чиновниками, ответственными за принятие решений, тем самым уничтожает почву для коррупции (ибо “чиновники друг другу взятки давать вряд ли будут”). Из структуры чиновничьего аппарата постепенно “вымываются” все лишние звенья, происходит радикальное сокращение штатов, к рациональной норме сводится число всякого рода согласований и разрешительных документов и т.д.

Хотя эта, похожая в наших условиях на сказку, идея “одного окна” давно витала в коридорах столичной власти, официальное начало внедрения системы датируется 10 июня 2003 г. принятием специального постановления правительства Москвы № 438-ПП “О первоочередных мерах, направленных на разработку и внедрение в отраслях городского хозяйства Москвы режима “одного окна”. А уже в начале 2004 г. было заявлено, что экспериментальная фаза в “приживлении” этого нововведения закончилась, и все органы исполнительной власти и городские организации приступили к работе с обращениями граждан в режиме “одного окна”.

В этой связи несомненный интерес представляет изучение первых результатов. И того, как к этому новшеству, призванному кардинальным образом изменить имидж бюрократии, относятся москвичи-заявители, то есть те, кто в текущем и предыдущем году обращался в органы исполнительной власти по тому или иному вопросу.

Именно эти цели легли в основу двух социологических исследований по теме: “Оценка горожанами результативности внедряемой в органах исполнительной власти системы “одного окна”, проведенных под руководством автора в 2005 г. – первое в виде экспресс – опроса посетителей территориальных служб “одного окна” Государственной жилищной

инспекции г. Москвы (май-июнь). Второе – в виде общегородского (фонового) опроса москвичей (сентябрь-октябрь) по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы. Суммарное число респондентов по итогам обоих опросов составило 1584 чел.

I

Не секрет, что успех любого нововведения властей, призванного кардинальным образом изменить положение вещей в той или иной области, находится в прямой зависимости не только от того, насколько готовы к нему исполнители, но и от того, насколько информированы о нем те, для кого это нововведение предназначается, в том числе в плане познания (и использования) новых возможностей и новых “правил игры”.

Опрос показал, что только чуть более одной пятой от общего числа респондентов – 22,33% имеют четкие представление о функциональном (целевом) предназначении служб “одного окна”, тогда как у большинства в 50,56% эти представления носят общий характер. 23,12% известен только сам факт создания таких служб. И 5,85% впервые слышат об этом нововведении.

Такой “расклад” в ответах респондентов говорит не только о невысоком уровне их информированности по поводу перехода исполнительных органов и городских организаций на работу в режиме “одного окна”. Но является свидетельством того, что в основной своей массе москвичи имеют пока что довольно смутное представление о тех новых возможностях и новых правах как столичных жителей, которые “автоматически” появляются у них в связи с открытием служб “одного окна”.

И, стало быть, субъективно еще не готовы к тому, чтобы воспользоваться ими в полной мере. Чтобы быть в состоянии изменить привычную манеру поведения в своих “выходах” на власть – избавиться от психологии традиционно заискивающих перед чиновниками (и унижающих свое человеческое достоинство) “челобитчиков” – и обрести статус уважающих себя граждан. Заявителей, которые, обращаясь в ту или иную властную инстанцию, не просят “снизойти и войти в положение”, а корректно и настойчиво требуют то, что им положено по закону. Что чиновник обязан им предоставить по определению – в рамках своих должностных полномочий. Без какого бы то ни было (явного или скрытого) вымогательства “откупных”. И понуканий бегать по кругу и обивать пороги служебных кабинетов.

В этом свете, очевидно, что для того, чтобы режим “одного окна” заработал в полную силу и кардинальным образом изменил “слезно-челобитные” практики взаимоотношений власти и горожан, последние должны знать правила, на которых эти взаимоотношения строятся. Должны четко представлять себе, где, что и как можно (и должно) получить от чиновника для решения возникающих проблем.

Прав Ю.М.Лужков, когда еще в декабре 2004 г. на заседании московского правительства говорил о необходимости снабжения каждого москвича своеобразной памяткой о принципах работы служб “одного окна”, наподобие той, которая была разработана и доведена столичными властями до потребителя при монетаризации льгот.

Такая памятка была бы не лишней еще и по причине того большого объема разного рода документов и справок, которые требуются горожанам для решения тех или иных социально-бытовых вопросов. И подтверждения того, что они существуют. Что имеют право на те или иные льготы или “послабления”. А, также, учитывая, что выдача этих документов и справок (а их более 400, согласно реестру, принятому московским правительством для упорядочения работы служб “одного окна”) – чуть ли не основная функция городских властей в рамках их взаимодействия с гражданами и организациями (физическими и юридическими лицами).

В этом же ряду заслуживают внимания и результаты ответов респондентов на вопрос: Считают ли они, что те городские органы исполнительной власти, в которые они

обращались в предыдущем и текущем году, действительно перешли на работу в режиме “одного окна”?

На этот вопрос утвердительно ответило лишь незначительное меньшинство респондентов в 8,61%. Большинство же в 50,16% не столь категорично, и исходит из “презумпции”, что такой переход, если и имел место быть, то лишь отчасти.

Еще одна группа респондентов в 18,30% высказала большие сомнения в том, что такой переход, хотя бы частичный, состоялся.

А более одной пятой (21,53%) вообще не усматривает в действиях властей, связанных с реакцией на обращения граждан-заявителей, даже намека на работу в режиме “одного окна”.

Было бы, однако, ошибкой оценивать эти не совсем “радужные” результаты, как своего рода показатель “фиаско” московских властей при внедрении системы “одного окна”, если учесть, что суммарное число респондентов, которые в своих “выходах” на власть в той или иной мере почувствовали и отмечают это нововведение, составило не меньшинство, а абсолютное большинство в 58,77%, тогда как суммарное число тех, кто усомнился в нем или полностью отрицает – всего 39,83%, – то определенный положительный результат налицо.

К тому же нельзя не учесть и фактор времени – чуть более полутора лет – срок явно недостаточный для того, чтобы кардинальным образом изменить ситуацию в системе, которая сложилась не вчера, и основывается на традициях, идущих из глубины веков. А также “махровый консерватизм” и сопротивляемость переходу к работе в режиме “одного окна” со стороны бюрократии. Попытки “притормозить” процесс внедрения со ссылками на извечные трудности – нехватку средств, помещений, кадров и т.д.

Елена Чеканова, заместитель начальника одного из управлений Комплекса экономической политики и развития Москвы, говоря на одном из брифингов о том, что у “одного окна” немало противников, выделила среди них (наряду с чиновниками) и такой “подвид”, как посредники.

Паразитирующий слой прилипших к органам власти “трутней”, которые делают свой “бизнес” на том, что “за определенную мзду “добывают” справки и разрешения намного быстрее, чем это можно было сделать, обратившись напрямую”[2]. При этом чиновники тоже не остаются “в накладе”, ибо получают от посредников “комиссионные за скорость”. А посему “привечают”, а не противятся этому институту. Однако, в силу того, что документы, включенные в реестр, теперь можно будет получить только в “одном окне”, почва для такого “тандемного бизнеса” (в связке посредник-чиновник) со временем если и не исчезнет полностью, то существенным образом сузится.

II

Особый интерес представляют результаты исследования о работе, связанной с организацией деятельности служб “одного окна” с посетителями, – ответы респондентов на вопросы, отражающие основные ступени коммуникации:

1. Манера (стиль) поведения работников служб “одного окна”.

В глазах абсолютного большинства респондентов (52,31%) их лицо выглядит по-человечески радушным и приветливым. Это учтивые и доброжелательные люди, ориентированные на то, чтобы выслушать и помочь.

В то же время велик и удельный вес тех из респондентов, которые рисуют лицо работников служб “одного окна” неприветливым. “Перекошенным” раздражением, смешанным с откровенным хамством, и нежеланием вникать в существо вопроса – 34,82%.

Еще одна группа респондентов – 12,67% указала, что встретилась (в том или ином виде или форме) и с тем, и с другим.

Если сравнить эти результаты с результатами ответов респондентов на аналогичный вопрос социологического исследования “Мнение москвичей о работе органов

исполнительной власти с письменными и устными обращениями граждан", проведенного под руководством автора весной 2004 г., то нельзя не обратить внимания на положительную динамику.

Тогда лишь меньшинство респондентов в 35,5% однозначно оценили стиль работы чиновников знаком "плюс", тогда как абсолютное большинство в 60,7% – знаком "минус". Выделив в качестве доминантных, такие черты, как высокомерие и чванливость, волокиту с прямым (или скрытым) вымогательством "благодарности" за "ускорение дела", уход от проблемы путем переадресовки другим инстанциям и должностным лицам[3].

Особо велик удельный вес респондентов, полностью удовлетворенных организацией работы служб "одного окна" и отношением к ним со стороны персонала Государственной жилищной инспекции г. Москвы – 63,5%.

К ним следует добавить еще 21,2% респондентов, которые высказались в том смысле, что удовлетворены лишь отчасти.

А вот удельный вес тех, кто однозначно неудовлетворен, составил всего 8,4%.

При этом многие респонденты подчеркнули такие черты стиля общения работников этих служб с посетителями, как профессионализм и компетентность, доброжелательность и внимание, быстрота в оформлении приема документов и выдачи разрешений. Что подтверждают и личные впечатления автора, который имел возможность в "живую" наблюдать работу службы "одного окна" в центральном офисе Мосжилинспекции на проспекте Мира.

2. "Скорость" доступа к "одному окну".

Прежде чем подать заявление, абсолютному большинству респондентов (57,52%), пришлось выстоять длинную очередь.

Удельный вес тех, которые указали, что очередь была, но небольшая, составил 20,63%. Тех, что никаких очередей не было вообще – 20,45%.

Оценивая эти результаты, нельзя, конечно, не учитывать, куда и по каким конкретно вопросам обращаются москвичи. Одно дело вопросы, которые стоят как массовая проблема, и их решение обязательно для всех (или, по меньшей мере, для большинства). И совсем другое дело – вопросы, которые носят не общий, а "частный" характер, и инициируется самими горожанами с тем, чтобы получить "добро" на приобретение тех или иных дополнительных благ и услуг.

Однако, даже с учетом этих оговорок, эти данные не дают оснований для того, чтобы заключить – с переводом органов исполнительной власти и городских организаций в режим "одного окна" одна из "вечных" проблем прямого взаимодействия граждан и чиновников, а именно: длинные очереди в служебные кабинеты – решена полностью и окончательно. К сожалению, эти очереди пока что остаются неизменным атрибутом если не всех, то большинства наших "выходов" на власть. Причем очереди, зачастую, просто ужасные.

В чем автор имел возможность убедиться, что называется, на "собственной шкуре", в сентябре текущего года при оформлении пенсии в Пенсионном фонде СВАО г. Москвы (ул. Енисейская[2]).

Приехав туда за полчаса до открытия (8–30) и записавшись в очередь под № 38, я попал в заветный кабинет только спустя 7 час. – в 15–30. И это при том, что многие из очереди впереди меня ушли, так как торопились на работу. Так, что скорость прохождения дел была поистине "черепашья". Причем в этот кабинет была не одна "живая" очередь, а целых четыре: из тех, кто пришел сдавать документы первый раз; кто "доносил" недостающие документы, которые не представил при первом посещении; кто отказывался от социальных льгот и соглашался на денежные компенсации; кто шел на прием к секретарю.

В результате то, что здесь творилось, иначе как Вавилонским столпотворением назвать нельзя. Невольно пришла в голову мысль: это как же надо не любить свой народ, чтобы ставить его в условия, самым беспардонным образом унижающие и попирающие элементарное человеческое достоинство.

Не буду говорить о том, что мне пришлось повторно обращаться в этот же фонд по причине дезинформации в Центре социального обслуживания “Алексеевский” по поводу тех документов, которые требуются. И о том, как я “пробивался” для того, чтобы сдать недостающие документы, которые у меня никто не хотел брать (работавший со мной инспектор заболел).

Впереди у меня (после выдачи пенсионного удостоверения, на изготовление которого, как сказали в фонде, потребуется 2-3 месяца) – получение социальной карты москвича. И я всякий раз начинаю вздрагивать при одной только мысли о том, что мне, не доведи Господь, вновь придется все это пройти по второму кругу.

3. Прием заявлений.

Лишь у меньшинства опрошенных респондентов (хотя и довольно значительного – 27,86%) заявление было принято сразу, без каких бы то ни было осложнений.

Тогда как у большинства в 46,52% его пришлось переписывать по установленной форме. А 23,26% вообще было отказано в приеме по причине “недокомплекта” представленных документов.

Среди обстоятельств, обусловивших эти сбои, респонденты отметили:

– дефицит точной информации по документам, необходимым для предъявления в службу “одного окна”;
– несоответствие информации, пред- ставленной по телефону, информации, полученной непосредственно в этой службе;
– “разночтения” в рекомендациях инспекторов – “не могут с первого раза толком объяснить, какие документы и справки требуются”;
– “подвижность” перечня требуемых документов: с каждым очередным приходом всплывают новые документы. Поэтому ходить приходится по несколько раз. “А пока ты согласовываешь одну справку, срок другой (уже полученной) оказывается просроченным”.

Как видим, основная причина проблем, которые возникают у посетителей служб “одного окна” при сдаче заявлений – это “проколы” в их информационном обеспечении и “фривольность” чиновников в том, что касается перечня документов и справок, которые необходимо представить. Последнее явно вступает в противоречие с правительственным реестром, согласно которому чиновник не вправе выходить за рамки того, что указано в этом документе, то есть требовать от посетителя каких бы то ни было дополнительных справок.

4. Сроки выдачи заявленного документа.

Большинство респондентов (51,81%) получило его в сроки, предусмотренные регламентом. У меньшинства (довольно значительного – 38,38%) заявленный документ получен с продлением срока выдачи. Удельный же вес тех из респондентов, заявленный документ которых не выдан до сих пор (где-то затерялся в коридорах власти), исчисляется 8,08%.

По отношению к этим (фоновым) итогам, результаты ответов посетителей служб “одного окна” Мосжилинспекции на аналогичный вопрос анкеты смотрятся более предпочтительными для этих служб (с точки зрения оценки эффективности их работы).

Согласно этим результатам, всего лишь у незначительного меньшинства опрошенных в 2,1% произошел “сбой” с выдачей разрешения на переустройство квартиры – в том смысле, что документ получен с продлением срока выдачи. Тогда как абсолютное большинства (96,7%) получило его не только в точно оговоренные регламентом сроки, но нередко с их опережением.

Что касается утери заявленного документа, то таких случаев в работе территориальных служб “одного окна” Мосжилинспекции не выявлено (и официально не зафиксировано).

5. Как получен заявленный документ – безвозмездно или за плату.

Число респондентов, которые отметили первый вариант, составило 56,96%, второй – соответственно 24,79%. Еще 15,46% “простимулировали” получение заявленного документа

подарком (или другим по форме выражением благодарности).

Такой “расклад” в ответах респондентов (если не брать во внимание последний вариант) органически вписывается в официальные регламентации работы служб “одного окна”, согласно которым большинство справок и документов изготавливаются и выдаются заявителям за счет городского бюджета. И лишь небольшая часть – за отдельную плату по официально установленным тарифам.

Однако здесь есть одно очень важное “но”. Бесплатная выдача заявленного документа – очень часто лишь благополучный финал далеко не безвозмездного сбора правоустанавливающих справок и документов, который является общеобязательным. Особенно если речь идет о решении вопросов, связанных с регулированием имущественных отношений и прав собственности, эксплуатацией жилых помещений, офисов и т.д. Причем перечень этих документов бывает очень и очень длинным.

Так, чтобы получить разрешение на переустройство квартиры по проекту, в “одно окно” Мосжилинспекции требуется представить в двух экземплярах (оригинал и копию):
– сам проект;
–техническое заключение;
– согласования: с СЭС, АПУ, Пожнадзором, ДЭЗ, ТСЖ/ЖСК;
– заключение Мосгорэкспертизы (если затронуты несущие конструкции);
– договор на авторский и технический надзор (в проектной организации);
– договор страхования ответственности перед третьими лицами;
– документы о правах на помещение: ордер (оригинал или заверенную копию) для нанимателя и свидетельство право собственности (оригинал или заверенную копию) для собственника;
– выписку из домовой книги и копию финансово-лицевого счета (для собственника и нанимателя).

И почти за каждый из этих документов надо платить.

Поэтому особый интерес представляют результаты ответов посетителей территориальных служб “одного окна” Мосжилинспекции на вопрос о понесенных затратах при сборе этих документов.

Первое, что бросается в глаза, так это отказ абсолютного большинства респондентов (порядка 80%) отвечать на этот вопрос со ссылками на модную ныне среди не бедных москвичей “коммерческую тайну”.

Те респонденты, которые не уклонились от ответа, ограничились оговорками: “как у всех – в пределах нормы”, “по официальным счетам и квитанциям” и т.д.

Но были и ответы типа: “очень уж дорого”, “большой (долларовый) счет за небольшую работу”.

Что касается конкретных, указанных респондентами сумм, то здесь довольно значительный разнобой.

Понять непросвещенному человеку, какие сегодня существуют официальные расценки по услугам отдельных служб, не представляется возможным. За исключением, пожалуй, БТИ, где чаще других фигурирует сумма в 500 руб. Хотя встречаются и суммы в 100–200–300–400 руб.

Единственная бесплатная услуга, на которую указали респонденты – выдача самого разрешения.

Диапазон этого “ценового канкана” по отдельным службам простирается:
– по проекту: от затрат, не превышающих 1 тыс. руб., до затрат, максимальная сумма которых исчисляется 8 тыс. долл. В качестве промежуточных, чаще других фигурируют суммы в пределах 400–800 долл.
– за согласование с Пожарным надзором: от “бесплатно” до 16 тыс. руб. по максимуму. В качестве промежуточных, – суммы в пределах 50–300 долл.;
– за согласование с Санэпиднадзором: от 1,5–2 тыс. руб. до 10 тыс. руб. по максимуму. В качестве промежуточных, – суммы в пределах 4–6 тыс. руб. (или порядка 200 долл.);

– за согласование с архитектором: от 1,5–2 тыс. руб. до 22 тыс. руб. по максимуму. В качестве промежуточных, – суммы в пределах 4,5–5 тыс. руб. (чуть менее 200 долл.).

Особо впечатляют цифры общей суммы расходов, связанных со сбором всей совокупности правоустанавливающих документов и справок, необходимых для выдачи разрешения – диапазон сумм в рублях, колеблется от 3 до 50 тыс.; в долларах – от 1,5 до 40 тыс.

Этот "разнобой" можно объяснить целым рядом объективно существующих факторов.

Здесь, несомненно, сказывается то, каким образом осуществляется пе- реустройство – по проекту или по эскизу?

Каковы его масштабы и характер?

Кто является заявителем – юридическое или физическое лицо?

И многое другое.

Но при этом важно подчеркнуть, что, несмотря на "нехилые" платежи, ни один из респондентов не заявил, что, помимо официальных расходов, ему пришлось оплачивать дополнительные "накладные расходы", связанные с таким явлением, как коррупция.

Об этом можно только догадываться, если учесть, что очень многие из посетителей служб "одного окна" – посредники, действующие по поручению заявителя и той фирмы, которая нанимается им для переустройства квартиры или офиса.

Как доверительно сообщила автору сотрудница одной из территориальных служб "одного окна", удельный вес этой категории (посредников) среди посетителей достигает, чуть ли не 80%.

III

В базовом варианте служба "одного окна" состоит из 3–5 чел. В этой связи перед респондентами был поставлен вопрос, считают ли они, что такого количества сотрудников вполне достаточно для эффективной и оперативной работы? В своих ответах на этот вопрос респонденты разделились на две примерно равные группы. Первая чуть меньшая группа (47,35%), ответила утвердительно, подчеркнув при этом, что важно не количество само по себе, а качество персонала и его отношение к делу.

Вторая чуть большая группа (49,30%), напротив, исходит из того, что даже при высоком качестве, малым количеством сотрудников проблемы эффективности не решить.

Поэтому увеличение численности работников служб "одного окна" неизбежно.

По этому поводу В.П.Шанцев в одном из интервью еженедельнику "Мир новостей" на вопрос, не приведет ли внедрение режима "одного окна" к увеличению штата чиновников, ответил, что "да". Но с оговоркой – только "на первых порах… В дальнейшем чиновники будут "отваливаться", когда выяснится, что не нужна большая часть ГУПов, которые были созданы только для того, чтобы согласовывать те или иные документы[4]. Кроме того, перестав напрямую общаться с населением, аппарат управ и префектур "освободится" от тех из чиновников, "кто соглашается на работу только потому, что надеется на левый заработок".

Как бы там ни было, но проблема оптимизации численности персонала служб "одного окна" (учитывая сохраняющиеся во многих из них длинные очереди) действительно существует. Но подход к ее решению должен быть дифференцированным – с учетом профиля тех или иных служб и масштабов "посетительской нагрузки". В одних из них, имеющих дело с ажиотажным спросом, увеличение числа сотрудников действительно необходимо. И "одно окно" должна быть не "однооконным", а "многооконным". Но не за счет расширения штатов организации – держателя "одного окна", а путем рациональной кадровой ротации. В других же, где такого ажиотажного спроса нет, вполне можно обойтись малым числом работающих. Однако и в том, и в другом случае упор должен быть сделан на профессиональную выучку персонала и максимальную компьютеризацию (электронное обеспечение) управленческого труда.

В этом же ряду вопросов эффективности стоит и вопрос: Можно ли в условиях, когда принятие того или иного властного решения сопряжено со всякого рода внутриведомственными и межведомственными согласованиями, цепочка которых бывает очень длинной, гарантировать быстроту подготовки документов?

Большинство респондентов (42,06%) считает, что сделать это более чем проблематично.

А 27,44%, что вообще невозможно – для этого количество согласований должно быть сведено до минимума. И только 29,53% исходит из обратного.

И с этим меньшинством можно было бы так или иначе согласиться, если бы в Москве эффективно функционировала единая и доступная всем электронная система передачи информации и обмена данными, которая позволяла бы работникам служб “одного окна” оперативно связываться не только с “визирующими” городскими, но федеральными организациями. Без проволочек получать от них все необходимые документы и справки, заверенные электронной печатью.

Пока же такая система электронного документооборота, созданная специально учрежденным для этой цели АО “Электронная Москва” (и весь город буквально опутан оптико-волоконными кабелями и широкополосной интерактивной связью), не очень востребована, и работает с недогрузкой.

В том числе и потому, что, говоря словами В.П.Шанцева, “чиновники иногда ленятся нажимать на кнопки компьютера. Вот и заставляют москвичей бегать за справками”[5].

Причем эта “беготня” занимает уйму времени и нередко растягивается на месяцы, а то и годы.

Так, на вопрос: Как давно они занимаются оформлением переустройства квартиры (или офиса)?

48,9% респондентов-посетителей служб “одного окна” Мосжилинспекции ответили, что начали его задолго до появления этих служб. 29,8% – что с появлением этих служб (то есть в течение последних двух-трех месяцев) и 19,1% – что только приступили к этому делу.

Еще 2,1% указали конкретные сроки: у одних они измеряются месяцами (от 1 до 7), у других – годами в диапазоне от 1 до 2–3 и более лет.

Не случайно большинство из того числа респондентов, которые высказали свою неудовлетворенность работой служб “одного окна”, в качестве ее основной причины назвали необходимость самостоятельно собирать правоустанавливающие сопроводительные документы (справки из БТИ, ДЭЗ и т.д.).

Лучше других эту причину сформулировал респондент из ВАО, написав на страницах анкеты: “Хотелось бы отдать проект (эскиз) в эту службу, оплатить расходы и получить ответ, а не бегать “с высунутым языком” по всей Москве”.

Нежелание “нажимать на кнопки компьютера”, как представляется, связано не только с традиционной “ленью” чиновников, но в немалой степени и с уровнем их компьютерной грамотности, который у многих в целом пока что не отвечает тем требованиям, которые предъявляет к пользователю “Электронная Москва”.

Когда иногда смотришь как при мерцающем заставкой мониторе, в руках “принимающей” стороны работает только шариковая ручка, то создается впечатление, что компьютер здесь не обыденный рабочий инструмент, а только модный антураж, своего рода электронный декор.

IV

Особого внимания заслуживают результаты ответов респондентов на вопрос: Считают ли они, что работа органов исполнительной власти в режиме “одного окна”, который исключает прямые контакты населения с чиновниками, действительно позволит полностью искоренить взяточничество в их среде?

Лишь очень незначительное меньшинство респондентов (16,85%) ответило на этот вопрос однозначным “да”, полагая, что раз нет контактов, то и нет условий для того, чтобы брать.

Абсолютное же большинство в 81,20% не столь оптимистично и считает, что этого сделать нельзя.

Но при этом одна часть этого большинства (40,81%), все же допускает возможность больно прищемить “мохнатую руку” коррупции створками “одного окна”.

Другая часть в 40,39% – такую возможность полностью исключает, ни на минуту не сомневаясь в том, что чиновники изобретут новые обходные пути и лазейки для взимания “статусной ренты”. И за “одним окном” обязательно появятся “заветные” двери для тех из “просителей”, кто очень нетерпелив. Кто готов (или принуждается) к тому, чтобы платить. Тем более что людей уже давно приучили давать взятки.

Как бы там ни было, но рассматривать внедрение системы “одного окна” как панацею от мздоимства в коридорах власти, конечно же, нельзя. Коррупция – не частная, а исключительно сложная макросистемная проблема. И решать ее с той или иной степенью эффективности можно (и должно), прежде всего, именно на этом макросистемном уровне. Через кардинальное оздоровление всей среды (всей совокупности условий) жизнедеятельности как социума, так и власть имущих, в том числе преодоление в общественном бытии клиентельных и корпоративных начал, теневых (закулисно–кулуарных) технологий и методик выработки и принятия решений, “теневого операционного кодекса” в том, что касается согласования частных и государственных (общественных) интересов и т.д. А также посредством функциональной разгрузки от сонма функций, связанных с правом “казнить” или “миловать”; разрешать или запрещать те или иные намеренные действия граждан и организаций; легитимировать и контролировать их предпринимательскую и коммерческую деятельность и т.д., перераспределив часть этих функций в пользу самоуправленческих структур гражданского общества.

В этом смысле внедрение системы “одного окна” лишь один из многих, безусловно, правильных шагов, которые необходимо предпринять с тем, что низвести “разбушевавшуюся” в стране коррупцию до уровня не опасной “хронической болезни” – болезни, которую нельзя полностью излечить, но чье присутствие в общественном организме не создает угрозы его разрушения и системного “коллапса”.

Все высказанное респондентами в суммарном виде отразили результаты их ответов на последний вопрос анкеты: Как изменилась (и изменилась ли вообще) ситуация во взаимоотношениях органов исполнительной власти и городских организаций с гражданами-заявителями, если сравнивать ее с той, которая была до внедрения системы “одного окна”? (табл.).

Таблица

Ответ	% к итогу
Изменилась в лучшую сторону, причем самым кардинальным образом – теперь не надо бегать по инстанциям: отдал заявление и документы, имеющие непосредственное к нему отношение, и жди результата	14,90
Положительные изменения действительно есть, но они пока не столь значительны, чтобы говорить о кардинальных сдвигах	47,91
Изменения пока что касаются только формы, тогда как содержание фактически остается прежним. И всякого рода бюрократические оговорки и принуждение бегать по кругу продолжают “править бал”	35,10
Другое	2,09

Эти результаты говорят сами за себя и не нуждаются в дополнительных комментариях.

Единственное, что следует им ниспослать, так это то, что до укоренения системы

“одного окна” в том виде, в котором она задумана столичным правительством, когда в процессе подготовки разного рода документов и справок “бегают” данные, а не люди, потребуется значительно больше времени, чем предполагалось. Ибо речь идет о нововведении, которое не ограничивается структурной перестройкой бюрократического аппарата, а затрагивает глубинные пласты чиновничьей корпоративной этики и психологии, требует коренной ломки того, что охватывается понятиями “устои”, “традиции”, “стереотипы” и т.д.

Примечания

[1] Московский комсомолец. 2004. 19 мая

[2] Тверская, 13. 2004. 1 апреля.

[3] Муштук О.З. Мнение москвичей о работе органов исполнительной власти // Пульс. 2004. № 6 (290). С. 13–14

[4] Мир новостей. 2005. 15 марта.

[5] Аргументы и факты. 2004. № 12.

ЗАПАДНОЦЕНТРИЗМ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

А.Матюхин,
кандидат социологических наук

В нашем обществоведении стала почти обыденным фактом констатация катастрофических последствий либерального эксперимента в современной России.

Действительно, наша страна в конце XX – начале XXI в. не только не смогла дать адекватный модернизационный ответ в современном мире, но и по всем социальным и экономическим показателям оказалась отброшенной назад, очутилась на периферии мирового развития. Помимо многих причин, необходимо обратить внимание на специфику самой идеологии либерализма в России, которая под рассуждения о “необходимости деидеологизации” перестроечного периода сегодня, по сути, стала “правящей”.

Стоит напомнить, что “архитекторы” и “прорабы” перестройки в конце 80-х годов обозначили само понятие “идеология” как “вредное” и “тоталитарное”. Конечно, идеология никуда не исчезла, и исчезнуть не могла – идеология является неотъемлемой частью духовной жизни общества. И пришедшая к власти в 1991 г. “реформаторская элита” попыталась предложить свой идеологический проект, воспроизводящий параметры западной либерально-рыночной идеологии.

Многими исследователями обращается внимание именно на бездумность и схематичность переноса “западных образцов” на российскую почву.

А могло ли быть иначе в реформаторстве либеральной политической элиты?

Могли ли российские либералы предложить иные, не западнические модели?

Что из себя вообще представляет феномен “идеологии русского либерализма”?

И здесь необходимо подчеркнуть, что “западноцентризм”, в принципе, является, и являлся всегда основой этого идеологического направления в России.

Чтобы в этом разобраться, необходимо обратиться к истокам и становлению русской либеральной доктрины.

Сама либеральная идеология была рождена совсем не российскими, а западноевропейскими реалиями Нового времени, явилась отражением коренных изменений, масштабных трансформаций в истории и общественном сознании народов Запада.

Этимологически слово либерализм происходит от liberal (лат.) – свободный.

Эта идеология сформировалась на основе определенного фундаментального набора политико-правовых идей и общественно-политических принципов построения и развития социума, выработанных многими выдающимися западноевропейскими мыслителями второй половины XVII–XIX вв. – Т.Гоббса, Д.Локка, Ш-Л.Монтескье, Ж-Ж.Руссо, И.Канта, А.Смита, Б.Констана, Д.Милля, И.Бентама, Г.Еллинека и др.

В западноевропейской и американской традиции либерализм стал ведущим идеологическим направлением, основанным на таких базовых принципах, как:

– признание универсальной ценностью человеческой личности и ее свободы,
– равенство всех граждан перед законом,
– ограничение сфер деятельности государства в гражданском обществе,
– всеобщее избирательное право,
– разделение властей,
– свободный рынок на основе частной собственности, предпринимательства и конкуренции,
– реформизм общественных преобразований.

Появление либерализма в России относится к XVIII в.

Например, В.В.Леонтович ведет отсчет его истории, начиная с деятельности и программы общественных преобразований Екатерины II. В более традиционной советской и постсоветской историографии появление либерализма в России связывается с петровскими реформами, со знаменитым “окном в Европу”, через которое “хлынули” идеи западноевропейского Просвещения, начались непосредственные контакты представителей русской интеллигенции с европейской. Но несомненно, что именно со второй половины XVIII в. либеральные идеи в России стали приобретать общественную значимость.

В этой связи необходимо отметить, что изначально концептуальной, социально-философской, теоретико-методологической основой русского либерализма являлись западноевропейские политико-правовые идеи, рожденные и развившиеся в русле рационалистической и просветительской традиции. И в дальнейшем*, на протяжении XIX–XX вв. последовательно, но неизменно сказывалось воздействие на русскую либеральную доктрину работ французских и английских просветителей, европейских позитивистов, немецких мыслителей: Канта, Гегеля, Штейна, представителей западноевропейской юридической школы, американской политологии и т.д. И хотя на российской почве западноевропейские идеи часто имели весьма самобытное преломление – в целом всегда стратегической являлась ориентация русских либералов на идеологическую платформу западного либерализма, на образцы политических институтов Запада, порожденных эпохой Модерна. Отсюда неотъемлемой частью всего спектра либеральной идеологии в России является “западноцентризм” – постоянная апелляция к западному опыту и к западным моделям как к неким (в большей или меньшей степени) идеальным модернизационным образцам и, одновременно, критериям сравнительного подхода к отечественным реалиям. При этом неизменно сравнение делалось не в пользу последних.

Эта особенность русского либерализма проявилась еще во второй половине XVIII в. – периоде протолиберальных идей в общественной мысли России – в “Наказах” и переписке Екатерины II, в русском просвещении и т.д. В целом российский XVIII в.– это период инкубационного накопления представлений и знаний о Западе, период сравнений – “что у нас и что у них”, период постепенного осмысления и первых оценок “непохожестей”. Западноевропейский опыт стал в России начала XIX в. главным стимулятором попыток проведения либеральных реформ самодержавной политической системы.

Эти попытки напрямую связаны с политико-правовым творчеством и деятельностью статс-секретаря императора Александра I М.М.Сперанского (1772–1839 гг.). Сперанский стремился к “прививке” полезных, по его мнению, элементов политической системы и политической культуры Запада к российским реалиям, опираясь, прежде всего, на опыт конституционных монархий Западной Европы. При создании свода законов Российской Империи он руководствовался не только, а скорее и не столько необходимостью систематизации прежнего русского законодательства, сколько желанием серьезного видоизменения существующего права в сторону права западноевропейского. В этом вопросе Сперанский – правда, в достаточно завуалированной форме – проводил сравнение по линии Запад – Восток, противопоставляя “передовую” правовую систему западных стран “архаике” абсолютизма и предлагая российскому императору сделать выбор в пользу “цивилизованности” и современности”.

“Правильное законодательство, – подчеркивал Сперанский, – дает более истинную силу правительству, нежели неограниченное самовластие. В Англии закон дает правительству власть, и потому оно может быть там сильно, и Турции закон дает правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо”[2] .

Сперанский охотно ссылался в своих сочинениях на французских просветителей, а так же на Бентама, Блэкстона и других модных идеологов западноевропейского либерализма, пытаясь использовать их идеи в качестве теоретических опор своих реформаторских замыслов. За это он был подвергнут жесткой критике со стороны М.Н.Карамзина, который увидел в этих планах либеральных реформ подрыв политических традиций российского

государства, что, по его мнению, грозило дестабилизацией ситуации и нарастанием хаоса в стране. Карамзин призывал Александра I отказаться от нововведений по западноевропейским образцам и вернуться к старым государственным институтам и принципам правления, убеждая его, в частности, так: “Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иностранным державам, то упрек этот в наше время еще страшнее”[3].

Но, впрочем, Сперанский в своих ориентациях на западноевропейский опыт и политические идеи не отличался особым радикализмом. По-настоящему динамичный импульс “западноцентризма” русский либерализм обретает в первой половине XIX в. с появлением своеобразного культурно-политического направления общественной мысли – русского западничества.

С конца 20-х годов XIX в. русское западничество формировалось под влиянием идей П.Я.Чаадаева (1794–1856 гг.).

В его “Философических письмах” впервые в русской политической мысли достаточно радикально позвучала тема “отпадения” России от мирового развития, отождествляемого автором с состоянием современного ему Запада. Россия представала аномальной страной, история которой противоречит законам эволюции и существования прогрессивных народов.

“Мы стоим как бы вне времени, – писал Чаадаев, – всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось4.

От Запада, где, по мнению Чаадаева, заложены основы совершенного общественного устройства, Россия отличается тем, что ей не руководит “божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире”[4]. Божественная сила – это историческое провидение, которое ставит перед конкретным народом определенную цель, как частную относительно цели развития всего человечества, идущего к “царству божьему на земле”.

Это, по Чаадаеву, основной закон исторического прогресса. Но данный закон не распространяется на Россию, она оказывается во вневременном контексте. Он обозначал даже некие биологические предпосылки регрессивности России: “В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс”[4].

Чаадаев считал, что “плодотворные” западные идеи “долга, справедливости, права, порядка” России оказались не привиты.

Какой же выход видел Чаадаев?

России необходимо пойти по пути, по которому прошло человечество Запада.

Помимо П.Я.Чаадаева к либеральному направлению западничества относились Т.Н.Грановский, П.В.Анненков, В.П.Боткин, Н.В.Станкевич, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин и др.

Вместе с влиянием европейского Просвещения, наибольшее воздействие на формирование западничества оказали идеи немецкой философии – особенно концептуальные построения Г.Гегеля.

Как отмечал впоследствии философ-эмигрант Г.П.Федотов, “поколение отрешенных гегельянцев сделалось родоначальником русского либерализма”[5].

Кредо либерального западничества выразил историк Т.Н.Грановский (1813–1855 гг.): “Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его?”[6].

Либеральные западники в идейных спорах со славянофилами отстаивали идеи об усвоении Россией основ и духа европейской цивилизации: политического строя, культурных ценностей, науки и техники.

Несомненно, что западничество – это не конкретно историческое явление, обозначенное хронологическими рамками 30–50-х годов XIX в. Это особый феномен, тесно связанный с развитием либерального направления в России.

Например, К.Д.Кавелин (1818–1885 гг.), говоря о противостоянии западничества и славянофильства, пророчески замечал: “Речь идет о принципах, глубоко коренящихся в

жизни и сознании. Борьба этих принципов не при нас началась, и едва ли при нас окончиться”[7].

Во всяком случае, на протяжении всего развития русской либеральной доктрины в ней сохранялись западноцентристские тенденции, нюансированные в разных ее течениях.

Так для сторонников конституционной монархии в русском либерализме – Б.Н.Чичерина, А.Д.Градовского, М.М.Ковалевского, позднего П.Б.Струве – ориентиром для России всегда служила государственная форма Британской империи, а, например, для большей части представителей Конституционно-демократической партии – крупнейшей из партий либерального спектра начала XX в., а чуть ранее для Н.М.Коркунова, И.И.Петрункевича и др. – политическим идеалом выступала демократическая республика французского или американского образца.

Но непременно государство западного типа ассоциировалось с “современной”, модернизированной политической системой и рассматривалось как прогрессивное и универсальное для иных, не западных обществ, стремящихся к своей политической модернизации.

Так, например, А.С.Алексеев (1851–1916 гг.) – крупный правовед рубежа XIX–XX вв. и главный юридический авторитет в либеральных кругах своего времени – писал: “Если прежде политический строй народа слагался лишь из элементов, вырабатывавшихся на его родной почве, то в новое время этот строй нередко искусственно насаждается по образцу конституций других народов и сразу дает народу то, что другим доставалось веками многотрудной исторической жизни”[8].

Он полагал, что современная конституционно-политическая система исторически формировалась первоначально в Англии, распространилась далее на западные страны, и отныне, став объектом политической науки, получала прикладное значение для всех стран мира. Таким образом, по мнению либерала Алексеева, политическая наука, исследующая прогрессивную западную политическую систему, становится “самостоятельною силой, подчиняющей своему владычеству культурные народы, нивелирующею политический быт и распространяющею на них сеть однообразных учреждений”[8].

На политическую универсальность западных институтов применительно к России прямо указывал известный либеральный публицист второй половины XIX в. В.А.Гольцев (1850–1906 гг.).

Он полагал, что Россия исторически тяготеет к западноевропейской цивилизации, и поэтому путь ее политического развития предопределен. “Мы, русские, писал Гольцев – европейский народ. … Следовательно, все то, что составляет общее достояние европейского Запада, что одинаково признается и во Франции, и в Германии, и в Англии необходимым условием здоровой государственной жизни, все это необходимо и русскому народу”[9].

В проекте конституции России, которую в начале XX в. разрабатывала группа либеральных интеллектуалов, принадлежащих к Союзу освобождения (П.Б.Струве, И.В.Гессен, И.И.Петрункевич и др.) прямо указывался главный источник правовой системы: Основной Государственный закон Российской Империи должен быть “основан на вековом опыте Западной Европы и приспособлен к нуждам России в данный момент”[10].

Проект предусматривал двухпалатное народное представительство, где вторая – верхняя (Земская)- палата уподоблялась по функциям американскому сенату: она должна была представлять интересы губерний – частям Российской Империи, по сути, предавался федеральный статус.

В системе двухпалатного народного представительства либеральные авторы видели “одну из главных гарантий действительного усвоения начал политической свободы”[10].

В данном проекте ощущался стратегический прицел уже не на идеал европейской конституционной монархии, а на республиканскую форму государственного устройства, причем на ее модернизированный американский образец.

В профессорской и интеллигентской среде русских либералов западноцентристские мотивы часто подводились под более универсальные понятия “цивилизованность”,

“культурность”, “просвещенность” и т.д.

Так, в начале XX в. П.Н.Милюков (1959–1943 гг.) – лидер партии конституционных демократов – полагал, что в России начинается принципиально новый этап адаптации и утверждения цивилизованных политико-правовых институтов Запада: “Россия пошла в развитии своего государственного строя тем же самым путем, которым шли и будут идти все просвещенные государства”[10].

Путь просвещенного государства логически вытекал у Милюкова из его социологических построений, основанных на традициях европейского позитивизма. Все человеческие общества проходят однотипные, универсальные ступени развития и движутся к более прогрессивной, идеалом которой и является современный Запад.

“Конечно, – отмечал Милюков, – и Россия переживала те же ступени политического роста, как и все другие цивилизованные государства”[10].

С этих позиций Милюков критиковал сторонников идеи самобытного развития России, прежде всего, консерваторов, представителей славянофильских и почвеннических течений, “придумавших исконные начала” и “народный дух”.

Любопытен и такой факт из жизни П.Н.Милюкова: в 1906 г. он, в частном разговоре с С.Ю.Витте, советовал не принимать тот или иной вариант “русской конституции”, а просто дать поручение перевести бельгийскую или болгарскую конституцию и ввести ее в качестве Основного Закона Российской Империи[11]. (Через 90 лет это пожелание Милюкова почти сбылось. Ныне мы живем по “полуфранцузской”, “полуамериканской” Конституции РФ).

Очарование Западом русских либералов оставляет некоторое ощущение потери логики и игнорирования исторических фактов.

Так, например, П.Б.Струве (1870–1944 гг.), говоря о великорусской имперской политике в отношении национальных окраин, противопоставлял ей как более цивилизованную англосаксонскую модель решения национально-колониального вопроса. И более того, он призывал перенять эту модель для России: “Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи”[12].

А вот что по этому же поводу говорил тот же П.Н.Милюков, выступая в Государственной Думе: “Есть империалистическая политика и политика. Та империалистическая политика, которую ведет империалистическая Англия, разве похожа на нашу! Завидно становиться, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами”[13].

Действительно, по меньшей мере, вызывает удивление эта идеализация “органической гегемонии англосаксонского элемента в Соединенных Штатах” и “культурных методов английской колониальной политики”, включающих почти поголовное истребления туземцев Северной Америки и откровенный грабеж своих восточных колоний.

По мнению В.В.Леонтовича, ориентация русского либерализма на западные модели была обусловлена отсутствием в России необходимых исторических корней, из которых вырос либерализм западноевропейский. Этими корнями являлись развитая феодальная система и независимость религиозных, духовных властей от светских в эпоху Средневековья.

“И идеологически, и практически, – отмечает Леонтович, – русский либерализм был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне”[11].

Впрочем, необходимо подчеркнуть, что западноцентризм русских либералов вовсе не означал автоматически прозападную, и соответственно антироссийскую ориентацию. Западноцентризм был здесь скорее историко-методологическим и институциональным – активно использовались западные либеральные социально-правовые теории и образцы западных политических учреждений. В своем подавляющем большинстве русские либералы XIX – начала XX в. были искренними патриотами своей страны, а в периоды

международных конфликтов и войн, где принимала участие Российская Империя, нередко выступали даже носителями националистических настроений.

Но в чем была причина постоянного сохранения западноцентриской специфики в русском либерализме?

Дело в том, что для методологии русского либерализма в целом всегда была характерна приверженность западноевропейским эволюционным концепциям Нового времени. Законы общественной эволюции признавались универсальными, “общечеловеческими”; эти законы определяют непрерывное и поступательное движение человечества от простейших, “архаических” форм организации общества к более сложным и “прогрессивным”.

В западноцетристских по своей природе эволюционных схемах общественного прогресса эпохи Модерна Россия неизменно рассматривалась отечественными либералами как страна с “запаздывающим” типом развития по сравнению с Европой. С некоторым отставанием она проходит те же универсальные стадии, фазы исторического пути, которые прошел Западный мир.

Либералы всегда были уверены, что Россия, не смотря на некоторую “задержку в пути”, все же исторически, политически, психологически почти готова (или уже готова) для воплощения либерального образца западного типа. Но препятствием на дороге, ведущей к желанному идеалу, оказывались “рудименты” старого общества – “деспотические”, “тоталитарные” традиции власти, общинные формы организации жизни и хозяйства, “рабский” национальный менталитет и т.д.

Какой выход видели либералы? – Необходимо поступательно и активно завершить процесс формирования в России правового государства, гражданского общества, соответствующего ему правосознания граждан, сделать процесс либерализации российской жизни необратимым. “Клячу российской истории” предполагалось уверенно взять “под уздцы”, или даже “подхлестнуть” в направлении необходимого “пункта назначения”.

При этом важно заметить, что в русском либерализме всегда заметную роль играли либералы радикального толка – сторонники ускоренных мер. Главным их отличием является ориентация не на методы и средства, а на идеи, принципы и цели. Радикальные либералы – это своеобразные фанатики либеральных идей и либеральных принципов. Они, как правило, не склонны задаваться вопросами о специфике воплощения данных идей и принципов в конкретном социуме, в определенной, конкретно-исторической и культурно-политической среде. Для них либеральные идеи, принципы и цели – это абсолют, не требующий доказательств. Но если доказательства и потребуется (кому-то) – то в этом случае существуют единственные источники истины – работы, исследования и построения западных идеологов – приверженцев либеральной доктрины. В этих работах все “расставлено по своим местам” все аргументировано и доказано; остается только бережно и с благодарностью “за науку” взять в готовом виде эти истины, обобщенные выводы и “рецепты либерального лечения нецивилизованных обществ” и плодотворно использовать “на благо отечества”.

Можно в этом смысле, перефразируя классиков марксизма, сказать: часто для либералов в России либеральные идеи и принципы были первичны, а средства и методы их воплощения – вторичны. Средства и методы – лишь техническая проблема реализации заданных образцов, поэтому они не могут абсолютизироваться, но могут варьироваться, меняться в зависимости от ситуации. Первичность “власти идей” предполагает, в случае необходимости, использование и революционных методов их воплощения. В XIX – начале XX в. на политической арене России радикальный либерализм был представлен значительной частью земского движения, либеральной журналистикой, а после 1905 г. – политическими партиями, и, прежде всего, кадетами.

Российская история предоставила либералам шанс в период февраля – октября 1917 г. Как известно, он окончился провалом. Западноцентристское мышление либерального руководства с характерным для него схематизмом, переходящим в утопизм, вступило в

противоречие с российскими реалиями, с архетипами российского менталитета, всегда глубинно традиционалистского, склонного к этатизму, к патернализму. В кризисные периоды истории массовое российское сознание если и готово к восприятию каких-либо либеральных идей, то достаточно поверхностно, и вряд ли склонно делать эти идеи критериями организации всей жизни (но не в силу "отсталости", а по причине неорганичности для российской цивилизации либеральной идеологии как "западного продукта").

Уже находясь в иммиграции, либеральный историк и писатель Марк Алданов подвел неутешительные итоги попыткам реализации западноцентристского проекта русского либерализма начала XX в.: "Опыт превращения Россию в Англию не удался"[14]. Добавим, что либеральный эксперимент 90-х годов по превращению России в Америку так же провалился.

Необходимо отметить, что именно западноцентризм или отдельные его элементы, широко представленные в концепте русского либерализма, являлся главным объектом критики со стороны идейных оппонентов.

Так историк и теоретик Евразийства Н.Н.Алексеев отмечал ведущую роль именно русского либерализма в становлении и роли западничества как особого феномена, деструктивно повлиявшего на развитие России в XIX и XX вв. "Русская история и философия культуры западнического толка, – писал он, – в огромной доле своей была построена в различных течениях русского либерализма"[16]. При этом Алексеев связывал с западничеством в России не столько стремление плодотворно использовать чужой опыт, сколько отвергнуть собственный, изначальное нежелание опираться в своих теоретических построениях на основы живой и саморазвивающейся национальной культуры: "Западничеством надлежит именовать не попытки использования западной культуры в чужих культурных целях, но стремление к теоретическому и практическому отрицанию особого мира собственной культуры во имя культуры западной"[15].

Главные оппоненты либералов – славянофилы и консерваторы – подвергали их особенно острой критике именно за отрицание ценности самобытных начал российского цивилизационного генотипа и напрямую связывали западноцентризм русских либералов с антинациональными установками.

Так, по мнению, Ф.М.Достоевского, для либералов характерен взгляд на русский народ лишь как на "косную массу", тормозящую прогрессивное развитие России, а раз так, то эту массу, эту бесформенную материю необходимо оформить – "пересоздать и переделать" в соответствии с либерально-западническими схемами[16].

Салонные споры ранних славянофилов и западников со второй половины XIX в. предельно ожесточились в журнальных и политических дискуссиях между неославянофилами и консерваторами, с одной стороны, и либералами – с другой.

Вышедшая в 1871 г. книга идеолога неославянофильства Н.Я.Данилевского "Россия и Европа" "поставила диагноз" отечественной либеральной интеллигенции: "Европейничанье – болезнь русской жизни" (так называлась одна из глав). Главное обвинение Данилевского состояло в том, что русские либералы приняли западные культурно-политические ценности за "общечеловеческие", универсальные. Он считал, что "благие начинания" отечественных либералов адаптировать эти ценности у себя в стране автоматически вытолкнут Россию на периферию мировой истории, пресекут возможности успешного национального развития, и даже потенциального мирового лидерства. А такая стратегическая перспектива представлялась Данилевскому вполне реальной, но при условии сознательного отторжения культурно-чуждых начал и, соответственно, развития начал самобытных.

Таким образом, западноцентристской модернизации в теории русских либералов противопоставлялась славянофильско-консервативная идея модернизации России исключительно с опорой на собственный цивилизационный ресурс.

В начале XX в. парадоксальный подход к традиции западничества и славянофильства в России, явно не соответствующий общепринятым представлениям, продолжил Н.А.Бердяев,

“перевернув координаты” до обратного цивилизационного смещения Азия – Европа.

Он писал: “Отрицание России и идолопоклонство перед Европой – явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность”[17].

На такого рода “парадокс Бердяева” современный российский исследователь С.Г.Кара-Мурза замечает: Бердяев, конечно, преувеличивал – он и представить себе не мог, что значит “подражать Западу как дети”, не мог предвидеть в России такого явления, как Егор Гайдар или Новодворская”[18].

На сегодняшний день некоторый историко-политологический анализ убеждает: русский либерализм сформировался, развивался и существует до сих пор исключительно в русле достаточно поверхностных западноцентристских ориентаций. Перефразируя известную цитату Сталина, скажем: “А других либералов у нас для вас нет”. Просто современные либералы довели эти западноцентриские ориентиры до абсурда.

Вряд ли следует вступать в полемику о ценности и “ценностях” самого западного либерализма. Как и любой культурный феномен, он, несомненно, достоин внимательного отношения. Однако, применительно к условиям современного мира, можно поставить ряд вопросов, один из которых сформулируем так: в состоянии ли либеральное государство выполнять важнейшие социальные функции в случае возникновения неординарной для населения ситуации? Такого рода вопрос особенно актуализируется в обстановке современной глобальной нестабильности.

Наглядным примером может служить неспособность наиболее мощной либеральной державы – США справиться с последствиями урагана “Катрин”, разрушившим в сентябре 2005 г. Новый Орлеан. Здесь стало понятным, что либеральное государство, по своей природе, не обладает достаточными мобилизационными, организационными ресурсами, и, если возможно так сформулировать – ресурсами жертвенности и социального служения. На протяжении нескольких недель после катастрофы в городе царили хаос, анархия, мародерство, огромное количество американских граждан погибло в результате недостатка воды и элементарных лекарств, а также голода, эпидемий и разгула преступности.

Мощное, но построенное на либеральных принципах американское государство оказалось неспособным на выполнение того функционального предназначения, которое предписывалось самими классиками западного либерализма – Гоббсом, Локком, Монтескье, Миллем и др.

Возвращаясь к современным российским реалиям, необходимо заметить, что сегодня насущным вопросом является не столько спор о ценностях тех или иных идеологий, сколько проблема национального выживания и дальнейшего развития страны. Одно из наиболее крупных достижений политической науки XX в. – теория элит – вообще переводит вопрос о “правящей идеологии” во вторичную плоскость, ставя во главу угла комплекс стратегических, общенациональных задач, которые либо реализуются, либо не реализуются “политическим классом”. Качественная неспособность правящего класса к реализации стратегии, к полноценному управлению, наконец, к выполнению самой роли элиты сводит ее с исторической арены. Но общественная жизнь при наличии такого рода “элиты” подвергается всякого рода катаклизмам, противоречиям и регрессом в различных сферах.

В контексте проблемы национального выживания и возможностей успешной модернизации страны представляется необходимым соблюдение, как минимум, двух условий:

1. Раз и навсегда отказаться от попыток воплощения “модернизационных образцов”,

порожденных какой-либо конкретной (неважно – западной или восточной) социокультурной средой и историей.

Здесь речь не идет о вдумчивом, прагматическом использовании плодотворных элементов чужого опыта – это часто полезно и необходимо. Но нельзя поверхностно, без должного анализа, с почти религиозным поклонением перенимать этот “опыт” целиком на уровне “моделей” и “систем”. Отечественная (и не только) история нас убеждает в этом. В этой связи заметим, что, не смотря на “патриотическую риторику” и имперскую бутафорию “Третьего Рима” в стилистике современной российской элиты критерием, методологией ее деятельности является все тот же западноцентристский либерализм. Но западноцентризм по своей сути имеет не самостоятельный, не творческий характер.

В результате современная элита оказывается не в состоянии предложить никакого масштабного общенационального и модернизационного проекта, ограничиваясь такими весьма сомнительными, даже курьезными “стратегами”, как “догнать Португалию”, “удвоить ВВП”, “вступить в ВТО” и т.д.

Можно ли говорить о мобилизации российского общества для реализации такого рода “модернизационных задач”?

По сравнению с этим даже ставшее анекдотичным “построение коммунизма к 1980 году” выглядит более привлекательным и благопристойным как общенациональная цель для великой страны.

2. Необходимо рациональное, вдумчивое, кропотливое изучение политико-социальных, политико-психологических, культурно-исторических особенностей российского общества как уникального цивилизационного генотипа.

И здесь, можно констатировать, что мы сейчас находимся только в начале пути. Да, были в истории России “модернизационные прорывы” – и во времена Ивана Грозного, и во времена Петра I, и во времена С.Ю.Витте, и в советский период. Но эти прорывы были скорее интуитивными, но не научно-обоснованными. В результате после “прорывов следовали, как правило, “откат”, “застой”, а часто дестабилизация и хаос.

Отсюда – актуальнейшей задачей становится подлинный цивилизационный анализ и выработка научно-обоснованной стратегии движения России в будущее. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что и от современных политологов, представителей других общественных наук зависит сегодняшнее выживание и успешное развитие России. Сама история ставит перед научным сообществом такую задачу.

Примечания

[1] Цит. по: Отечественная война и русское общество, 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 189.

[2] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 68.

[3] Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х томах. М., 1991. Т. 1. С. 323, 332, 330.

[4] Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные работы по философии русской истории и культуры. В 2-х томах. СПб., 1991. Т. 1. С. 87.

[5] Цит. по: Западники 40-х годов. М., 1910. С. 215.

[6] Кавелин К.Д. Письмо Ф.М. Достоевскому // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 449.

[7] Алексеев А.С. Русское Государственное право. М., 1895. С. 10.

[8] Юридический вестник. 1880. № VI. С. 277.

[9] Основной Государственный закон Российской Империи. Париж, 1905. С. 1.

[10] Милюков П.Н. Исконные начала и “требования жизни” в русском государственном строе. Ростов-на-Дону, 1905. С. 22, 3.

[11] Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 403–404, 3.

[12] Струве П. Patriotika. СПб., 1910. С. 300.

[13] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. Часть IV. СПб., 1910. Стб. 2077–2078.

[14] Цит. по: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 37.

[15] Алексеев Н.Н. Русское западничество // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 127, 120.

[16] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Полн. собр. соч. В 30-ти томах. Т. 27. М., 1984.

[17] Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 60.

[18] Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х книгах. М., 2001. Кн. 1. С. 132.

[*] “Базовыми” авторами либерального проекта в России XIX – начала XX вв. являлись М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, И.И. Петрункевич, П.Б. Струве, П.Н. Милюков, И.В. Гессен и др.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
В РАМКАХ ОДКБ*

Вклад союзников России в ОДКБ и военно-политическую интеграцию

В.Николаенко,
кандидат исторических наук

Создание Организации ДКБ на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ) явилось результатом коллективного осмысления обстановки, сложившейся на рубеже веков в сфере безопасности, когда интересам государств-участников ДКБ во все большей степени стали угрожать международный терроризм, наркотрафик и другие нетрадиционные вызовы при сохранении традиционных угроз, связанных с усилением военного потенциала НАТО и приближением ее к рубежам союзнических государств, переходом США к односторонним произвольным действиям в политике, общей неустойчивостью и непредсказуемостью международной обстановки.

При всей разновекторности политики, проводимой государствами ОДКБ, когда, в отличие от советского периода, ни НАТО, ни США, а тем более другие западные государства не только перестали рассматриваться в качестве противника, но для ряда членов ОДКБ стали партнерами, и даже стратегическими, их совместные интересы требовали более тесного взаимодействия именно в военно-политической сфере. В отличие от экономической, эта сфера, как отмечает один из российских исследователей, “намного проще и понятнее. Здесь гораздо легче определить взаимные интересы сторон, формы и цели их сотрудничества. Военные союзы не требуют долгого вызревания объективных предпосылок и создаются достаточно быстро”[1].

Но так же, как в экономической и других сферах, в области военно-политической интеграции, особенно когда речь идет о союзнических отношениях, они должны быть равноправными, представлять из себя улицу с двусторонним или, скорее, с многосторонним движением, когда, выражаясь словами В.В.Путина, Россия должна перестать быть “дойной коровой” для всех и каждого.

Уважая независимость государств ОДКБ, многовекторность их внеш- ней политики, Россия вправе ожидать выполнения своими союзниками взятых ими самими обязательств как по ДКБ, так и по Уставу ОДКБ, а также других принятым в их рамках документам. В частности, в том, что касается приоритетного характера отношений между государствами-участниками ДКБ по сравнению с военными связями и контактами с третьими странами, не входящими в Договор о коллективной безопасности, их обязательства информировать партнеров по Договору о целях и характере своих военно-политических контактов с третьими странами и международными организациями по вопросам международной и региональной безопасности, согласовывать важнейшие военно-политические шаги, в том числе относящиеся к размещению иностранных военных контингентов на своей территории, развитию системы ПВО и других оборонительных структур.

Пример такого равноправного взаимодействия должна, разумеется, подавать Россия

как наиболее мощная в военно-политическом и военно-экономическом отношении страна. Но ОДКБ должна предъявлять в этом отношении одинаковые требования ко всем государствам-членам, используя соответствующие положения Устава Организации, включая санкционные. Тем более, что положение о приоритетном характере военно-политических отношений между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности по сравнению с их отношениями с третьими странами красной нитью проходит и через Устав Организации ДКБ, и другие документы этой Организации.

Развитие взаимодействия в рамках Договора с последующим преобразованием его структур в международную региональную организацию стало возможным благодаря вкладу всех без исключения государств ДКБ в совершенствование и углубление интеграционных процессов между ними. Вместе с тем каждое из государств вносит свой специфический вклад в эту работу, исходя из особенностей своего геополитического положения, экономического и военного потенциала, исторического опыта, влияния внутренних и внешних факторов.

Республика Армения при поддержке прежде всего России играет ключевую роль на Кавказском стратегическом направлении зоны действия Договора, являясь единственным в настоящее время в Закавказье государством-членом ОДКБ, к тому же непосредственно примыкающим к южному флангу НАТО в лице Турции.

Приоритетное внимание в этой связи армянское руководство уделяет укреплению объединенной группировки войск и сил, которая сформирована на основе российской военной базы в Гюмри и выделенных армянских частей и соединений. Эта группировка действует по согласованным планам, обеспечена всем необходимым и играет стабилизирующую роль в военно-политической ситуации на Кавказе. В зависимости от развития обстановки в регионе не исключается возможность её усиления. Кроме того, на территории Армении совместную охрану армяно-турецкого и армяно-иранского участков границы со своими армянскими коллегами несут российские пограничники.

В Армении, как сообщил министр обороны С.А.Саргсян:

– введен в действие региональный объединенный командный пункт ПВО и авиации;
– поставлены на совместное боевое дежурство силы ПВО и авиации вооруженных сил Армении и российской военной базы;
– подразделения войск ПВО Армении принимают непосредственное участие в коалиционных учениях “Боевое Содружество” с проведением боевых стрельб на российском полигоне Ашулук[2].

Развивается нормативно-правовая база сотрудничества Армении как в рамках ОДКБ, так и на двусторонней основе. В дополнение к имеющимся документам в октябре 2002 г. министры обороны Армении и России подписали Межгосударственное соглашение о совместном использовании объектов военной инфраструктуры и Межгосударственное соглашение об обмене в информационной области. Армения пользуется преимуществами, вытекающими из существующего в рамках ОДКБ льготного режима поставок вооружения и военной техники, а также подготовки военных кадров.

Армянская сторона рассматривает вопрос о создании на основе ДКБ международной региональной организации прежде всего в плане укрепления политической составляющей интеграционного объединения, активного участия в создании новой системы международной безопасности, нацеленной против реальных угроз и свободной от идеологических симпатий. Для Армении ОДКБ – наиболее продвинутое интеграционное объединение в рамках Содружества. Одновременно она рассматривает ГУАМ* как “троянского коня” НАТО в СНГ.

В то же время согласно курсу, провозглашенному еще 1998 г., Армения выдвинула в качестве основного принципа своей внешней политики так называемую комплементарность, призванную сбалансировать внешние связи с Востоком и Западом. Речь идет о взаимодополнении отношений Армении с теми и другими партнерами в результате

прагматического согласования интересов сторон[3].

Республика Беларусь в тесном взаимодействии с Россией играет ключевую роль в обеспечении безопасности на Восточноевропейском стратегическом направлении зоны действия ОДКБ. Она вторая в ОДКБ по основным военным параметрам после России. Белоруссия непосредственно граничит с новыми членами НАТО Польшей, Литвой и Латвией, что с учетом планируемой передислокации части натовской инфраструктуры, войск и вооружений на Восток выдвигает повышенные задачи обеспечения безопасности перед силами и средствами Союзного государства Белоруссии и России и Организации ДКБ.

В свете этого между Белоруссией и Россией постоянно уточняются вопросы, связанные с укреплением общей системы безопасности, вырабатываются документы о совместной границе Союзного государства, в том числе о совместной охране внешней границы в воздушном пространстве, по миграционным вопросам и др.

Ведущее место в решении военно-политических задач принадлежит тесному политическому взаимодействию в рамках Союзного государства и ОДКБ, развитию и совершенствованию системы стратегического сдерживания и предупреждения возможных военных акций с европейского направления.

Белоруссия является поборником активизации внешнеполитической координации между государствами-членами ОДКБ, прежде всего по вопросам взаимодействия в международных организациях, по проблематике НАТО, участия государств ОДКБ в Совете евроатлантического партнерства, по афганской, иракской проблематике и другим ключевым международным вопросам. Ряд этих вопросов обсуждается также на коллегии министерств иностранных дел Белоруссии и России.

Белорусское руководство придает первостепенное значение укреплению военного сотрудничества на Восточноевропейском направлении и конкретно Объединенной региональной группировки войск, сформированной из выделенных для этих целей частей и соединений вооруженных сил Белоруссии и России. Это и повышение боеготовности группировки, начиная от укомплектованности личным составом, вооружением, техникой и заканчивая вопросами оперативного характера. Это и вопросы материально-технического обеспечения войск, оперативного оборудования местности. Это и выработка военной доктрины Союзного государства. Это и создание Единой региональной системы ПВО Белоруссии и России. Причем большую роль в плане совместной воздушной обороны, слежения за космическим пространством и предупреждения о ракетном нападении играет РЛС “Волга”, расположенная на белорусской территории.

Являясь одной из наиболее развитых в экономическом отношении стран ОДКБ, Белоруссия, наряду с Россией, оказывает на самых льготных условиях военно-техническое содействие своим союзникам, в том числе Армении, Таджикистану. В силу того, что по Конституции Белоруссия не может направлять свои воинские контингенты на территории других государств, военно-экономическое и военно-техническое сотрудничество является одним их основных направлений солидарной помощи, оказываемой белорусской стороной другим государствам ОДКБ.

Базой для этого является тесное военно-экономическое сотрудничество между Белоруссией и Россией.

Около 200 российских оборонных предприятий поддерживают технологические связи почти со 120 организациями белорусского ВПК.

В оборонном производстве России доля поставок из Белоруссии достигает 17%. Главным образом, это средства спутниковой и космической связи, оборудование для радиостанций, радионавигационные устройства и другая наукоемкая продукция.

Активное взаимодействие осуществляется Белоруссией со своими союзниками в сфере противодействия новым вызовам и угрозам, и прежде всего международному терроризму и незаконному обороту наркотиков. Белорусская территория является транзитной для наркодельцов, незаконных мигрантов, что требует постоянного согласования усилий с

союзниками, в том числе по линии Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ.

Республика Казахстан является одним из инициаторов многих интеграционных проектов на постсоветском пространстве, в том числе в военно-политической области. При этом широко используются идеи русских евразийцев 20-х годов прошлого века Л.Гумилева, А.Сахарова. Еще в 1994 г. Президент Н.А.Назарбаев выступил с развернутыми предложениями по формированию Евразийского союза (ЕАС) государств с разделом, посвященным вопросам обеспечения безопасности стран-участниц. В частности, его проект включал положения о создании единого оборонного пространства, совместной охране внешних границ ЕАС, создании коллективных миротворческих сил для обеспечения стабильности и погашения конфликтов в странах-участницах и между ними[4].

По инициативе Казахстана были предприняты такие важные шаги по углублению интеграции в рамках ДКБ, как:

– провозглашение приоритетного характера военно-политических отношений между государствами-участниками Договора по сравнению с военными связями и контактами с третьими странами,

– создание штабного органа ДКБ как самостоятельной от системы СНГ структуры,

– активизация военно-технического сотрудничества и обучения кадров на льготных условиях в рамках ДКБ,

– налаживание взаимодействия между региональными системами коллективной безопасности.

Казахстан приветствовал договоренности о создании ОДКБ и поддержал все подготовленные в этой связи документы. Новая организация, по убеждению казахстанской стороны, будет находиться в ряду влиятельных региональных организаций, что является результатом совместных усилий по активизации, начиная с 2000 г., деятельности структур Договора. Что касается обеспечения собственной безопасности государств-членов, то казахстанская сторона делает акцент на необходимость максимального использования в рамках ОДКБ военно-технического сотрудничества, на развитие мобильных сил, высокоточного оружия, авиации, ПВО, современных средств связи и разведки, на отлаживание на уровне учений и других мероприятий вопросов, связанных с возможным применением сил и средств системы коллективной безопасности.

Кыргызская Республика, оказавшаяся на рубеже XX и XXI столетий объектом нападений со стороны террористических группировок, на своем опыте ощутила важность союзнической солидарности, ценность принадлежности к ДКБ.

После вторжения боевиков на территорию Баткенской области Киргизии летом-осенью 1999 г., когда на помощь республике в соответствии с Договором пришли Россия, Казахстан, Таджикистан и Армения, новое вторжение примерно через год было встречено более оснащенными и подготовленными силами.

Оказанная участниками Договора разносторонняя помощь способствовала тому, что бандформированиям не удалось сохранить устойчивые маршруты для проникновения в Ферганскую долину, в том числе для наркотранзита через Ошскую и Баткенскую области Киргизии в Россию и далее страны Западной Европы. По итогам этих событий были сделаны выводы, включая создание на территории этих областей при поддержке ДКБ достаточно мощной Южной группы войск с линией обороны по всем опасным направлениям[5].

В дальнейшем с созданием Коллективных Сил быстрого развертывания (КСБР) появилась впервые в Центральной Азии и в зоне ответственности ДКБ в целом многосторонняя группировка сдерживания, в том числе против террористов. Киргизия самым активным образом участвовала в создании этих сил, разместив в Бишкеке Постоянную оперативную группу штаба КСБР, становлению и деятельности которой она оказывает всяческое содействие. Не случайно, что первые крупные учения этих сил состоялись в явившейся объектом вторжений террористов Баткенской области республики уже в октябре 2001 г.

Несмотря на дислокацию в Киргизии с начала 2002 г. военной базы сил антитеррористической коалиции во главе с США для оказания тыловой поддержки вооруженным действиям этих сил в Афганистане, роль ДКБ для обеспечения безопасности собственно Киргизии не уменьшилась. Как заявил тогда Секретарь Совета безопасности республики М.А.Аширкулов, “в разрезе обеспечения собственной безопасности в дальнейшем мы на американцев не рассчитываем. Полагаемся в первую очередь на собственные силы и на коллективные силы быстрого реагирования, созданные в рамках Договора о коллективной безопасности, – хорошо вооруженные, умеющие воевать в экстремальных условиях. Если кто-то и подумывает сюда вторгаться, они знают, что за нами стоит великая Россия”[6].

Важным решением – сначала принципиального характера на Московской сессии СКБ, а затем практического – на Душанбинской явилось создание авиационной составляющей КСБР. Решением СКБ от 28 апреля 2003 г. в состав Коллективных сил быстрого развертывания введена российская авиационная база с местом дислокации – г. Кант (Киргизская Республика). Эта мера существенно повышает мобильность КСБР, их способность быть действительно силами быстрого развертывания.

Важную роль для Киргизии Организация ДКБ имеет в плане оказания политической поддержки. Однако, как показали недавние события в этой стране, ОДКБ, верная своим принципам, не вмешивалась в ее внутренние дела.

Республика Таджикистан занимает стратегически важное место на передовых южных рубежах зоны ответственности ДКБ, на наиболее угрожаемом направлении, прежде всего, с точки зрения террористической и наркоугрозы. Это определяет значение республики во всех основных сферах деятельности Договора и Организации ДКБ.

Разумеется, это значение смогло проявиться в полной мере лишь после достижения политического примирения в Таджикистане, в чем определенную роль сыграли и структуры Договора. По всеобщему признанию опыт мирного процесса в Таджикистане является примером не только для государств региона, но и для мирового сообщества как способ разрешения внутреннего конфликта и прекращения военно-политического противостояния в обществе[7].

Впоследствии Таджикистану принадлежала ключевая роль совместно с Россией в оказании поддержки и помощи силам Северного альянса в Афганистане, которые сыграли основную роль при свержении режима талибов. Тем самым был внесен существенный вклад в обеспечение безопасности южных границ СНГ и ДКБ.

Создание на базе 201-й дивизии российской военной базы поднимает военное сотрудничество Таджикистана с Россией и в рамках Организации ДКБ на новый уровень.

Усиление потока наркотиков, прежде всего из Афганистана, повышает роль взаимодействия Таджикистана с другими государствами-членами ОДКБ в вопросах борьбы с наркоугрозой. Здесь по-прежнему существенную роль играет пограничное сотрудничество, оснащение погранзастав современной техникой.

В политическом плане Таджикистан продолжает играть важную роль в сфере урегулирования афганской проблематики как страна-член ОДКБ, наиболее близко связанная с Афганистаном исторически, экономически и этнически. Поэтому голос Таджикистана при обсуждении тех или иных рекомендаций в этих вопросах в рамках ОДКБ и других международных организаций особенно весом. В то же время эта страна продолжает быть одним из главных объектов международного терроризма. Как явствует из заявления Усамы Бен Ладена американской телекомпании CNN еще в мае 1997 г., “теперь мы будем чистить Таджикистан, а затем и всю Центральную Азию”[8].

Придавая важное значение укреплению антитеррористической коалиции, Таджикистан поддерживает контакты с другими, в том числе западными членами коалиции, развивает с ними сотрудничество, включая военно-техническое.

Однако и здесь приоритет отдается связям с государствами-членами ОДКБ как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

Примечания

[1] Шишков Ю.В. Интернациональные процессы на пороге XXI века. Почему интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001. С. 452.

[2] 10 лет Совету министров обороны государств-участников СНГ: опыт и уроки военного сотрудничества. С. 27–28.

[3] Чепурин А. О союзничестве и комплементарности во внешней политике Еревана // Международная жизнь. 2004. № 1. С. 46.

[4] Мысль. Алматы. 1995. № 1. С. 5.

[5] Рудов Г. Нам суждено жить вечно в дружбе: документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. М., Бишкек: Илим, 2002. С. 235.

[6] Известия. 2002. 21 июня.

[7] Саидов З.Ш. Внешняя политика Президента Рахмонова. Душанбе: Авасто, 2000. С. 122.

[8] Молдалиев О.А. Современные вызовы безопасности Кыргызстана и Центральной Азии. Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, 2001. С. 22.

[*] Часть вторая. Начало см.: “Обозреватель–Observer”. 2005. № 12.

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А.Задохин,
доктор политических наук, профессор
(Дипломатическая академия МИД РФ)

"Он из Германии туманной привез учености плоды"
А.С.Пушкин. "Евгений Онегин"

"Мы полагаем, что в теперешнем положении дел Россия
не может не иметь другого союзника, как Пруссия,
точно так же как и Пруссия – другого союзника, как Россия;
союз их может быть союзом благословенным,
потому что у обеих цель правая"
Н.Я.Данилевский "Россия и Европа"

"Россия восстановила целую народность, целый мир готовый пасть …
Не она ли призвала его к жизни самобытной,
не она ли вернула его самостоятельность и организовала его?"
Ф.И.Тютчев "Россия и Германия"

Приведенные цитаты свидетельствуют, что сегодняшние, в целом неплохие отношения России с Германией – скорее правило, чем исключение. И в прошлом Германия воспринималась россиянами вполне лояльно. Хотя были и времена взаимного ожесточения. Но вина в этом лежит соответственно на Западной Европе и тех диктаторах двух стран, которые ввергли русских и немцев в пучину Первой и Второй мировых войн. И, тем не менее, историческая доминанта брала свое…

Смена правительства в ФРГ побуждает экспертов поставить вопрос о том, каков будет внешнеполитический курс этого государства. Можно предположить, что мадам Ангела Меркель, став канцлером ФРГ, продолжит "пророссийский" курс Герхарда Шредера. Могут быть какие-то изменения и новые нюансы. Но в любом случае отношения с Россией по-прежнему будут занимать одно из главных мест среди приоритетов германской внешней политики. Это обусловлено историческим опытом Германии и России, особенностями их геополитического положения и национальными интересами.

По оценкам российских и германских политиков и политологов, интересы обеих стран в двустороннем и многостороннем форматах в преобладающей степени совпадают.

"Центральный интерес" Германии, как он официально формулируется в ФРГ, состоит в том, чтобы вовлечь Россию в качестве партнера в международные организации, а также в международное экономическое разделение труда и обеспечить ее конструктивное участие как великой державы в новой организации Европы.

Эта установка совпадает с интересами России, которая ожидает, что именно Германия проявит себя как самый важный партнер в развитии, преобразовании и модернизации в нашей стране.

Но, несмотря на общность основных интересов и сотрудничество по многим направлениям, остается взаимная неудовлетворенность этим сотрудничеством и определенное расхождение в понимании европейского процесса и современной ситуации в России.

В России с некой предвзятостью оценивают европейскую интеграцию. Можно было

бы констатировать значительные успехи европейцев, хотя бы в сравнении со стартовым этапом их объединения, но практически любая пробуксовка в процессе (дискуссия вокруг проекта Конституции и референдумы, разногласия по вопросу принятия Турции в ЕС и т.п.) рассматривается как чуть ли ни признак нарастания противоречий, кризиса и начало провала европейской идеи. А в том, что делают европейцы в своих интересах, воспринимается как угроза и нечто антироссийское. Если же коснуться темы дискуссии в политических и научных кругах по поводу вступления/невступления России в ЕС, то она важна только для нас в поиске тех истоков российской идентичности, которые были потеряны в советский период. Но эту проблему будут решать новые поколения россиян.

Например, те молодые люди, которые с детских лет отпуска проводят в Европе, а затем учатся и работают там.

В Германии и других европейских странах не драматизируют постоянно возникающие проблемы с ЕС, то есть … караван идет.

Но в Германии, признавая европейскую идентичность России, выражают беспокойство возможностью изменения её политического курса: их более волнует повороты внутренней политики, чем внешней. Как бы не изменялась конфигурация власти в России, ее определенная системная привязка к Западу (то есть – взаимозависимость РФ и Запада, включенность в систему западной политики), да и процессы глобализации (с которыми так или иначе приходится считаться) не позволят новой или ново-старой кремлевской команде кардинально изменить внешнюю политику государства, то есть Россия будет вынуждена дружить с Европой и, в первую очередь с Германией.

В целом позитивное восприятие россиян современной Германии определяется не ее государственным статусом. Этому статусу всего-то чуть больше 130 лет, не говоря уже о том, что германская государственность утверждалась с большим трудом. Другое дело давнее историческое сопряжение культур: соседство русских и немцев и даже совместное проживание в одной империи. Это позволяет понять, почему, несмотря на то, что в двух мировых войнах германское государство являлось противником, и оно нанесло России колоссальный ущерб и не только вообще, но и непосредственно многим россиянам, для послевоенного периода российско-германских отношений характерно быстрое восстановление взаимной лояльности, в том числе и на личностном уровне.

Для сравнения можно обратить внимание на наличие в российском обществе устойчивых антиамериканских настроений, хотя США до, после революции и сейчас непосредственно ничего плохого вроде бы и не сделали нашей стране, а тем более каждому россиянину в отдельности. За исключением тех, которые по приказу ЦК КПСС боролись за счастье чужих народов, и тех, кто попытался спрятать в американских банках “нажитое” в период стихийной приватизации национального богатства СССР.

В Германии не только политики, но и собственно сами немцы всегда хорошо понимали Россию и русских. Более того, не преувеличивали угроз со стороны России, если не считать каких-то отдельных периодов и конкретных кризисных ситуаций времен “холодной” войны. Да и то, и в этих случаях политики и дипломаты оказывались на высоте, и все заканчивалось миром.

Однако исторический опыт России свидетельствует, что опасность для нее из Европы конкретизируется лишь в случае активного подключения или подталкивания Германии и германского потенциала к подготовке и осуществлению антироссийских акций.

Первая мировая война началась на Балканах, где, как известно, поводом был конфликт Сербии и Австро-Венгрии. В этот исторический момент интересы Германии в большей степени расходились с ее западными соседями, чем с Россией.

В свою очередь Россия была связана определенными обязательствами с противниками Германии.

Таким образом, Россия была втянута в водоворот европейской политики, хотя, как представляется, для нее был более выгоден нейтралитет. Российско-германский конфликт во Второй мировой войне – это результат кризисов российской и германской государственности как следствие Первой мировой войны.

В период “холодной” войны в Бонне стали понимать, что немцы опять становятся заложниками интересов Запада и столкновения мессианских идеологий. Бонн, несмотря на все внешние и внутригерманские обстоятельства, пошел на развитие связей с СССР, причем фактически соперничая в этом с ГДР.

В настоящее время основная проблема российско-германских отношений – это экономика России и отсутствие гражданского общества как гаранта политической стабильности.

Известный германский политолог Х.Тиммерман отмечает: “Германия весьма заинтересована в формировании такой России, которая была бы сильной, уверенной в себе и одновременно открытой для свободного мира и демократии”[1].

Хотя в России есть скептики, которые уверены, что Германия не заинтересована в стабильной, экономически сильной Россия, ибо последняя может стать ее конкурентом. Отсюда поддержка Берлином политики расширения НАТО на Восток и противодействие интеграционным процессам в СНГ и т.д. Следует отметить, что контрроссийские настроения присутствуют в политических кругах Германии, есть и те, кто стремится использовать “российскую карту” во внутриполитической борьбе. Но такова реальность демократии: плюрализм мнений и издержки политической конъюнктуры.

Рассматривая российско-германские отношения в контексте европейской политики обеих стран, следует согласиться с рядом немецкий авторов, что эти отношения имеют асимметричный характер. Это выражается в следующем:

– Объединение Германии как государства сопровождалось ее отказом от исторического реванша в имперском и националистическом его понимании. великодержавных традиций, признанием окончательного характера ее границ и отказом от любых тенденций к “ревизии”.

– После своего воссоединения Германия остается тесно интегрированной в евро-атлантические военно-политические структуры и использует свое возросшее политическое и экономическое влияние в интересах интеграционного процесса и его распространения на Восток. В свою очередь Россия лишилась союзников, утратила свой статус супердержавы и пытается в настоящее время утвердиться в качестве великой державы в Европе.

– Россия по-прежнему проводит гегемонистскую политику в отношении стран СНГ и пытается сохранить свое влияние в Центральной и Восточной Европе, используя энергетический фактор.

– Международное влияние Германии определяется не столько ее военной силой, сколько экономической мощью, достижениями в области технологий, внутренней стабильностью и динамизмом развития. Значительная часть политических элит России свое понимание мощи продолжает основывать на преимущественно военных категориях типа: “сферы влияния”, “соотношение сил”, “геополитические оси и треугольники”, “ядерное сдерживание” и т.п.

Данные категории являются (если исключить патологию и профессиональные штампы) опосредованным способом защиты, отражением нарушения внутреннего равновесия общества. Представители российской стороны на научных дискуссиях часто говорят о своих чувствах и защищают не интересы, а ценности. Очевидно, это объясняется тем, что в большинстве случаев в этих дискуссиях российская сторона представлена германистами, которые профессионально не изучают Россию.

Можно задать и такой вопрос: изучают ли их немецкие коллеги свою страну или в большей степени их интересует политический процесс в России?

Отмеченное создает трудности при обсуждении путей разрешения существующих проблем и возможностей использовать существующие благоприятные условия – исторически лояльную терпеливость немцев по отношению к русским и России – повышения эффективности российско-германского сотрудничества, в том числе в европейской и мировой политике в интересах каждой страны.

Если же говорить о чувствах и ценностях, то Германия извлекла уроки из своей истории. И настойчиво, как свойственно немцам, стремится преодолевать свои комплексы,

доставшиеся ей от прежних времен. Одной из важных мер по завоеванию доверия было безусловное осуждение преступлений нацистского режима.

В то же время в Германии отмечают, что в России практически закончились попытки разобраться с советским прошлым. Подобная позиция наносит ущерб отношениям России с ее соседями и затрудняет сближение позиций[2].

В Европе и у наших соседей есть свои основания соответствующим образом оценивать прошлое. Очевидно, следует признать, что есть и у нас подспудное и естественное для личности желание найти компромисс с прошлым.

Как представляется, нельзя согласиться с тем, когда прошлое хотят причесать. Ради чего? – политической стабильности или стабильности власти?

Не стоит преувеличивать изыскания немецких политологов, хотя в определенной степени с их мыслями о нас можно согласиться: ученым-политологам, как и археологам, свойственно стремление докапываться до истоков. Но в этом процессе они отрываются от современности и реальности. Собственно, как и некоторые политики в пылу ораторского вдохновения.

Следует сказать, что германской экономике не стоит бояться конкуренции, так как ее мощь очевидна. Списывать же просчеты и объяснять естественные процессы в СНГ только злыми умыслами германских ли, европейских или американских политиков было бы наивно.

Примечания

[1] Timmemann H. Rublands Aussenpolitik in Richtung Europas // BIOST. Zwischen Krise und Konsolidierung. Mьnchen, 1993.

[2] Hohmann H-H, Meier Chr., Timmermann H. Rubland und Deutshland in Europa. BIOST. 38/1997.

ФРГ: ДО И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ

Е.Андреев

Сложная социально-экономическая ситуация в ФРГ и непрекращающиеся дискуссии в немецком обществе в связи с начатыми бывшей правящей “красно-зеленой” коалицией (1998–2005 гг.) непопулярными структурными реформами экономики и системы соцобеспечения до последнего времени определяли внутриполитическое положение, межпартийную борьбу и общественные настроения в стране.

Кризис в экономике и социальной сфере ФРГ не стал, однако, неожиданностью. В течение ряда последних лет в экономике Германии усиливались застойные явления, следствием чего явилось общее ухудшение социального положения и уровня жизни немцев.

Темпы роста ВВП в течение 2003 и 2004 гг. были близки к нулю, а в ряде отраслей – отрицательными.

Безработица несколько лет не опускается ниже отметки в 4 млн. чел., а в начале февраля 2005 г. впервые превысила цифру 5 млн.

Остро стоит вопрос с выравниванием уровней экономического развития в старых и новых федеральных землях и социально-экономического положения населения на Востоке и Западе ФРГ. Несмотря на колоссальные затраты (с 1991 г. только в рамках федеральных программ в новые земли ФРГ инвестировано около 1,3 трлн. евро бюджетных средств – это до 90 млрд. евро ежегодно), на Востоке Германии почти каждый пятый трудоспособный немец не имеет работы, а средние зарплаты и уровень жизни населения здесь по-прежнему заметно отстают от западных (на 10–15%). Еще один фактор может больно ударить по населению восточной Германии: в связи с расширением Евросоюза с 2007 г. отменяются субсидии ЕС практически всем новым федеральным землям.

Негативные тенденции в экономике сопровождаются демографическими проблемами (к 2050 г. доля лиц старше 60 лет в населении ФРГ может увеличиться до 36,7%), что уже привело сегодня к значительному “перенапряжению” системы социального обеспечения, резкому росту дефицита госбюджета (соответствующий критерий Маастрихтского договора ЕС нарушается ФРГ уже третий год подряд) и побудило прежнее правительство “красно-зеленой” коалиции разработать пакет реформ, направленных на существенные изменения налогового законодательства и системы социального обеспечения населения. В декабре 2003 г. после длительных дебатов Бундестаг утвердил пакет из 17 законов – компромиссный итог политической борьбы правящей коалиции и парламентской оппозиции по программе реформ, получивший название “Повестка дня – 2010”.

Программа вызвала резкое неприятие как у значительной части населения ФРГ (по некоторым оценкам, более 70% немцев посчитали ее социально несправедливой), так и в рядах самой СДПГ. Согласно концепции “Повестки дня – 2010”, планировалось:
– увеличить расходы граждан на медицинское обслуживание,
– снизить размеры пенсий и пособий по безработице,
– сократить ассигнования на социальную сферу.

Эксперты, в свою очередь, отмечали, что реальный экономический эффект реформ в конъюнктурных условиях периода 2004–2005 гг. будет низким, а сама санация социальной

системы явится дорогостоящим и связанным со значительными издержками для населения мероприятием. Предсказывалось также, что попытка реализовать программу “Повестка дня – 2010” станет причиной или, по меньшей мере, катализатором “заката” любого политика и даже – на некоторое время – целой партии.

Неблагоприятная конъюнктура в социально-экономической сфере Востока Германии, прежде всего в области занятости, сказалась на настроениях избирателей, проявившись в усилении ультраправых сил и укреплении их позиций среди избирателей. Следствием такого развития событий стал успех праворадикальных Национал-демократической партии Германии и Немецкого народного союза на земельных выборах в Саксонии и Бранденбурге (сентябрь 2004 г.), впервые обеспечивший им представительство в парламентах этих федеральных земель.

Длительная дискуссия вокруг программы реформ, ее непростое принятие ускорили кризис и в самой СДПГ, серьезно ослабив позиции партии на земельном и коммунальном уровнях.

К середине 2004 г. рейтинг партии был одним из самых низких за историю ее существования – 25%.

В 2003–2005 гг. социал-демократы проиграли все земельные и коммунальные выборы, продемонстрировали свою слабость и в ходе выборов в Европарламент в июне 2004 г. (22%).

Из-за несогласия с проводимой Г.Шредером и в целом руководством партии линией из рядов СДПГ с 1998 г. вышло более 17% членов.

Обострились внутрипартийные противоречия, усилилось давление на правительство со стороны левого крыла СДПГ, классифицировавшего реформы как явное послабление крупному капиталу и одновременно тяжкое бремя для рядовых налогоплательщиков. Критикуя проводимую руководством СДПГ политику, левые указывали, что она вступает в противоречие с программой партии. Не могли не сказаться на положении СДПГ и трения в отношениях с профсоюзами – традиционным партнером социал-демократов. Негативные тенденции в партии не удалось переломить и после добровольного ухода Г.Шредера (февраль 2004 г.) с поста ее председателя, рассчитывавшего на консолидацию СДПГ после такого “хода”.

В сложившейся ситуации инициативу перехватила главная оппозиционная сила политического спектра Германии – блок ХДС/ХСС, стремившийся извлечь максимальную выгоду из ослабления основного конкурента.

Рейтинг блока в 2005 г. стабильно удерживался на отметке 47-48%, на выборах в Европарламент (июль 2004 г.) христианские демократы также получили около 48% голосов избирателей.

Консерваторы возглавляют на сегодняшний день 11 земельных правительств из 16 и, таким образом, располагают подавляющим большинством в органе представительства земель – Бундесрате, где имели, находясь в оппозиции, возможность блокировать законопроекты “красно-зеленого” правительства.

“Последней каплей” стало сокрушительное поражение СДПГ (22 мая 2005 г.) на выборах в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия – “оплоте” партии, (социал-демократы правили здесь почти 40 лет) и последовавшее за этим заявление тогдашнего канцлера Г.Шрёдера о необходимости проведения досрочных общегерманских парламентских выборов. Возникла принципиально новая ситуация, которая в итоге обернулась сменой власти в Берлине.

1 июля 2005 г. Г.Шрёдер поставил на голосование в Бундестаге вопрос о доверии канцлеру, надеясь перехватить политическую инициативу и победить в случае досрочных выборов. Ему в доверии, как и ожидалось, было отказано, и Президент ФРГ Х.Келер, руководствуясь положениями Основного закона, объявил о роспуске Бундестага и проведении досрочных парламентских выборов, которые состоялись 18 сентября.

На досрочных выборах ни одной из политических партий не удалось добиться достаточного перевеса голосов избирателей для формирования правительства.

В итоге, в Бундестаге 16-го созыва блок ХДС/ХСС получил 226 мандатов (35,2%), СДПГ – 222 мандата (34,2%), СвДП – 61 мандат (9,8%), “Левая партия” (отколовшиеся от СДПГ “левые” и ПДС) – 54 мандата (8,7%), “Зеленые” – 51 мандат (8,1%).

По итогам межпартийных консультаций лидеры ХДС/ХСС и СДПГ 10 октября объявили о создании правительства двухпартийной “большой коалиции” во главе с будущим канцлером – Председателем ХДС А.Меркель. Канцлер Г.Шрёдер отказался от участия в новом правительстве в любом качестве, подтвердив при этом, что будет способствовать его созданию.

Официальные коалиционные переговоры начались 17 октября 2005 г. Министерские посты в будущем кабинете уже на этом этапе были распределены между ХДС/ХСС и СДПГ в равной пропорции.

За ХДС/ХСС были закреплены 8 постов, в том числе канцлера, руководителя Ведомства федерального канцлера в ранге федерального министра, федеральных министров экономики и технологий, внутренних дел, обороны, по делам семьи, престарелых, женщин и молодежи, образования и исследований, защите прав потребителей, продовольствию и сельскому хозяйству.

За СДПГ – также 8 постов федеральных министров: иностранных дел, финансов, юстиции, экономического сотрудничества и развития, труда и социального обеспечения, здравоохранения, транспорта, строительства и жилищного хозяйства, окружающей среды, охране природы и безопасности реакторов.

31 октября переговоры, однако, неожиданно забуксовали в связи с отставкой с поста председателя СДПГ Ф.Мюнтеферинга, номинированного на должности вице-канцлера и министра труда и социального обеспечения, а также и отказом от вхождения в правительство в качестве министра экономики и технологий лидера баварской ХСС и премьер-министра Баварии Э.Штойбера. (вместо последнего был номинирован председатель земельной группы ХСС в бундестаге М.Глос). Оперативное урегулирование наметившегося кризиса в рядах социал-демократов (преемником Ф.Мюнтеферинга на посту председателя СДПГ был избран премьер-министр земли Бранденбург М.Платцек) уберегло коалиционные переговоры от дальнейшего “торможения”.

ХДС/ХСС и СДПГ подписали коалиционный договор и согласовали правительственную платформу к 12 ноября. Её утвердили съезды трех партий (ХДС, ХСС и СДПГ), состоявшиеся 14–16 ноября 2005 г.

22 ноября Федеральный президент Х.Келер внес кандидатуру А.Меркель в Бундестаг для избрания на пост канцлера.

Большинство парламентариев поддержали Ангелу Меркель, уроженку ГДР и физика по образованию, отдав за нее 397 из 614 голосов. 202 депутата голосовали против (СвДП, “Левые”, “Зеленые” и даже 49 чел. из рядов правящих ХДС/ХСС и СДПГ).

В берлинском дворце “Шарлоттенбург” Президент ФРГ Хорст Келер в торжественной обстановке ввёл Ангелу Меркель в должность федерального канцлера Федеративной Республики Германия. В этот же день, 22 ноября, в Бундестаге А.Меркель принесла присягу в качестве главы нового германского кабинета министров.

Некоторые аналитики уже поспешили провести параллель между новой “большой коалицией” ХДС-СДПГ и существовавшей в Германии черно-красной “коалицией” в 1966–1969 гг. (правительство 60-х годов возглавлял верный последователь Конрада Аденауэра Курт Кизингер, вице-канцлером и министром иностранных дел был лидер германских социал-демократов Вилли Брандт). Первой “большой коалиции” суждено было просуществовать три года, после чего она распалась: слишком велики оказались различия во взглядах на основные направления внутри- и внешнеполитического развития страны. В 1969 г. канцлером Германии стал Вилли Брандт, а “демохристиане” ушли в оппозицию на долгие 13 лет.

Однако, как представляется, имеются и продиктованные временем различия: политическая система ФРГ до 1983 г. (в этом году партия “Зеленых” прошла в Бундестаг и сформировала там самостоятельную фракцию) была “двухсполовинчатой”, так как на

политическую жизнь страны влияли тогда и формировали правительство две крупные партии ФРГ: ХДС/ХСС и СДПГ и одна “поменьше” – Свободно-демократическая партия Германии.

Сегодня спектр политических партий, представленных в Бундестаге, шире.

Нельзя не считаться уже и с “объединенными левыми” (сторонники бывшего социал-демократа О.Лафонтена и ПДС), не желающими входить в какие-либо коалиции и с набирающими силу на Востоке Германии праворадикальными НДПГ и ННС.

Ранее правительства формировались по “полуторному” принципу (за “исключением 1966–1969 гг.), то есть “демохристиане” или социал-демократы формировали кабинеты с либералами или “зелеными” в разных комбинациях (не было лишь “черно-зеленой” коалиции). Сегодня, же при наличии пяти фракций в Бундестаге, возможности для создания различных коалиций богаче – при определенных обстоятельствах это могла бы быть “коалиция светофора” (СДПГ – СвДП – “Зеленые”) или даже “ямайская коалиция” (ХДС – СвДП – “Зеленые”, по цветам флага этой страны), так как христианские демократы и “зеленые” уже работали в правительствах на земельном уровне.

В общем, удастся ли на сей раз сработаться консерваторам и социал-демократам, покажет время.

Ясно одно: борьба с безработицей, политика сокращения раздутых государственных расходов и долгов будут находиться в числе приоритетов нового кабинета. Вместе с тем, как отмечают наблюдатели, небесспорно с точки зрения скорых экономических дивидендов намеченное новым правительством введение налога на большие доходы физических лиц (более 250 тыс. евро в год). А скепсис Объединения германских профсоюзов вызывает, в частности, диктуемое, дескать, экономической целесообразностью сокращение срока действия запрета на увольнение рабочих и служащих.

Оппозиционная СвДП и вовсе считает экономическую программу “большой коалиции” исторической ошибкой, которая “дорого обойдется немцам”, в том числе в контексте ожидаемого в начале 2007 г. повышения НДС с 16% до 19%.

Германские либералы убеждены, что предлагаемая правительством программа социально-экономических реформ приведет к созданию рабочих мест не в самой Германии, а за ее пределами и не поможет справиться с теми вызовами, все возрастающее “давление” которых на германское общество (при одновременной неспособности бывшего кабинета Г.Шрёдера найти на них эффектный ответ) заставили “красно-зеленую” коалицию решиться на досрочные выборы в Бундестаг.

ИРАН – РОССИЯ: ЧТО ОБЩЕГО?

Л.Гусев,
кандидат исторических наук

В последнее время официальные иранские лица дают понять, что сближение с Москвой является основным внешнеполитическим приоритетом Тегерана. Это, несмотря на то, что товарооборот как с Евросоюзом, так и с США (интересы американских компаний в Иране обеспечивают британцы) значительно превышает объёмы российско-иранского сотрудничества.

Центральным событием в российско-иранских отношениях за последнее время стал состоявшийся в марте 2001 г. визит в Россию президента Ирана г-на Хатами, в ходе которого были подписаны Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ И ИРИ и совместное заявление по Каспийскому морю.

А совсем недавно в Нью-Йорке Президент России В.В.Путин встретился с новоизбранным президентом Ирана г-ном Махмудом Ахмадинежадом. На этой встрече иранский президент заявил о том, что Россия является лучшим другом его страны.

Российско-иранский политический диалог охватывает широкий спектр двусторонних, региональных и международных вопросов, включая проблемы Афганистана, Центральной Азии, Закавказья, Каспийского моря, ситуации вокруг Ирака. В последние несколько лет состоялось несколько раундов российско-иранских межмидовских консультаций.

Довольно активно развиваются межпарламентские связи.

Ещё в 2001 г. в Иране находилась делегация во главе с заместителем председателя Государственной думы В.В.Жириновским. В апреле 2001 г. Иран посетила делегация фракции ОВР, которую на тот момент возглавлял Е.М.Примаков.

Также необходимо отметить, что в современном мире стратегическое партнерство держав, таких крупных и столь близких друг к другу географически, каковыми являются сегодня Иран и Россия, играет значительную роль в сфере обеспечения региональной стабильности и безопасности с целью создания благоприятной обстановки для развития взаимовыгодного экономического и культурного партнерства. Кроме того, оно имеет целью ограничить влияние других крупных политических блоков, географически более удаленных, но преследующих свои собственные интересы в данном регионе (особенно если эти интересы не согласуются с интересами двух сотрудничающих государств).

Именно в этом заключаются предпосылки для развития российско-иранского стратегического партнерства.

Сегодня Иран и Россия являются государствами, занимающими важное геополитическое положение, обладающими большими запасами стратегически значимых полезных ископаемых, большими человеческими ресурсами и имеющими мощный военный и экономический потенциал.

Так, площадь Ирана составляет 1648 тыс. кв. км, это самое большое по территории государство на Ближнем и Среднем Востоке, (более чем в два раза превышающее площадь Турции), имеющее выходы к морям (1/3 границ Ирана – морские). Это облегчает

экономические связи Ирана со многими странами мира.

По запасам нефти, разведанные запасы которой составляют 8 млрд. т, Иран занимает одно из первых мест в мире.

Богат Иран и природным газом, а также таким стратегически важным сырьем, как медные руды, хромиты, никель и кобальт.

По населению Иран – одно из самых крупных государств Среднего и Ближнего Востока (свыше 65 млн. чел.).

Иран можно назвать многонациональным и поликонфессиональным государством. Кроме собственно персов и ираноязычных народностей, значительный процент составляют тюркские народности, арабы.

В конфессиональном плане большинство иранского населения – мусульмане-шииты, но значительная часть населения, курды, туркмены, а также арабы исповедует суннизм. Данное обстоятельство очень важно для Ирана с точки зрения поддержания региональной стабильности, особенно на “постсоветском” пространстве (в республиках Закавказья и Средней Азии), а также в Афганистане.

Любая дестабилизация обстановки в данных регионах может негативно сказаться на этноконфессиональной ситуации в самом Иране и создать угрозу территориальной целостности страны. Именно поэтому Ирану необходимо сегодня сотрудничество с другой крупной региональной силой – Россией, ещё сохранившей свое влияние на постсоветском пространстве.

Необходимо отметить, что и для России Иран является важным партнером в деле поддержания стабильности на Северном Кавказе и в Средней Азии. Тегеран, по мнению некоторых зарубежных обозревателей, играет ведущую роль в “уменьшении негативного отношения мусульманского мира к Москве за ее военные кампании в Чечне”.

Тегеран, несмотря на высказывания официальных лиц Ирана относительно недопустимости военного решения чеченского конфликта, тем не менее признает, что проблема Северного Кавказа и, в частности, Чечни – это внутреннее дело России, и не оказывает поддержку сепаратистским движениям.

Для Ирана важна позиция России в урегулировании внутриафганского конфликта. И для России, и для Ирана, и для среднеазиатских государств важны совместные действия в борьбе с трансграничным этническим и религиозным экстремизмом и незаконной транспортировкой наркотиков. Сотрудничество России с Ираном призвано внести свой вклад в противодействие международному терроризму.

Большие возможности и перспективы имеет сотрудничество Ирана и России в военно-технической, экономической и торговой сферах.

Это было отмечено президентом Ирана М.Хатами на встречах ещё в 1999 г. с некоторыми официальными российскими лицами в Тегеране.

Сегодня Иран – это широкий рынок для российской промышленности, особенно в сфере вооружения.

По оценкам западных экспертов, “объем потенциальных новых сделок по продаже оружия Ирану составляет от 1 до 7 млрд. долл.”, с конца же 80-х годов Россия уже поставила в Иран вооружений на сумму 2,5 млрд. долл.

Имеются также и возможности для сотрудничества в сфере ядерной энергетики, разработок нефтяных и газовых месторождений, транспортной сфере. Иран также заинтересован в российском рынке для сбыта своих товаров, прежде всего изделий текстильной, пищевой промышленности, морепродуктов.

Необходимо упомянуть и о сходстве российских и иранских концепций развития мировой цивилизации в XXI в., выявленном на российско-иранских переговорах в Москве по вопросам стратегической стабильности в 2000 г. Российская идея многополярности мира сопрягается с иранской концепцией “диалога цивилизаций”.

В 90-е годы после образования СНГ и возникновением новой геополитической реальности появилась еще одна важная сфера сотрудничества Ирана и России – региональная. Нестабильность ситуации в Закавказье и Средней Азии беспокоят и

российскую и иранскую стороны. Близки позиции Ирана и России относительно конфликта в Таджикистане, афганской проблемы.

Объективно Иран является соперником политики Турции и Пакистана в Средней Азии, что отчасти, отвечает интересам России.

Позиция Ирана по проблеме Северного Кавказа соответствует российским интересам. Комиссия ОИК, председателем которой до ноября 2000 г. являлся Иран, возглавляемая официальными лицами Ирана, в 1999–2000 гг. дважды посетила Москву и Северный Кавказ (Дагестан, Ингушетию, Северную Осетию).

Высокие должностные лица ИРИ, выезжавшие с миссией на Северный Кавказ, заявляли, что они убедились в стремлении России к урегулированию ситуации в Чечне, хотя и сделали акцент на необходимости поиска мирного разрешения конфликта. Насколько известно, в Иране сегодня не ведется вербовка наемников для войны в Чечне, нет каких-либо независимых чеченских представительств.

Таковы же могут быть перспективы стратегического партнерства России и Ирана?

Зонами (регионами) согласованной политики Ирана и России сегодня, очевидно, можно считать Закавказье, Среднюю Азию, Афганистан и собственно Каспийское море. Через Закавказье (через территорию Азербайджана, Грузии и Турции) должен пройти нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, а также газопровод из Туркмении и дальше по маршруту Баку – Тбилиси – Эрзрум, по которому осуществлялись бы поставки туркменского газа в Турцию.

В отношении данных трубопроводов был принят соответствующий международный протокол о намерениях на саммите ОБСЕ в Стамбуле (ноябрь 1999 г.). Трубопроводы, согласно этим проектам, пойдут в обход территории России и Ирана. Хотя оба государства преследует свои, независимые друг от друга интересы и цели в отношении транспортировки нефти и газа, сооружение трубопроводов не соответствует интересам ни России, ни Ирана, так как они в итоге приведут к усилению позиций третьих стран в Закавказье и на Каспии. Именно поэтому возникает основание для стратегического партнерства Ирана и России для отстаивания в Закавказье своих интересов с возможным привлечением Армении в качестве естественного союзника России и Ирана в регионе,

Необходимо отметить также договоренность с Азербайджаном, соответствующую российско-иранским интересами. Азербайджан дал согласие на строительство 355-километрового участка железной дороги между Астарой и Казвином, что позволит соединить железные дороги Ирана, России и Азербайджана в единую транспортную сеть.

По данным МПС РФ, “ожидающаяся прибыль от транзита грузов по этому участку предполагается в размере примерно 260 млн. долл. в год”.

Роль среднеазиатского региона в развитии российско-иранского сотрудничества достаточно высока. Конечно, нельзя не сказать и о том, что здесь Иран стремится преследовать свои собственные интересы, особенно в отношении транспортировки среднеазиатских ресурсов через свою территорию к Персидскому заливу. Напрашивается вывод, что Иран в данном регионе является скорее конкурентом России. Но, по справедливому замечанию иранского исследователя, “это относится не только к Ирану, но и ко всем государствам, которые стремятся оказать свое влияние в Средней Азии”.

К тому же государства Средней Азии, сталкиваясь сегодня с массой экономических, этнических, социальных проблем, могут и не справиться со своими трудностями самостоятельно, что создаст угрозу стабильности и безопасности в регионе. Именно в сфере обеспечения региональной безопасности у российско-иранского сотрудничества в Средней Азии имеются перспективы. Рост националистических настроений в Средней Азии не может устроить ни Иран, ни Россию. В этой связи полезно вспомнить, что титульные нации новых государств Средней Азии (исключая Таджикистан) – тюркские. Любая дестабилизация обстановки и вспышка национализма может распространиться и на северный Иран, где значительную часть населения составляют туркмены и другие выходцы из Средней Азии. Немаловажно и то, что в пограничных районах Ирана со Средней Азии проживает значительная часть иранских суннитов. Для России также представляет

опасность подобное развитие событий.

Русское население в среднеазиатских республиках насчитывает сегодня около 10 млн. чел. Их безопасность также не может не волновать Россию. Основой для российско-иранского сотрудничества в этом регионе могла бы стать некая совместная программа помощи среднеазиатским государствам в решении их локальных проблем. Укрепление же российских позиций в Средней Азии может гарантировать и обеспечение сугубо иранских интересов в регионе.

Важное место в развитии российско-иранского сотрудничества занимает и решение афганской проблемы.

От ситуации в Афганистане зависит стабильность и безопасность как на территории Ирана, так и на территории Средней Азии (как сферы российско-иранских интересов). Иран, в частности, беспокоит судьба афганских шиитов, проблемы наркотрафика, приток беженцев на территорию Ирана, возможность дестабилизации обстановки в Белуджистане, юго-восточной провинции Ирана.

Россию афганская проблема затрагивает прежде всего из-за возможной дестабилизации обстановки в Узбекистане и Таджикистане, где Российские вооруженные силы осуществляют содействие в пограничной охране.

Российские и иранские высшие должностные лица неоднократно обсуждали также меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков из Афганистана.

Существует и проблема в российско-иранских отношениях. Это – недостаточная активность сегодняшней политики России в отношении Ирана.

Однако, несмотря на проблемы, Россия и Иран потенциально являются сегодня государствами-партнерами, как в плане двусторонних экономических и торговых отношений, так и в плане регионального сотрудничества. Взаимовыгодность сотрудничества государств в перечисленных сферах не вызывает сомнений. При дальнейшей активизации внешней политики России на этом направлении сотрудничество России и Ирана как стратегических союзников имеет большие перспективы.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ

Вопросы методологии

В.Каширин,
доктор философских наук,
О.Каширина,
кандидат философских наук,
(Ставропольский государственный университет)

Даже самые выдающиеся представители классической и постнеклассической политической экономии не могли предусмотреть тех резких изменений в социальных функциях рынка, которые произошли в XX – начале XXI в. в связи с открытием абсолютной редкости планетарных ресурсов, которых – и в этом состоит новое “прозрение века” – “на всех не хватит”.

Ни К.Маркс (1818–1883 гг.), ни Дж. М.Кейнс (1883–1946 гг.), ни Л.Мизес (1881–1973 гг.), ни С.Кузнец (1901–1985 гг.), ни даже Ф.Хайек (1899–1992 гг.), написавший в 1988 г. свою последнюю книгу “Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма” – не могли предвидеть тех трудностей, с которыми столкнулась экономика России после развала СССР.

Выдвинутая академиком Д.С.Львовым в журнале “Обозреватель–Observer” доктрина нравственной экономики не только теоретически актуальна, но и практически злободневна. Она основана на убеждении, что Россия должна перейти в новое идейное измерение, чтобы остановить процесс дегуманизации общества.

В аксиоматическом обосновании этой доктрины автор вскрывает “самую болевую точку наших либеральных экономистов – безвозвратную потерю времени, отпущенного реформаторам”, а проблему межстрановых сравнений предлагает рассматривать в терминах “времени исторического творчества”, когда цена единицы времени чрезвычайно велика и ее ни в коем случае нельзя приравнивать к единице календарного времени.

Кроме того, Д.С.Львов отмечает, что “правительство не занимается макроэкономическими проекциями демографического кризиса, государственное управление поражено бюрократическим склерозом”[1].

Разделяя аксиоматические (экономиософические) обоснования доктрины нравственной экономики, мы предпринимаем попытку дополнить их фундаментальным обоснованием, а для этого наметить некоторые контуры культурно-временного подхода.

На наш взгляд, он должен быть основан на синтезном мышлении и сочетать философские идеи культуры эволюционного времени (“энергии человеческой культуры” – В.И.Вернадский), воплощенные в принципах цивилизационного и эволюционного детерминизма, и политико-экономические идеи культуры самоуправления, определяющие вектор властных функций в прогрессивном направлении.

Кризис детерминизма или отставание философии от науки?

Как известно, любой прогноз эволюции природных или социальных систем может быть основан только на знании характерных для них причинно-следственных связей.

Философское учение, предметом которого является изучение всей совокупности этих связей, называется детерминизмом (лат. determinare – определять). В зависимости от того, какой из векторов динамики этих связей считается доминирующим, различают исторические формы детерминизма: биологический, географический, культурный, психологический, технологический, экономический и т.п. Однако в условиях глобализации человеческой деятельности, по мере дифференциации и интеграции естественных и гуманитарных наук, ученые и философы склоняются к мнению, что под воздействием антропогенного фактора возникают социоестественная и социокультурная реальности, которые изучаются двумя направлениями исследовательской деятельности – глобальным эволюционизмом и глобалистикой.

Вместе с тем, воздействие антропогенного фактора прокладывает “мостик” между этими двумя направлениями, выражающийся в способности человеческого сознания к обобщению и абстрагированию наиболее существенных социоестественных и социокультурных связей в философской категории “пространство-время”.

И все же специфика этих связей сохраняется. Она проявляется в социоестественной реальности доминированием эволюционного детерминизма, в котором краеугольными понятиями являются “материальная субстанция” и “эволюционное пространство-время”. В социокультурной же реальности – доминированием цивилизационного детерминизма, в котором основными считаются категории “цивилизационная субстанция” и “цивилизационное время-пространство” (а часто, в связи с функциональной первичностью времени в социокультурной реальности, вторую категорию определяют как “социальное время”). Как видно, детерминизм не исчезает, а изменяется.

Эти рассуждения необходимы в связи с попытками некоторых ученых и философов поспешно объявить о кризисе детерминизма в постнеклассической (синергетической) парадигме*.

История знает много примеров, когда под предлогом кризиса в науке пытаются легализовать проникновения в философию и науку “либерально-демократического способа мышления”. Разумеется все это делается под флагом философского обобщения новых достижений науки, однако на самом деле есть лишь демонстрация беспомощности и отставания философии от науки.

Между тем, от подобных поспешных выводов о судьбе детерминизма предостерегал В.И.Вернадский (1867–1945 гг.).

В частности, в своих “Заметках о проблеме времени, пространства и симметрии” (1931 г.) он писал: “Вопрос о причинности, “детерминизме”, сейчас поставленный в науке, встретился с полной неподготовленностью к нему философской мысли. Причинность и детерминизм философских учений не охватывает детерминизма физиков”[2].

Здесь же В.И.Вернадский пишет “Несколько замечаний о принципе симметрии и об эмпирическом мгновении”.

Он доказывает: “Есть вчера – сегодня – завтра – в одном мгновении”.

И это открытие вносит коренное изменение в наши представления о детерминизме: “Реально это изменение представлений прежде всего ставит перед нами вопрос о правильности веками выработанной основной единицы измерения времени – секунды, связанной с равномерным движением, с линейным, а не с векторным выражением времени...**

В таком разрезе мира единица пространства – сантиметр – может быть, выдержала испытание научного опыта и наблюдения. Я говорю “может быть”, потому что возможно, что именно единица пространства, неправильно выбранная, обусловливает то колебание в стойкости логического закона причинности, которое мы переживаем”[2].

Оказывается, “колебания в стойкости” детерминизма, возможно, обусловливает неправильно выбранная единица пространства.

Пространство с точки зрения эволюционного детерминизма рассматривается как дисперсная, вписанная в окружающую среду целостность живого организма. С точки зрения цивилизационного детерминизма, цивилизационное пространство по сути своей есть

феномен культуры, цивилизационная субстанция, обладающая целостностью цивилизационного времени. Эти положения исключительно важны для разработки современной философии экономики.

В заключительной части “Заметок” В.И.Вернадский пишет: “В философской литературе довольно, часто, а изредка и в научной, встречаются указания, что наука переживает кризис. Но в философской же литературе и обычно в научной есть другое представление о переживаемом моменте как об эпохе не кризиса, но величайшего научного расцвета. Этот научный перелом отражается и в понимании времени…

Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков. Может быть, нечто подобное было в эпоху зарождения эллинской научной мысли, за 600 лет до нашей эры. Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее – мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать”[2].

Завидный оптимизм, от которого очень далеки многие современные философы и ученые, предсказывающие якобы тупиковый характер нелинейного исторического времени, “повторяя зады” западных футурологов.

Столь пространное цитирование высказываний В.И.Вернадского вызвано нашим убеждением, что его философские труды еще недостаточно изучены и не полностью осмыслены. Частично это объясняется идеологической позицией советского государства. Дело в том, что в своих философских рукописях 30-х годов В.И.Вернадский подвергал критике диалектический материализм. Его идеи замалчивались, а философские рукописи впервые были опубликованы лишь спустя более 50–60 лет после их написания[***]

До сих пор нет фундаментальных исследований посвященных разработанному им учению эволюционного детерминизма в целом, и составной его части – еще не очень понятной и потому осторожно воспринимаемой – идеи господства во всей материи энергии человеческой культуры (культурной биогеохимической энергии), связывающей все живые организмы Земли между собой и с косной материей Космоса. Однако, рассматривая это учение даже в первом приближении, приходим к выводу, что синтезное мышление В.И.Вернадского положило начало новому целостно-проблемному подходу в философии.

Следующий шаг в разработке идей эволюционного детерминизма сделал выдающийся русский ученый и философ Н.Н.Моисеев (1917–2000 гг.). В своих трудах “Быть или не быть… человечеству?” (1999 г.), “Судьба цивилизации. Путь Разума” (2000 г.) и других он разработал оригинальную концепцию Универсального эволюционизма. Он синтезировал теории В.И.Вернадского и И.Р.Пригожина и распространил их на общество, доказав, что “философия истории с позиций универсального эволюционизма” и “теория самоорганизации”, по существу, одно и то же.

“Логика взаимодействия цивилизаций, – писал Н.Н.Моисеев, – основанная не на их стандартизации, а на учете их различий, – это очередная страница логики истории. И она отвечает логике Природы”[3]. С большой долей оптимизма и юмора в 2000 г. он написал: «Планетарное гражданское общество, которому еще предстоит сформироваться, ожидает немалый труд – перевести цивилизационные разломы из “состояния по Хантингтону” в “состояние по Моисееву”!»[3].

Своими выдающимися открытиями в области прикладной математики, теории и методов расчета систем управления космическими объектами, моделей динамики биосферы, методологии взаимодействия биосферы и общества, при помощи их философского обобщения, Н.Н.Моисеев по существу развил эволюционный детерминизм и разработал теоретические основы цивилизационного детерминизма, утвердив проблемно-целевой подход в обществознании.

Дальнейшую разработку цивилизационный детерминизм получил в трудах видного философа, нашего современника и соотечественника Л.В.Скворцова. Его книги “Субъект истории и социальное самосознание” (1983 г.), “Культура самосознания: Человек в поисках истины своего бытия” (1989 г.), “Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание”

(2000 г.), “Информационная культура и цельное знание” (2001 г.) и другие получили широкое признание в среде философской и научной общественности, особенно россиеведов.

В частности, он пишет: “Локальные цивилизации в настоящем несут парадигму прошлого и будущего. Эта парадигма и определяет их общий смысл.

Ясность цивилизационного смысла существует как данность прошлого и как основание образа жизни в настоящем. И это единство прошлого и настоящего есть предпосылки уверенности в будущем”[4].

Это положение коренным образом отличает трактовку цивилизационного времени от всех предыдущих концепций исторического времени, основанных на линейном приближении, в том числе лежащих в основе современных концепций исторического развития – формационной и модернизационной.

Отличие это заключается в том, что такая трактовка исходит из многовекторного, альтернативного характера культуры самосознания.

Предложенный Д.С.Львовым экономиософический (аксиоматический) подход для обоснования нравственной доктрины экономического развития страны1, по существу, является развитием проблемно-целевого подхода цивилизационного детерминизма, воплощенного в трудах Н.Н.Моисеева.

Такой подход позволяет актуализировать, повысить значимость идейного, критического (проблемного) творчества в области экономической и политической философии, придав им целенаправленный характер. Формулировка аксиом[****] предполагает четкое определение целей.

В данном случае целью провозглашается “экономика, основная движущаяся сила которой будет принципиально иной по сравнению с рыночным обществом массового потребления.

Вместо стремления к богатству – стремление к высокому качеству жизни, которое невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качества жизни окружающих”.

Для реализации целей и необходимы аксиомы нравственной экономики – экономики будущего.

Д.С.Львов выделяет три таких аксиомы:

1. Общество должно быть владельцем тех ресурсов, на которых основывается жизнедеятельность всех его членов и социальных образований;

2. Необходимо согласовать принцип частной собственности с непременным атрибутом рыночной экономики – свободой и равенством в процессе обмена товаров для всех;

3. Материальной реализацией верховных владельческих прав общества на территориально-природные ресурсы должно стать обращение рент от всех используемых ресурсов в общественные доходы, аккумулируемые в системе общественных (государственных) финансов.

Такой экономиософический подход, на наш взгляд, нуждается в дополнительном, фундаментальном обосновании аксиом при помощи синтеза эволюционного детерминизма (целостно-проблемного подхода) и цивилизационного детерминизма (проблемно-целевого подхода).

Подобный синтез можно осуществить на основе выдвигаемой нами концепции культуры времени, исходящей из того, что проблема времени является связующим звеном между эволюционными и цивилизационными теориями.

Все предыдущие рассуждения об эволюционном и цивилизационном детерминизме представляются важными для разработки философии экономики, поскольку дают нам новую концепцию культуры эволюционного и цивилизационного времени, которая является антиподом “социальной комбинаторики” и способствует решению задач эффективного тайм-менеджмента.

Культура времени как принцип эволюционного и цивилизационного детерминизма

В наше время вряд ли можно добиться успеха, маршируя под собственный барабан. Мы не удивляемся тому, что большинство биологических ритмов, в соответствии с которыми мы живем, фактически повторяют основные периоды – день, месяц и год, – у каждого из которых есть свой небесный источник: вращение Земли и движения Солнца и Луны. Некоторые биологи считают, что связь между жизненными циклами и небесными ритмами устанавливается при помощи внутреннего таймера, точных биологических часов, позволяющих выжившему классу организмов лучше своих конкурентов знать, когда следует ожидать изменений окружающей среды – это эндогенная гипотеза. Наоборот, экзогенная гипотеза ощущения времени предполагает, что биологическая синхронизация обусловлена космическими стимулами, что чувство времени скрывается в той тайной связи между животным и природой, которую мы обычно называем словом “инстинкт”.

Однако представители и эндогенной, и экзогенной гипотез вынуждены признать, что биоритмическая активность определяется некими биологическим часами, существующими в каждом из нас, синхронизирующими колебания всех биологических организмов сегодня, с учетом возможных изменений завтра (от 2-х суток до месячных и других циклов).

Таким образом, окружающая среда способна быть “времязадатчиком” лишь для настоящего и будущего организмов. Поэтому диалектика научного анализа природных процессов исходит из дуальности самой сущности биологических организмов (диалектика внутреннего и внешнего, настоящего и будущего и т.п.), то есть причинно-следственного, объект-субъектного, пространственно-временного взаимодействия, возникающего в результате воздействия объекта на субъект. В этом сущность эволюционного детерминизма.

Только в обществе с появлением памяти, совершенствованием чувства времени появляется ощущение прошлого, то есть появляется цивилизационная среда. Именно в цивилизационной среде проявляется роль цивилизационных констант, сохраняющих в себе единство трех измерений: прошлого как традиции (преемственности), настоящего как действительного образа жизни (целостности) и будущего как реализации фундаментальной цели цивилизационной эволюции (целесообразности).

Такие константы позволяют расшифровать “самость” (self) как совокупность цивилизационных ориентаций личности. В зависимости от того, как расшифровать “самость”, воспринимается и истина жизни, ее цивилизационный смысл – основной внутренний мотив поведения. Рождение такого внутреннего мотива позволяет говорить о цивилизационном детерминизме. Поскольку человек является живым существом, он не может отвергать диалектику эволюционного детерминизма, а дополняет ее триалектикой цивилизационного времени.

Таким образом, цивилизационный детерминизм суть диалектико-триалектический.

Такой взгляд требует выделить один главный общий принцип, характеризующий как эволюционный детерминизм, так и детерминизм цивилизационный. Таким синтезирующим прин- ципом является принцип культуры времени.

Понятие “культура времени”, на наш взгляд, отвечает тем принципам взаимоотношений личности и общества, которые кажутся весьма важными для понимания нового взгляда на эволюционные и цивилизационные процессы.

Проблема культуры времени встает как проблема универсальных самоопределений человека, внутренней духовной самоорганизации личности для практической реализации стратегических целей и индивидуальных тактических задач. Специфика этой проблемы состоит в том, что здесь культура понимается не как нечто внешнее для человека, созданное традицией и объективированное в предметах культуры – материальных и духовных. Она понимается как определение истинного пути формирования внутреннего мира человека, постижения смысла жизни – мощного внутреннего мотива поведения на основе общественных цивилизационных ценностей как культура самосознания цивилизационного

субъекта.

Вместе с тем культура самосознания в этом контексте понимается как единство исторического, актуального и прожективного самосознания в каждый данный момент цивилизационного времени. Такое единство обеспечивает преемственность, целостность и целесообразность в самоидентификации и самореализации цивилизационного субъекта.

Цивилизационный субъект – это генерализованная реальность, а не отдельный индивид, и поэтому он может восприниматься через абстракцию.

Но эта абстракция выражают объективную сущность. В связи с этой сущностью отдельный индивид обретает новые качества – представителя семьи, тейпа, этноса, национально-государственного образования, определенного региона, страны-цивилизации, человечества в целом, то есть качества и эволюционного, и цивилизационного субъекта.

Таким образом, проблема культуры цивилизационного времени – это проблема культуры самосознания, самоидентификации и самореализации цивилизационного субъекта в современных условиях, с учетом традиций, опыта и прогнозируемых целей, исходя из которых субъект определяет тактические позиции и стратегические перспективы в отношениях и к Природе, и к Обществу.

Методологической основой для решения этой проблемы может служить синтезное мышление В.И.Вернадского, сочетающее сравнительное и умозрительное времяведение.

Сущность сравнительного времяведения, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, применяя “фильтр временного масштаба” к изучению цивилизационной субстанции, ее коллективно-пространственной горизонтали и индивидуально-временной вертикали, определить приоритеты прошлого, настоящего и будущего, а также способы их перегруппировки в своих тактических позициях. В этом случае триалектика тактики состоит в том, чтобы на основе культуры самосознания, констант его исторических, актуальных и прожективных элементов, выявить возможные варианты оптимального сочетания преемственности и целесообразности для сохранения и развития целостности исторического субъекта.

Сущность умозрительного время ведения в этом контексте заключается в том, чтобы определить стратегические перспективы направляемого развития цивилизационных процессов, чтобы поддерживать желаемые тенденции, либо избежать тех или иных подводных камней или катастроф, способных увести в сторону поток развития событий. В этом случае диалектика стратегии состоит в том, чтобы выявить противоречия во взаимодействии логики Природы и логики Общества, увидеть пути их разрешения и достижения динамического равновесия.

Главное, что должно быть положено в основу сравнительно-умозрительного, научно-философского, диалектико-триалектического анализа природной и социальной действительности – это не позитивистская ментальность достижения собственного успеха любым путем, а гуманистическая ответственность перед будущими поколениями. Только в этом случае достигается ясность цивилизационного смысла, существующая как данность прошлого и как основание образа жизни в настоящем. И это единство прошлого и настоящего есть предпосылка уверенности в будущем, правильности стратегических перспектив.

На индивидуальном уровне в содержательной структуре трех измерений цивилизационного времени возникает все многообразие личностных смыслов, определяющих в конечном итоге тактические позиции цивилизационного субъекта. Именно эти смыслы имеют абсолютное значение для человека и делают его верным своей клятве, своему слову, преданным своей семье и своему Отечеству. Именно они и представляют ту невидимую связующую силу, которая создает реальность народа как целого, как продолжающуюся константу всех трех измерений времени: прошлого, настоящего и будущего.

Решая проблему культуры времени, мы должны решить сложный философский вопрос: существует ли у цивилизационного субъекта моральный долг перед будущими поколениями?

В самом деле, возможны ли объективные основания обязательств перед реальностью, которой еще нет?

Иными словами, может ли виртуальная реальность быть более действительной, чем реальность настоящего?

Все эти вопросы ставят проблему культуры времени как проблему стратегии жизни, его главного направления.

С позиций эволюционного и цивилизационного детерминизма, одним из принципов которых является культура времени, цивилизация – это реальность, заключающая в себе все три измерения времени. В этом случае сохранность цивилизации как целого в его эволюции, а значит и забота обо всех будущих поколениях, оказываются приоритетными. И в этом заключен объективный смысл свободы цивилизационного субъекта.

Утрата объективного смысла свободы оборачивается превращением субъективных целей в приоритетные ориентации. Это имеет фундаментальное следствие: общим типом поведения становится социальная комбинаторика. Она основывается на утилитарном, “отрывочно-кусочном” понимании времени, на простых комбинациях, зависящих от ситуации, на превращении окружающего мира людей и вещей в средство достижения постоянно изменяющихся целей. Такой тип поведения становится все более общим и воспринимается как истинный путь достижения успеха.

При таком субъективном понимании истинного пути исчезает реальная почва духовного тождества людей и их когерентного цивилизационного поведения, понимания друг друга, хотя они могут говорить на одном языке. Гармоничность отношений становится фразой, за которой уже не стоит объективная реальность. Расширение массива межличностных противоречий лишает цивилизацию прочной основы: возникает опасность погружения в бездонную пучину межличностных конфликтов.

В противовес социальной комбинаторике культура времени, опираясь на эволюционный и цивилизационный детерминизм, обращается к структурам традиционной духовности, в которых человеческая жизнь является высшей ценностью. В них идеальная связь индивидов превращается в опору цивилизационных отношений. Она дана человеку как зов высшего мира, как Слово, определяющее истинный путь.

Теперь Слово перестает звучать. Сплошь и рядом оно превращается в способ достижения утилитарных, корыстных, корпоративных целей, в средства обмана, рекламы и манипуляции сознанием масс. Перед человеком открывается бездна неопределенности. Утрата Слова требует нового обретения человеком самого себя. Он начинает искать внутреннее равновесие в реальном чувстве. Поиск в реальном чувстве своей подлинной опоры ведет массы людей к стремлению превратить жизнь, каждый ее миг в приятное ощущение. Это – бездуховное самоопределение. Поэтому социальная комбинаторика рассматривается нами как антипод культуры времени.

Духовное самоопределение, основанное на принципе культуры времени, понимается как поиск в себе такой системы ценностей, которая может быть основой общего для всех идеального социального мира. Практическое созидание такого мира должно стать высшей целью, которая наполняет объективным смыслом и жизнь отдельного индивида, и общества в целом.

В этом смысле культура времени может рассматриваться как методологическая основа духовного самоопределения цивилизационного субъекта. Одним из способов такого самоопределения, на наш взгляд, может служить эффективный тайм-менеджмент: рациональное планирование своего рабочего и свободного времени. С его помощью можно научиться качественно выполнять одно задание за другим, беречь время, рационально использовать свои таланты и способности в пользу себе и людям, делать больше с меньшими затратами сил, а также по новому оценивать роль техники, в том числе компьютеров и автоматов, в жизни человека и общества[5].

В этом контексте увеличивается роль философского диагноза цивилизационного времени, поскольку диагностика времени – это функция социального и индивидуального самосознания человека, это выражение его “самости”. Она заключается в том, что присущая

самосознанию времяцелостность, структурируется в соответствии с единицами времени, являющимися виртуальными константами. Продуктом этого процесса выступает Диагноз времени. В свою очередь Диагноз времени структурирует процесс самосознания, выделяет в нем структуры-состояния, секунды, часы, различные периоды, эпохи, эры. Благодаря Диагнозу времени можно исследовать историческое, актуальное и прожективное общественное и индивидуальное самосознание как структуры-состояния, их взаимодействие и взаимообусловленность11.

Философский диагноз времени поможет заострить внимание на устранении фрагментации сознания за счет времяцелостности, на достижении ясности цивилизационного смысла самоидентификации, на устремленности в будущее как расширении пространства свободной самоидентификации, выяснить специфику культуры самоуправления цивилизационного субъекта в новой эволюционно-цивилизационной пространственно-временной ситуации.

Примечания

[1] Львов Д.С. Нужна ли России своя философия экономики? // Обозреватель – Observer. 2005. № 5 (184). С. 5–16.

[2] Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 252, 255.

[3] Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000. С. 182.

[4] Скворцов Л.В. Россия перед проблемой цивилизационной самоидентификации: Имперский комплекс или ответственность перед будущим? // Россия и мусульманский мир // Бюллетень реф. – аналит. информ. М., РАН ИНИОН. 2004. № 10 (148). С. 22.

[5] Кук М. Эффективный тайм-менеджмент: Как рационально спланировать свое рабочее и свободное время. М., 2003.

[6] Каширин В.И., Каширина О.В. Диагноз времени: сущность и структура // Вестник Российского философского общества. М., 2005. № 1(33). С. 174–177.

[*] В качестве примера можно привести фундаментальный труд Л.В. Лескова, очень оригинально и многосторонне раскрывающего сущность синергетической парадигмы, однако совершенно необоснованно отталкивающегося при описании нелинейного образа мира от кризиса детерминизма (Лесков Л.В. Нелинейная вселенная: новый дом человечества. Ч. 1. Гл. 1.1. Кризис детерминизма. М., 2003. С. 33–41).

[**] Заметим: открытие нелинейного, векторного времени, которое приписывают современной синергетике, было сделано В.И.Вернадским задолго до открытий И.Р.Пригожина.

[***] “Философские мысли натуралиста” – 1988 г., а “Научная мысль как планетное явление” без купюр с “Заключительными фрагментами раннего варианта” – в 1991 г.

[****] Д.С.Львов подразумевает под ними нравственные ограничения, которые отражают записанные в генетической памяти людей исходные положения жизнедеятельности.

ПРАВОВОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Т.Мухаметшин

Вопрос о взаимосвязи развития финансового сектора с экономическим ростом находится сегодня в центре оживленных дискуссий. Большинство мнений сходятся в том, что именно финансовое развитие способствует экономическому росту особенно в странах с развивающимися экономиками, то есть таких, как Россия. Умелое же использование возможностей финансового рынка при соответствующем его государственно-правовом регулировании может стать важным стимулом в осуществлении преобразований во многих областях государственной и общественной деятельности.

Так, проводимая в России реформа банковского сектора и внедрение соответствующих правовых основ призваны сыграть важную роль в обеспечении устойчивого роста инвестиций, объема производства, мобилизации внутренних сбережений и эффективного посредничества в этом процессе. Однако по мере своего развития банковская система сталкивается с определенными трудностями в виде недостатка функциональных возможностей, отсутствия необходимой инфраструктуры, нехватки ресурсов и правового сопровождения указанных факторов. Поэтому составной и неотъемлемой, частью банковской реформы является совершенствование российских финансовых рынков*. Выполняя пока незначительную функцию в распределении инвестиционных ресурсов, последние достаточно быстро развиваются и нуждаются в адекватном законодательном обеспечении.

Финансы традиционно являются основой системы прямых и обратных связей в государстве, которые обеспечивают прозрачность деятельности последнего, и позволяют осуществлять постоянный мониторинг, своего рода слежение рублем за всеми процессами в государстве и обществе. Особое значение эффективное функционирование отечественного финансового рынка приобретает в свете происходящих процессов глобализации. В связи с чем развитие и повышение его конкурентоспособности, обеспечение самостоятельного места российского рынка в системе международных рынков капиталов являются важнейшими задачами.

Президент России В.В.Путин еще в 2004 г. в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации поставил задачу по созданию в ближайшие годы необходимых условий для обеспечения полной конвертируемости рубля, что должно предопределить меры, которые необходимо принять Правительству и Банку России в области денежно-кредитной и валютной политики в краткосрочной перспективе.

Важным этапом в ее решении стало вступление в силу в том же году нового Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”[1], предусматривающего к 2007 г. окончательную либерализацию трансграничных операций с капиталом, как на территории России, так и за ее пределами. Достижение фактической конвертируемости рубля должно будет определяться не только снятием ограничений на операции с ним, но и его востребованностью, масштабами использования в международных экономических отношениях.

Определяющее же значение будет иметь степень доверия к проводимой государством денежно-кредитной политики, направленной на обеспечение внутренней и внешней стабильности национальной валюты.

Низкий уровень инфляции станет условием достижения устойчивого экономического

роста, который позволит значительно повысить уровень жизни населения.

В осуществлении поставленной цели первостепенным условием является уровень национального финансового рынка. Указанные стратегические подходы должны предопределять также направления и принципы развития его нормативно-правового обеспечения.

Российский финансовый рынок, по мнению профессора Горбуновой О.Н., является одним из наиболее регламентированных в мире. Сложность отношений на рынке, его масштабность, интересы безопасности его участников обуславливают необходимость внедрения детальных стандартов и правил работы на рынке[2]. Принимая во внимание, что законодательная база требует постоянного обновления, на первый план сегодня должны выйти осуществление органами законодательной и исполнительной власти мер по совершенствованию инфраструктуры и механизма регулирования финансового рынка. Представляется, что работа должна вестись по следующим основным направлениям.

Во-первых, в целях создания новых возможностей для участников финансового рынка необходимо принятие законодательства о секьюритизации. Отметим, что за рубежом рынок так называемых “инструментов, обеспеченных активами”, или рынок секьюритизационных ценных бумаг особенно бурно развивается в последние десятилетия[**].

Для российского финансового рынка развитие данного направления деятельности является новым, в связи с чем потребуется кропотливая законодательная работа.

Пока сделан только первый шаг: год назад был принят закон “Об ипотечных ценных бумагах”[1]. Для дальнейшего продвижения потребуется принятие как общего федерального закона “О секьюритизации”, так и внесение изменений в уже действующие нормативные правовые акты: в закон “О рынке ценных бумаг”3, закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”[4] и другие.

Во-вторых, принятие проекта федерального закона о производных финансовых инструментах, необходимость в котором назрела давно, позволит российскому рынку также приблизиться к мировому уровню.

Предметом регулирования этого законопроекта должны стать сделки, обязательством по которым является передача определенных в них активов в определенный срок в будущем или расчеты сторон в зависимости от изменений стоимости определенных в них базовых активов. Для обеспечения полноценной юридической защиты участников рынка производных инструментов необходимо, прежде всего внести изменения в Гражданский кодекс РФ[3], чтобы исключить возможность отнесения таких инструментов к “сделкам пари” (требования из которых, в соответствии со ст. 1062 ГК РФ, не подлежат судебной защите).

В-третьих, для развития срочных рынков реального товара и закрепления возможности осуществления кредитными организациями операций со складскими и залоговыми свидетельствами (варрантами) необходимо внести изменения в банковское законодательство и прежде всего в закон “О банках и банковской деятельности”[3], принять федеральный закон “О складских свидетельствах и товарных складах”, который будет регламентировать операции с реальным товаром посредством совершения сделок с товарно-распорядительными ценными бумагами.

В-четвертых, при создании независимой, эффективной и конкурентоспособной учетной (депозитарной) системы необходимо законодательно закрепить правовые основы деятельности центрального депозитария. Появление такого института рыночной инфраструктуры позволит решить целый ряд проблем:

– обеспечит лучшую защищенность прав собственности на ценные бумаги по сравнению с ныне существующей системой,
– снизит риск нарушения прав инвесторов,
– ускорятся и упростятся расчеты по сделкам с ценными бумагами.

В-пятых, в целях создания единого правового поля необходимо принятие мер по унификации биржевого законодательства, в том числе деятельности валютных и срочных товарных бирж.

Подготовка и принятие нового федерального закона “О биржах и биржевой деятельности” позволит определить правовой статус самих бирж, установить требования к составу и структуре их акционеров, к системе корпоративного управления, чтобы обеспечить инвестиционную привлекательность бирж и прозрачность их деятельности. В законопроекте необходимо предусмотреть требования по капитализации и по системе разделения рисков к учетно-расчетной инфраструктуре, используемой при биржевой торговле (клиринговые системы, расчетные депозитарии). Повышение требований к капитализации биржевых посредников и введение пруденциального надзора за ними сделает возможным переход от менее выгодной системы клиринга с полным предварительным депонированием к более эффективной системе с частичным предварительным депонированием.

Отметим и то, что в настоящее время требуют своего правового закрепления:
– положения об инсайдерской информации и манипулировании рынком;
– упрощение процедуры государственной регистрации выпусков ценных бумаг;
– совершенствование условий допуска на организованный рынок ценных бумаг иностранных эмитентов.

Неотъемлемой составляющей проводимой в указанных направлениях политики должно стать соблюдение основных принципов развития правового обеспечения финансового рынка, из которых необходимо выделить:
– преемственность и эволюционный характер указанного процесса;
– приверженность полноценной защиты законных прав и интересов инвесторов;
– информационная открытость в проводимой государством политике по совершенствованию законодательных основ финансового рынка;
– использование гражданского права в сочетании со смежными отраслями права, в частности, финансовым и административным правом, как основы формирования особой нормативной правовой базы рынка;
– применения юридической ответственности за наиболее опасные правонарушения в данной области и др.

Эти и аналогичные вопросы должны найти ответ в нормотворческой деятельности государственных органов власти в лице, прежде всего Банка России, Минфина, Федеральной службы по финансовым рынкам, и законодательной – Госдумы.

Принятие указанных законодательных инициатив, соблюдение отмеченных принципов повысит эффективность реализуемой государством единой денежно-кредитной политики, укрепит конкурентоспособность российского финансового рынка по отноше- нию к международным рынкам, а значит – будет способствовать повышению конкурентоспособности российской экономики в целом.

Необходимо еще раз отметить, что мы рассматриваем правовое совершенствование российского финансового рынка в совокупности с проводимыми государством другими структурными преобразованиями, и прежде всего в банковской сфере. Однако это не означает формирование российской финансовой системы, основанной исключительно на банках, взамен рынков капитала.

Как подчеркивает профессор А.М.Тавасиев, банки – главное и исходное звено финансового рынка, только они способны реализовать в своей деятельности полный набор рыночных денежных отношений (операций). Являясь по определению финансовыми организациями, банки ориентированы на универсальность деятельности в своей сфере[5].

Поэтому формирование полноценного банковского сектора, должно предшествовать развитию финансовых рынков.

Характерные пока для России нестабильные договорные правоотношения могут сделать посредничество на основе банковской деятельности более успешным, поскольку банки в большей степени способны защитить права кредиторов. А институциональные потребности банковской системы гораздо меньше хорошо функционирующего фондового рынка. Конечно, российская банковская система пока не в состоянии в полной мере

выполнять отведенные ей функции, но уже способна оказывать существенную поддержку в экономических процессах.

У властей пока нет единого представления о порядке формирования и развития финансовых рынков, что делает последние более уязвимыми к политической конъюнктуре и нестабильными как к внешним, так и внутренним факторам. Российский финансовый рынок в его текущем состоянии не может решить стоящие перед ним проблемы одними только рыночными механизмами – конкурентность, общедоступность и др. Необходимо определиться с собственной моделью финансового рынка, при создании которой можно использовать опыт уже успешно функционирующих зарубежных рынков, однако, на основе национальных интересов и традиций.

В то же время, у финансовых властей есть уже определенная программа действий по реформированию российского банковского сектора, процесс которого идет полным ходом начиная с 2002 г., то есть с момента утверждения Правительством и Банком России Стратегии развития банковского сектора РФ. Многое из запланированного Стратегией уже осуществлено:

– приняты ряд нормативных правовых актов,
– усовершенствован контроль за деятельностью кредитных организаций,
– внедрены современные стандарты банковской деятельности.

В настоящее время действует уже уточненная, с учетом проделанной ранее работы, Стратегия развития банковского сектора на период до 2008 г.[6].

Представляется, что на данном этапе развитие банковского финансового рынка и его правовое совершенствование будет важным стимулом в становлении полноценной банковской системы. Более того, “принимая во внимание масштабы задач, которые предстоит решить в ближайшее десятилетие, очевидно, что Россия не сможет полагаться только на бюджетную систему и банковский сектор для обеспечения финансирования реконструкции экономики”[1]. Создание же качественной инфраструктуры рынка с широким кругом инструментов непосредственно повлияют на ход осуществления преобразований в финансовом секторе.

Проведение банковской реформы и реформы финансовых рынков при соответствующем законодательном сопровождении будет иметь общие цели – развитие двух взаимодополняющих секторов экономики, способствующих проведению единой государственной денежно-кредитной политики и обеспечивающих трансформацию сбережений в инвестиции, ускорения экономического роста в стране за счет превращения финансового рынка и банковского сектора в важнейшие факторы социально-экономического развития.

Примечания

[1] СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; № 46 (ч. 2). Ст. 4448.
[2] Финансовое право / Отв. ред. О.Н. Горбунова. М., 2005. С. 577–583.
[3] СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; № 5. Ст. 410; № 6 Ст. 492.
[4] СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
[5] Банковское дело / Под ред. А.М. Тавасиева. М., 2005. С.11.
[6] Вестник Банка России. 2005. № 19.
[*] Под финансовым рынком понимается, во-первых, часть денежного рынка, рынка ссудных капиталов, на которых происходит перераспределение капитала между кредиторами и заемщиками в форме эмиссии и купли-продажи ценных бумаг, во-вторых, совокупность кредитно-финансовых институтов, через которые происходит перелив финансовых потоков от собственников к заемщикам и обратно // Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под. обш. ред. А.Г. Грязновой. М., 2002. С. 866.
[**] Смысл подобных операций в рефинансировании деятельности банков. Например,

банк выдает ряд кредитов клиентам и имеет в своих активах права требования к третьим лицам. Чтобы рефинансировать выданные кредиты, он выпускает ценные бумаги, обеспеченные этими правами требования, и продает их, а вырученные деньги может использовать для выдачи новых кредитов.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ФРГ

А.Козловцев,
кандидат юридических наук

Современные государства мира и их спецслужбы накопили определённый опыт борьбы с терроризмом и другими экстремистскими силами на рубеже двух столетий. С этой точки зрения заслуживает внимания деятельность западногерманского государства, его правоохранительных органов, разведки и контрразведки после окончания Второй мировой войны.

Западногерманское руководство, рассматривая вопросы стратегии борьбы с террористическими, неонацистскими и иными антиконституционными движениями в послевоенный период в условиях “холодной войны” с социалистическими странами, пришло к выводу, что успешное её ведение следует осуществлять в рамках законности, используя, однако, в случае необходимости более жёсткие, порой не отвечающие критериям демократии, чрезвычайные меры.

В этой борьбе достаточно сложно выделить главную роль той или иной структуры государства, хотя, по нашему мнению, национальные спецслужбы в этом ряду занимают одно из ведущих мест. Другой вывод, к которому пришли западногерманские специалисты, заключается в том, что демократия должна быть готова к самозащите, к открытым конфликтам, в том числе к борьбе с терроризмом.

Сущность этой борьбы заключается в принятии мер против абсолютизации претензий на всевластие как сверху, так и снизу, в обеспечении плюрализма и свободы выражения мнений. В этой борьбе в обязательном порядке в качестве факторов, способных обеспечить успех в решении проблем противодействия акциям терроризма, неонацизма и других антиконституционных движений должны быть учтены следующие моменты:

1. Способность политических и иных государственных структур устранить противоречия мирными средствами.
2. Степень популярности местных региональных и политических лидеров общегосударственного уровня как до, так и после применения властью решительных мер по урегулированию кризиса.
3. Максимальное ограничение целей противоборствующих сторон, что оставляет возможность урегулировать кризис на более низком уровне.
4. Дискредитация и изоляция радикально настроенных политических партий и движений, их руководителей.
5. Содействие росту популярности умеренных и здравомыслящих политических сил и развитие контактов с ними.
6. Нейтрализация социальной базы конфликта – устранение глубинных социально-экономических противоречий.
7. Использование для разрешения кризиса инструментов международного права.

Роль правоохранительных структур и специальных служб в разрешении любой кризисной ситуации, какой, например, является борьба с терроризмом, трудно переоценить. Наибольшего эффекта в противодействии террористам и представителям незаконных вооружённых формирований, как установили западногерманские политики, можно добиться при применении сил и средств разведки и контрразведки, когда специальные мероприятия сочетаются с проведением войсковых и специальных полицейских операций и координируются единой управленческой структурой.

Анализируя материалы деятельности экстремистских и террористических организаций на территории Западной Германии, следует отметить, что возрождение правых сил в ФРГ произошло несколько позже, чем в других европейских странах в определённой степени из-за нацистского прошлого Германии и действовавших в стране законов, запрещавших любое возрождение нацизма. Однако затем, начиная с 50-х годов прошлого века, в ФРГ была создана разветвлённая сеть ультраправых организаций и объединений, самыми массовыми из которых являлись неонацистские партии и группировки, а также реваншистские “союзы”, “землячества” и милитаристские организации.

В 80-е годы потенциал националистических организаций в ФРГ продолжал расти. На политической арене всё громче заявлял о себе часто смыкавшийся с национал-демократической партией (НДП) “Немецкий народный союз”. Этот союз, созданный в 1985 г., выдвинул программу образования единого немецкого государства на основе объединения ФРГ, ГДР и Австрии. При этом опасность представляли не только претензии неонацистов на участие в политическом руководстве страной, но и их попытки поколебать законность и конституционный порядок любыми средствами, включая террор.

В 1980 г. в ФРГ существовало 69 правоэкстремистских организаций, которые насчитывали примерно 20 тыс. чел. Всего в ФРГ регулярно выходило 92 газеты и журнала неонацистского содержания, недельный тираж которых превышал 174800 экз.

По отчёту МВД ФРГ по количеству акций неонацистов прослеживается тенденция к их увеличению (1976 г. – 319, 1977 г. – 616, 1978 г. – 992, 1979 г. – 1484).

Речь шла о надругательствах над мемориальными памятниками жертвам фашизма, еврейскими кладбищами и синагогами, расклейке листовок, вывешивании фашистских знамён, демонстрациях в нацистской униформе и т.д. Правыми экстремистами было совершено 117 преступлений, связанных с применением насилия (52 – в 1976 г., 40 – в 1977 г., 25 – в 1978 г.), в том числе 3 взрыва, поджог, 26 случаев тяжких увечий.

Левый экстремизм в ФРГ после окончания войны связывали с коммунистическим движением. После крушения фашизма коммунисты имели моральное преимущество перед другими политическими силами. Коммунистическая партия Германии (КПГ) была зарегистрирована во всех оккупационных зонах и могла участвовать в выборах. В западных зонах коммунисты входили во все земельные правительства, даже имели своих министров.

Однако зашоренная ориентация на СССР привела сначала к потере влияния КПГ в массах, а затем и к её запрету в августе 1956 г. Была также запрещена организация “Свободная немецкая молодёжь”, созданная под эгидой КПГ.

Кроме КПГ левоэкстремистские силы объединялись в такие организации, как группировки анархистов, троцкистов, независимую рабочую партию Германии, рабочую партию, независимую социал-демократическую партию Западного Берлина.

Активность левых сил с середины 50-х до середины 60-х годов была минимальной. В середине 60-х годов наступило заметное оживление, стало нарастать студенческое движение.

В 1968 г. была создана коммунистическая партия Германии (марксисты-ленинцы), в 1970 г. – коммунистическая партия Германии, в 1973 г. Коммунистический союз Западного Берлина.

Каждая из этих партий включала в себя от 1000 до 2000 чел. Более серьёзной силой являлась созданная в 1969 г. Германская коммунистическая партия (ГКП), которая в 1988 г. насчитывала около 38000 членов.

Следует, однако, отметить, что в Западной Германии эти партии, часто без достаточных на то оснований, причисляли к экстремистским.

Левацкий терроризм, как уже отмечалось, берёт своё начало в студенческом движении протеста конца 60-х годов, вызванного тем обстоятельством, что после прихода к власти в ФРГ коалиционного правительства социал-демократов и либеральных сил стала очевидной неизменность взглядов правящих кругов на систему безопасности в ФРГ. Это побудило непримиримое меньшинство объявить войну обществу. Начались поджоги, взрывы с человеческими жертвами, похищения людей, ответственность за которые взяли на себя

“Фракция Красной Армии”, “Революционные ячейки” и “Движение 2 июня”. Пик терроризма пришёлся на осень 1977 г., после чего властям при активном участии спецслужб удалось арестовать значительное количество членов подпольных террористических групп, однако проблема полностью так и не была решена.

Общим для левацких групп и организаций являлось стремление соблюдать все правила конспирации и дисциплины, быть готовыми к нелегальным условиям работы, тактическая линия на внедрение в профсоюзы, занятие позиций в учебных заведениях. Это обстоятельство было главным при решении вопроса об активном использовании спецслужб в их разработке и в целом в борьбе с ними. В 1972 г. численность левых организаций достигла 15 тыс. чел. Одновременно с этим членам этих организаций их руководством внушалась необходимость тщательной подготовки открытых столкновений с полицией, активное участие в массовых мероприятиях. Источники финансирования их деятельности были малоизвестны. Предполагалось, что названные организации получают значительные суммы от состоятельных писателей и адвокатов, сочувствующих им. Кроме того, представители этих организаций, занимая позиции, например, в высших учебных заведениях, имели возможности использовать государственные средства для оказания помощи своим организациям.

Решая тактические задачи, западно-германское государство, с помощью таких мощных инструментов, как чрезвычайное законодательство и национальные специальные службы, в целом достаточно успешно препятствовало разрастанию правого движения, подавляя в них появление террористических ростков, что определялось следующими основными моментами:

– незначительной угрозой правых сил для самих политиков;
– пассивностью их действий против послевоенного демократического устройства страны;
– низким уровнем организации, которая препятствовала объединению их совместной деятельности;
– отсутствием иммунитета против деятельности спецслужб.

Лишь в конце 80-х, начале 90-х годов стали появляться первые правоэкстремистские террористические организации классического образца.

Левое направление в терроризме оставалось наиболее ярким и опасным, что, по мнению экспертов западногерманских спецслужб не в последнюю очередь было связано с той эпохой, в которой зарождалось и развивалось левое движение.

Согласно данным опроса общественного мнения в высших учебных заведениях ФРГ, проведённого институтом демоскопии, в 1967 г. четвёртая часть всех студентов ФРГ принадлежала к “студенческим организациям”, являвшихся базой для террористических групп, почти столько же находилось в конфессиональных объединениях и кружках “по интересам”. В организациях самоуправления состояло 40% всех учащихся, а студенческие политические объединения в 1967 г. насчитывали 10080 чел., то есть 3,7% молодёжи.

Постепенно конфессиональные и чисто студенческие объединения уходили на второй план. Этот процесс был связан с осознанием ими невозможности проведения реформы высшего образования, опираясь только на студенческих функционеров и в рамках традиционных неполитических организаций. Тон начали задавать левацкие политические группы, готовые поддержать любую инициативу и не требующие членских взносов. Стали появляться так называемые группы Прово (Provo-Gruppen), девизом которых было “надо быть в оппозиции ко всему” (конституции, капиталистической системе, полиции и т.д.).

Таким образом, студенческое движение и внепарламентская оппозиция являлись прародителями терроризма в Германии, которые предопределили появление из этой среды РАФ (“Красных бригад” – Rote Armee Fraktion). Однако несмотря на относительные успехи РАФ в борьбе с господствующей системой в течение почти четверти века, наступившие в начале 90-х годов глобальные перемены в мире, по сути, лишили левый радикализм основы существования и обрекли его на медленное вымирание. В какой-то мере правомерно говорить о том, что РАФ получила своё продолжение в АИЦ (Antiimperialistischen Zellen,

AIZ), но она оказалась лишь последней вспышкой, последним этапом в многолетней истории левых террористических организаций.

По данным спецслужб Западной Германии, её состав оценивался в 2550 чел. В течение 3 лет группой было совершено 9 терактов, направленных против политиков и учреждений.

Руководитель БФФ Гамбурга Урлау, характеризуя АИЦ, заявлял, что падает степень предсказуемости поступков и акций праворадикалов и поле их деятельности, определяемое самими террористами, настолько широко, что террористов можно ожидать в любой момент и практически в любой точке Германии.

Позднее по делу АИЦ были арестованы Фальк и Штайнау. В ходе следствия было установлено, что эта организация состояла всего из двух названных лиц и других членов АИЦ в природе не существует.

Другая организация – "Революционные кружки", организованные в 1970 г. (до 1973 г. назывались "Красные кружки").

Всего этой организацией было проведено более 250 акций. Оплотом являлась земля Северный Рейн-Вестфалия.

Сами террористы, анализируя события 60–70-х годов XX в. в ФРГ, признали, что они сделали ошибку в своих действиях, и это обстоятельство привело к их серьёзному поражению. Проведение насильственных акций не принесло желаемого результата, поскольку правительство и спецслужбы не были намерены идти на уступки. В этой связи предлагалось создать фронт борьбы с империализмом и все силы, которые пробудились к жизни, привлечь к этому. Под этими силами террористы подразумевали группировки, назвавшие себя "партизанами", организациями сопротивления, а также сторонниками антивоенного движения. По их мнению, перспективу ядерного уничтожения народов можно избежать только с помощью "революционной борьбы". Такое объединение было необходимо для осуществления скоординированных вооружённых нападений, призванных сорвать стратегические планы империалистов.

Все меры борьбы с терроризмом и экстремизмом в ФРГ можно разделить на несколько групп:

– уголовно-процессуальные меры, включавшие ужесточение уголовной ответственности за совершение террористических актов;

– административно-правовые, связанные с введением определённого режима и усиления мер охраны и обеспечения безопасности зданий, учреждений и конкретных лиц;

– агентурно-оперативные меры специальных служб по получению достоверной информации о планах и намерениях террористов, других сведений, которые могут обеспечить своевременное предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности;

– так называемые "мирные инициативы", имевшие цель найти политическое решение указанной проблемы и ликвидировать террористические проявления в стране.

Для активизации борьбы с терроризмом с 1970 г. в федеральном ведомстве уголовной полиции (БКА) была введена новая система регистрации отпечатков пальцев, которая позволяла использовать в дактилоскопии электронно-вычислительную технику.

Во всех земельных ведомствах полиции электронная техника заменила визуальное сравнение отпечатков, сократила время проверки. Перевод имевшихся к тому времени в полиции ФРГ 15 млн. отпечатков пальцев на новую систему был предусмотрен в течение 10 лет.

Передача изображений от следственных подразделений в земле до центральной картотеки БКА занимало 12 мин., примерно в течение одного часа следственное подразделение получало данные проверки отпечатков пальцев или личные документы преступников.

В связи с усилением террористической деятельности экстремистскими элементами и поступлением писем с угрозами в адрес депутатов бундестага и для обеспечения их безопасности с апреля 1975 г. был усилен пропускной режим в здании бундестага ФРГ и высотном доме депутатов бундестага в Бонне. Наряду с обычной охраной в обоих зданиях

несла службу пограничная охрана.

Наряду с этим в правовой области в ФРГ были введены в действие целый ряд постановлений, которые уточняли и дополняли мероприятия по обеспечению безопасности в стране. Особенно характерными в этом плане являлись законы о проверке верности конституции (благонадёжности).

Предусматривалось три ступени проверки, которые осуществлялись в зависимости от осведомлённости в секретах:
– простая проверка (через информационную систему НАДИС устанавливалось, имеются ли в спецслужбах ФРГ сведения на проверяемое лицо);
– расширенная проверка с выяснением данных о личности проверяемого с опросом его окружения;
– расширенная проверка с запросами в БНД, центральную федеральную картотеку и в местные полицейские органы, а также в “дружественные спецслужбы” других учреждений государственного аппарата.

Уделяя большое внимание борьбе против демонстраций радикально настроенных элементов в стране, контрразведка и органы полиции ФРГ проводили эту работу в 3 этапа: подготовительного, основного, заключительного.

На первом этапе происходило сосредоточение сил и средств для проведения спецопераций. Агентура активизировала действия по выявлению организаторов массовых выступлений.

Устанавливались дополнительные ограничения проводимых мероприятий, препятствовавших проведению демонстрации.

Основной этап ознаменовывался выставлением стационарных постов, которые блокировали пути подхода к районам проведения демонстраций. Круглосуточное патрулирование организовывалось с использованием высокомобильных транспортных средств. Транспорт, следующий в районы блокирования, тщательно осматривался, у граждан проверялись документы. Отдельным участникам демонстраций инкриминировались обвинения в нарушении общественного порядка, проводилось их задержание и арест. При разгоне демонстрантов применялись специальные технические средства и насилие.

На заключительном этапе участники демонстрации учитывались в специальных картотеках. За ними могло проводиться наблюдение, при этом полиция активно использовала ультракоротковолновые приёмопередающие устройства (позывными служили, как правило, названия планет). Против демонстрантов часто применялись штрафные санкции.

В связи с отдельными проявлениями агрессивности со стороны участников демонстраций, применяющих маскировку, бундестагом в декабре 1987 г. был одобрен проект закона о запрещении участникам демонстраций использовать средства прикрытия.

Министр внутренних дел ФРГ Циммерман объявил о создании специальных подразделений полиции по борьбе с демонстрантами, использующими различные прикрытия, которые действовали в тесном контакте с национальными спецслужбами.

Однако обстановка в стране, несмотря на принимаемые меры оставалась напряжённой.

Например, оценивая положение в ФРГ в 1987 г., германские спецслужбы отмечали, что существенным фактором, осложняющим агентурно-оперативную обстановку в ФРГ и делающую её кризисной, остаётся проблема терроризма.

Убийство в октябре 1986 г. а членами РАФ ответственного сотрудника МИД ФРГ фон Браунмюля повлекло за собой принятие целого ряда чрезвычайных мер по ещё большему ужесточению внутреннего законодательства, усилению охранных мероприятий, укреплению спецслужб и других государственных органов, занимавшихся проблемами внутренней безопасности страны.

Наряду с законодательными изменениями, касающимися деятельности спецслужб ФРГ, принимались также организационные меры по усилению борьбы с терроризмом,

оказывавшие влияние на агентурно-оперативную обстановку в стране.

Ещё 2.11.1977 года в федеральной криминальной полиции был создан спецотдел по розыску террористов со штатом в 96 чел. с перспективой увеличения в дальнейшем до 200 чел.

Главной задачей отдела являлся целевой розыск известных террористов на территории ФРГ и за границей.

В поиске каждого установленного террориста было задействовано до 10 оперативных работников.

К работе в этом отделе активно привлекались сотрудники разведки и контрразведки. Бюджет на внутреннюю безопасность получил дополнительно 1 млрд. марок для увеличения почти на 5 тыс. чел. федеральной погранслужбы, уголовной полиции и контрразведки.

Для создания единого центра по борьбе с террористами в стране была создана координационная группа по борьбе с этими преступлениями в системе МВД в федеральном ведомстве уголовной полиции (Koordinierungsgruppe Terrorismus-bekampfung in BKA), куда входили представители всех заинтересованных структур, включая спецслужбы Западной Германии.

К основным недостаткам борьбы спецслужб с терроризмом, особенно на первом этапе в конце 60-х, начале 70-х годов, спецслужбами ФРГ, было отнесено:
– отсутствие правовой регламентации деятельности сотрудников спецслужб, полицейских органов и охраны;
– недостаточные агентурные позиции и отсутствие информации о планах террористов по нападению на государственные учреждения и конкретных лиц;
– значительное количество огнестрельного оружия у террористов.

В 1972 г. имело место 6056 случаев угрозы оружием, 12904 случаев, связанных с обстрелом конкретных лиц.

В 1980–1981 гг. в ФРГ было зафиксировано 12958 случаев хищения оружия.

Так, в октябре 1981 г. в Люнебургской пустоши был найден 31 тайник, в котором было спрятано 89 ящиков с военным снаряжением, 156 кг взрывчатки, 230 снарядов, 17 огнемётов, 50 противотанковых и 258 ручных гранат, 13520 патронов, 0,05 кг цианистого калия и др.

В это же время в ФРГ было похищено 6 пулемётов с американских танков).

Одновременно отмечалось игнорирование экстремистами запретов и ограничений, а также снижение бдительности как следствие недостатков в проверке и осуществлении мероприятий по конкретным лицам.

В результате анализа, осуществлённого МВД ФРГ за 60-е, 70-е годы прошлого века в качестве характерных черт и особенностей терроризма в этот период можно выделить:
– чёткую направленность против представительств, фирм, организаций, которые в той или иной форме были причастны к событиям на Ближнем Востоке и оказывали прямую или косвенную поддержку Израилю (особое место в ряду совершённых террористических актов в ФРГ такой направленности занимает акция организации “Чёрный сентябрь” против олимпийской делегации Израиля в Мюнхене в 1972 г.);
– взятие отдельными спецслужбами на оперативное вооружение “флага” террористических организаций (“Божий гнев” – Израиль, “Зелёный пояс” – Саудовская Аравия);
– взаимное координирование различными террористическими и экстремистскими организациями и группами своей деятельности;
– тенденцию к объединению сил различных террористических групп в единое формирование;
– наличие и использование современного оружия и технических средств в диверсионно – террористической деятельности;
– наличие материальной и технической базы для подготовки террористических актов.

Спецслужбами ФРГ к середине 70-х годов были разработаны признаки выявления террористов, к которым были отнесены следующие:
– по документам – использование иорданских, ливанских, ливийских, сирийских, кувейтских, алжирских, йеменских паспортов и документов эмиратов Персидского залива, реже паспортов неарабских государств;
– для изменения внешности террористы прибегали к ношению очков, бороды и усов или избавлялись от этих примет, если они были в прошлом;
– использование легенды при совершении поездок (туристы или студенты, у которых отсутствуют сопутствующие документы);
– по внешнему виду – возраст 21–26 лет, одеты в новую одежду европейского покроя, испытывают заметное неудобство в новом одеянии. Также применялась одежда хиппи, форма американских солдат, швейцарских военных, английских и немецких полицейских, форма компаний европейских воздушных авиалиний;
– маршрут и использовавшийся транспорт (в основном – воздушный, меньше железнодорожный и морской).

При этом выбирался прямой маршрут для следования к конечному пункту с неоднократными остановками на короткие сроки в пути. Террористы старались избегать американских, английских, израильских, греческих и кипрских авиакомпаний.

Поездки террористы совершали небольшими группами, собираясь вместе незадолго до отправления, часто не зная друг друга.

В стране, где проводилась операция, вели изолированный, замкнутый образ жизни, после её завершения сразу выезжали из страны.

По заявлению министра внутренних дел ФРГ Циммермана, во второй половине 80-х годов для совершенствования деятельности спецслужб и полиции в целом по борьбе с терроризмом “в новом составе парламента и правительства планировался целый ряд мер по улучшению поиска террористов”. В частности, в рамках так называемой “поисковой концепции 106” были намечены совместные действия земель в окружении лиц, являвшихся возможными объектами нападения террористов. Более интенсивно и профессионально осуществлялись меры по обеспечению гласности поисковых мероприятий. Спецслужбам было дано указание по оперативному информированию об имеющихся у них существенных сведениях представителей тех предприятий, которые могли подвергнуться нападению со стороны террористов. При проведении поисковых мероприятий активное участие принимала пограничная служба ФРГ, использовавшаяся в охранных мероприятиях.

Если раньше в г. Бонне пограничники охраняли ведомство федерального канцлера и президента страны, МВД, министерства юстиции, образования и науки, исследований и технологии, то с 1987 г. после кадрового усиления погранвойск в их задачи была включена также охрана министерств экономического сотрудничества, защиты окружающей среды и безопасности атомных реакторов.

Всего из 3850 чел. – сотрудников этого подразделения 1200 были заняты охраной (230 материальных и физических объектов).

Продолжалось соблюдение чрезвычайных мер контроля и активное осуществление оперативно – поисковых мероприятий через агентуру спецслужб в аэропортах ФРГ.

По заявлению парламентского статс-секретаря МВД Шпрангеля, тщательному обследованию подвергались все пассажиры и их груз, включая ручную кладь. Только в 1986 г. спецслужбами аэропортов ФРГ во время контроля “были обнаружены и изъяты более 150000 ед. огнестрельного оружия и других предметов, представляющих опасность”.

В первом полугодии 1987 г. террористами было совершено 69 экстремистских акций различного характера (в первом полугодии 1986 г. – 89).

Возросло количество акций с использованием взрывных устройств, направленных в первую очередь против объектов полиции и бундесвера, почтового ведомства, в 3 раза увеличилось число взрывов мачт линий электропередач.

Генеральный прокурор К.Ребман в декабре 1987 года заявил, что террористы на всей территории ФРГ в течение года совершили 330 поджогов и акций с использованием

взрывных веществ (в 1986 г. – 452, в 1985 г. – 326).

Некоторому снижению активности террористов способствовал арест во Франции 4 руководителей организации “Прямое действие” (февраль 1987 г.), а также принятие закона об освобождении от уголовной ответственности террористов, которые были согласны давать показания на своих единомышленников и выступать в качестве свидетелей в суде (Kronzeugenregelung) с возможной выдачей таким лицам крупного денежного вознаграждения, а также освобождение из заключения некоторых террористов, заявивших о прекращении ими экстремистских действий.

Вместе с этим возросла опасность проведения акций экстремистского характера со стороны так называемых “автономных” (т.е. не поддерживающих прямой связи с крупными организациями) террористических групп, о чём свидетельствовало убийство двух полицейских участниками одной из демонстраций во Франкфурте на Майне в ноябре 1987 г.

В ФРГ периодически проводились полицейские операции по поиску террористов, их конспиративных баз с активным использованием в этих мероприятиях агентов спецслужб. Такие мероприятия проводились, как правило, одновременно на территории нескольких федеральных земель с привлечением значительных сил полиции.

Так, в декабре 1987 года при участии более 300 сотрудников БКА и полицейских органов ряда земель была проведена широкомасштабная операция, во время которой были произведены обыски на 35 объектах (на частных квартирах, в помещениях различных учреждений). При этом были арестованы 2 женщины, подозреваемые в принадлежности к террористической организации “Роте Цопа”.

В 1981 г. масштабы террористической деятельности заметно увеличились, чему способствовали распространение государственного терроризма выходцами из Ливии, Ирака, Ирана; эскалация и расширение деятельности армянских террористов; возросшее применение террористами противотанкового оружия; интенсификация террористических акций правыми и неофашистскими организациями (для более глубокого сотрудничества органов безопасности стран НАТО в этой области был создан соответствующий центр, в распоряжении которого находились ударные силы численностью до 2000 чел., в задачу которых входило: проведение совместных розыскных мероприятий против наиболее активных террористических организаций, а также различных националистических, экстремистских и эмигрантских группировок, действовавших в Европе; выявление конспиративных квартир, использовавшихся террористами для хранения оружия и взрывчатых веществ; регулярный обмен информацией по вопросам международного терроризма (в ФРГ решение этих задач было возложено на отдел “ТР” БКА, так как по конституции страны только подразделения криминальной полиции имеют право проводить обыски и аресты подозрительных лиц).

По статистике в Европе в 1980 г. было совершено 760 терактов, в результате которых было убито 642 чел. и ранено 1078. В течение 5 месяцев 1981 г. было совершено 312 терактов.

В целом с 1968 по 1981 г. было зарегистрировано 6714 международных террористических актов. 98% операций террористов в указанный период были связаны с захватом заложников. За совершение 79% актов террора им удалось избежать наказания. В 29% случаев требования террористов были удовлетворены. В случае, если единственным их условием был беспрепятственный выезд, вероятность успеха достигала 83%. Если основные требования террористов отклонялись, то в 67% случаев они свободно уезжали.

Уделяя повышенное внимание переподготовке сотрудников спецслужб, в ФРГ в Ведомстве по охране конституции были организованы двухнедельные курсы по “борьбе с насилием” и выделены дополнительные ассигнования. В 1981 г. был усилен контроль в аэропортах, с которых осуществлялось сообщение с Западным Берлином.

Основные решения по борьбе с терроризмом в этот период были приняты на конференции в Женеве представителями США, ФРГ и Италии, которые фактически признали состояние кризиса в Европе и означали введение в них де факто чрезвычайного

положения для борьбы с терроризмом. Характер этих мер заключался в следующем:

1. Ввести в действие чрезвычайные законы для борьбы с терроризмом.

2. Установить более тесное сотрудничество друг с другом по линии уголовной полиции и спецслужб.

3. Подготовка в рамках Интерпола документов о чрезвычайных действиях по борьбе с терроризмом, углубление сотрудничества с этой организацией национальных органов полиции и спецслужб.

Западногерманская и мировая практика показывают, что бороться с террористами должно государство, а победить их может только общество.

Вся деятельность полиции готовности и федеральной пограничной службы по борьбе с терроризмом делилась на несколько этапов:

1. Сбор возможно полной разведывательной информации, в первую очередь, через оперативные возможности спецслужб страны о целевых установках этих формирований, их лидерах и ближайшем окружении, численности этих структур, дислокации, системе управления и связи, финансовых возможностях, количестве оружия и боеприпасов, средствах и методах подготовки, видах деятельности и конспиративных мерах при осуществлении террористических актов данными группами.

2. Проведение широкомасштабных войсковых и специальных операций, направленных на уничтожение живой силы и техники, освобождение заложников, захваченных районов, кварталов, зданий, лишение опорных баз, захват и уничтожение руководителей террористов и т.д.

3. Ликвидация последних очагов сопротивления, изъятие оружия и боеприпасов, поиск скрывающихся членов этих преступных организаций.

Наиболее важную информацию спецслужбы добывали с использованием агентуры из числа членов экстремистских партий и организаций, работавших на БФФ/ЛФФ (земельные подразделения ведомства по охране конституции). Задача оперативных сотрудников заключалась в том, чтобы своевременно вскрыть процессы трансформации (взглядов, сознания) отдельных членов таких структур и склонить их к тому, чтобы они не покидали свои организации, однако впредь информировали компетентные государственные органы о конкретных планах и замыслах, нацеленных против конституции и государства.

К числу конспиративных методов, наряду с использованием агентуры, в борьбе с терроризмом следует отнести:

– наружное наблюдение, с помощью которого подозреваемый находился под контролем круглосуточно, для фиксации его связей, сообщников, каналов получения финансовых средств и т.д.;

– контроль почтовых отправлений и каналов связи, который ограничивался тремя месяцами и санкционировался министром внутренних дел ФРГ или земли ФРГ с возможным продлением, но с информацией соответствующего парламентского комитета;

– скрытая съёмка и фотографирование, позволявшие документировать оперативные материалы и действия экстремистов; использование технических закладок, недопустимых в принципе по ст.13 Конституции ФРГ, однако возможных, когда речь идёт об устранении угрозы жизни и здоровью;

– вспомогательные средства, необходимые для зашифровки действий спецслужб (паспорта, сменные номера машин и т.д.).

В середине 80-х годов коренным образом изменился подход государства к решению проблем терроризма. Наряду со старыми силовыми методами борьбы по линии спецслужб появлялось также и стремление политиков, сотрудников спецслужб найти политическое решение проблемы (“мирные инициативы”). Это было обусловлено тем, что силовые ведомства не всегда, по их мнению, успешно справлялись с решением возложенных на них задач по борьбе с терроризмом, и был востребован новый подход к решению этой глобальной проблемы.

К таким “инициативам” следует отнести следующие акции:

1. Акция Боден-Бенц, начало которой было положено в середине 80-х годов, когда

Бенц – сотрудник БКА (федерального ведомства уголовной полиции) вступил в контакт с террористами и выступал в качестве посредника между ними и государством. Деятельность Бенца показала, что, не отрицая эффективности деятельности спецслужб в этом направлении, обоюдное стремление сторон к разрешению конфликта и авторитет власти могут примирить террористов с государством.

2. Инициатива Циммермана (министр внутренних дел ФРГ с 1983 по 1991 г.) заключалась в том, что террористы должны были по собственной инициативе искать выходы на правоохранительные органы с тем, чтобы договориться с властями об условиях прекращения ими террористической деятельности. Однако столкнувшись с сопротивлением и давлением со стороны ведомства федерального канцлера ФРГ эта инициатива конкретных положительных результатов не дала.

3. План К.Кинкеля 1992 г. (в то время федерального министра юстиции), направленный на снижение угрозы терроризма и, в конечном счёте, на ликвидацию проблемы левого терроризма как таковой. Согласно нему государство должно было сделать конкретные шаги на пути деэскалации борьбы с террористами и осуществить: амнистию заключённых террористов; пересмотр некоторых законов; сокращение или переориентацию специальных служб.

Судьба инициативы Кинкеля, натолкнувшейся на ожесточённое сопротивление как в официальном Бонне, так и в федеральных землях, получившей поддержку и понимание лишь в рядах СвДП, печальна. С переходом Кинкеля в министерство иностранных дел его программа потеряла какую-либо привлекательность. Власти не проявили последовательности, в диалоге возникла пауза и террористы не замедлили с новыми террористическими актами.

4. Инициатива представителей германской общественности. В начале 1993 г. представитель центрального совета евреев И.Бубис обратился к канцлеру Колю, предлагая свои услуги в посредничестве между государством и террористами, внося тем самым вклад в дело прекращения череды насилия и террора. Такие же услуги предлагал шеф концерна Даймлер-Бенц Э.Ройтер. Оба от канцлера получили категорический отказ.

Подводя итог указанным инициативам, можно согласиться с тем, что к началу 90-х годов в ФРГ сложилась объективная ситуация, ставившая под вопрос смысл дальнейшего существования РАФ как террористической организации. Стремление широких кругов общественности и политиков ускорить разрешение конфликта мирными политическими средствами встретило понимание в рядах террористов, некоторые из них пошли на сотрудничество с властями. Наибольшую выгоду от политического диалога получили бывшие террористы, находившиеся в заключении. В обмен на отречение от терроризма как метода достижения политических целей государство пересмотрело дела многих заключённых в их пользу. Вместе с этим специалисты БФФ были убеждены, что переезд рафовцев, решивших на время или навсегда отойти от терроризма и избежать какого-либо наказания за совершённые преступления, в ГДР был включён в основ-ную стратегию РАФ, что во многом было обусловлено отработанностью механизма перехода и надёжностью убежища.

Покушения террористов на генерального прокурора ФРГ Бубакка, банкира Понта, председателя союза немецких промышленников Шлеера (все они были убиты) привели к усилению требований общественности “обеспечить права и порядок”.

Эти акции, которые были большей частью левых террористов осуждены, послужили государственным органам предлогом для усиления и совершенствования государственного аппарата по обеспечению внутренней безопасности. Обострились дискуссии о содержании и границах “свободно-демократического строя”. Расширение полицейского и контрразведывательного аппаратов, а также их компетенции и судебных органов усилили опасность антиконституционных перегибов.

В ФРГ появился лозунг о необходимости охранять конституцию от “Ведомства по охране конституции” (БФФ). Это ведомство в указанный период насчитывало около 1500 сотрудников, а земельные ведомства – примерно по 2000–2500 чел. На управление

федерального ведомства по охране конституции работало по дан-ным составителей сборника до 13 000 агентов.

История борьбы западногерманского государства и спецслужб этой страны с террористическими, неонацистскими и иными антиконституционными движениями полна различного рода взлётами и падениями. Суммируя имеющиеся материалы по рассматриваемой проблеме, можно сделать следующие выводы:

1. Спецслужбами Западной Германии в основном был создан действенный и качественно подготовленный аппарат сотрудников и агентура, которые могли решить поставленные перед ними задачи по нейтрализации этого явления.

2. Поддержка со стороны законодателя в виде принятия соответствующих более жёстких и взвешенных законов по усилению ответственности за указанные действия и преступления, большое внимание к обеспечению разведки и контрразведки всем необходимым для такого рода деятельности, а также к вспомогательным силовым средствам в лице полиции и пограничной службы страны, оснащение спецслужб ФРГ современными техническими средствами во многом, по мнению автора, способствовали изменению ситуации в стране, когда обстановка из кризисной с существованием практически неуправляемого чрезвычайного положения благодаря предпринятым мерам, не в последнюю очередь агентурно-оперативным, была в основном нормализована.

ФАЛЬШИВКА ЛИ ПЛАН ДАЛЛЕСА?

О.Хлобустов

В начале 2005 г. журналист Марк Дейч выступил с очередной сенсацией: ему удалось “разоблачить пропагандистскую “фальшивку”, на протяжении последних лет смущавшую умы и сердца наших сограждан.

Чтобы читателям было понятно, о чем идет речь, приведем оспариваемый документ полностью.

“Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы неизменно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить.

Как?

Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство. Национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности.

Мы будем браться за людей с детских, с юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь. Станем разлагать, развращать, растлевать ее, Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов.

Аллен Даллес, 1945 г.”

В такой редакции он был опубликован в “Московском комсомольце”1. Но лишь для того, что бы предупредить: Не верьте, люди! Это фальшивка!

В доказательство Марк Дейч приводит лексический и “источниковедческий” анализ этого текста. И, не обнаружив “первоисточника”, делает безапелляционный вывод.

Надо сказать, что доводы Дейча выглядят убедительными: с ними уже согласился телеведущий программы “Момент истины” Андрей Караулов, который принес телезрителям извинения за “использование фальшивки” в одной из передач.

Я тоже соглашусь с Дейчем. Но только в одном.

План этот – не совсем план в прямом смысле слова. В нем не указываются конкретные исполнители, формы и методы их деятельности, сроки и т.д. В этом смысле “зловещий план Даллеса” представляет собой ни что иное, как проект, в то время не утвержденный руководством США и не принятый на доктринальном уровне. Он представляет собой не более чем оперативный замысел, в свою очередь, предполагавший разработку и осуществление соответствующих действий...

Можно, конечно, ответить М.Дейчу коротко: автор “... тенденциозен тогда, когда он (выделено – Авт.), сознательно отбрасывает материал, не укладывающийся в заранее им установленные, и, следовательно, искусственные схемы; бессознательно он тенденциозен, конечно, и тогда, когда игнорирует материал в силу своего незнакомства с ним”.

Итак, критерий оценки сформулирован и определен. Причем задолго до сегодняшнего дня, да в придачу известным русским либеральным историком С.П.Мельгуновым, как известно, отнюдь не стоявшим на марксистских позициях.

Немалый недостаток анализа Дейча – это бросающийся в глаза вне исторический, вне временной характер его рассуждений, вычленение анализируемого документа и его рассмотрение вне временного контекста.

Прежде чем ответить на кажущийся Дейчу самым главным вопрос – об источнике появления анализируемого документа, сформулируем, как это полагается в историковедческой экспертизе, вопросы, требующие определенного ответа.

Их четыре:

1. Мог ли этот документ появиться в указанное время – в апреле 1945 г.?

2. Мог ли этот документ в то время стать достоянием советского руководства?

3. Есть ли свидетельства идентичности содержания документа взглядам приписываемого ему автора?

И наконец, реализовался ли он на практике?

Представляем на суд читателя развернутые ответы на каждый из этих вопросов.

Поскольку после кончины президента Рузвельта вопрос о будущем мира внезапно встал перед недостаточно компетентным и информированным вице-президентом США Гарри Трумэном, естественно, что он вызвал оживленные дебаты и в политической злите Америки.

Естественно также, что было запрошено мнение и главного резидента Управления стратегических служб ГУСС, разведки США) в Европе Аллена Даллеса*.

Мнением резидента УСС мог поинтересоваться и Конгресс, перед которым Даллес не счел нужным скрывать свои взгляды, тем более, надеясь найти им поддержку со стороны законодателей.

Таким образом, цитируемое Дейчем выступление Даллеса в Конгрессе США представляется вполне вероятным.

Но могло ли оно, в этом случае, стать достоянием советской разведки?

Это тоже весьма вероятно. Как известно, советская разведка располагала источниками информации в американском истеблишменте и была неплохо информирована о перипетиях политической борьбы в американском руководстве.

Возможными источниками информации об этом документе могли быть, например, Гарольд (Ким) Филби или Гай Берджес. Хотя высокопоставленные источники имелись также и в администрации президента США.

Мы не случайно упомянули лексический анализ, проделанный М.Дейчем, на основании которого он делал вывод о том, что авторство документа не могло принадлежать Даллесу. В частности, в виду различия трактовок понятия космополитизма в США и в СССР в то время.

На наш взгляд, как раз известная кампания по борьбе с “безродными космополитами” середины-конца 40-х годов с большой степенью вероятности свидетельствует о том, что Сталину был известен этот план. А сама кампания являлась завуалированным сигналом о том, что ситуация в СССР находится “под контролем”.

В пользу того, что высшее руководство СССР – И.В.Сталин и еще 2–3 его ближайших

сподвижника, – знало о “плане Даллеса для СССР”, свидетельствует, на наш взгляд, и появление в апреле 1947 г. Плана “мероприятий по пропаганде советского патриотизма”.

Понятно, что патриотизм – антипод и антитеза космополитизму, в том числе и в его американской интерпретации.

Обратим внимание и на тот факт, что план этот был, естественно, секретным[2].

Равно как и сообщение разведки Сталину о содержании “плана Даллеса”, если оно, конечно, существовало. И мы полагаем, что в весьма непродолжительное время оно “всплывет” в “Особой папке” Сталина, а, может быть, и спокойно дожидается там своего публикатора.

Показательно – в плане переклички, то есть противопоставления “плану Даллеса” для СССР и выступление члена Политбюро ЦК Г.М.Маленкова на совещании представителей компартий 22 сентября 1947 г.[2].

При этом очевидно, что советские представители, даже осведомленные, не должны были показать США, что им известен “замысел” Даллеса.

В стратегию логического продолжения противодействия “плану Даллеса” превосходно и вполне объяснимо ложится и выступление на упомянутом совещании 25 сентября секретаря ЦК ВКП(б) А.А.Жданова, в котором он подчеркивал, что “… одним из направлений идеологической кампании … порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенитета прав народов…”[2].

Исторической правды ради, мы отнюдь не будем утверждать, что “план Даллеса” начал немедленно осуществляться с апреля 1945 г. Наоборот, слишком многие факты свидетельствуют о том, что он был до поры до времени положен под сукно. И именно поэтому конфиденциальное высказывание Даллеса могло “не отложиться” в официальной историографии США.

В этой связи не вполне корректна ссылка М.Дейча и на американский документальный сборник “Сдерживание”, тем более, что большинство американских историков и политологов относят формулирование концепции “Сдерживания коммунизма” к 1947 г.

К тому же официальная публикация в США данного документа похоронила бы главный пропагандистский тезис многих президентов США о якобы “односторонней виновности СССР” в возникновении “холодной войны”.

Как подчеркивает составитель “Энциклопедии российско-американских отношений XVIII–XX века” Э.А.Иванян, американские исследователи феномена “холодной войны” делятся на “правоверных”, обвиняющих в ее развязывании Советский Союз, и “ревизионистов” 60–70-х годов прошлого века, считавших основным ее виновником США[3].

Самый сильный для неосведомленного читателя, – аргумент Дейча – отсутствие, или незнание им “первоисточника” появления этого документа.

Откроем, однако, и эту тайну, содержащуюся в “Записках начальника нелегальной разведки” генерал-майора Ю.И.Дроздова[4], хотя он упоминался и в более ранних газетных публикациях.

Что ж делать – организованные “утечки информации” – один ив известных и широко распространенных приемов политической и дипломатической борьбы.

Действительно, в тексте книги Ю.Дроздова нет ссылки на “первоисточник” его осведомленности. Но не будем задавать неуместных вопросов бывшему резиденту КГБ в Нью-Йорке.

В конце концов, никто же не спрашивал Аллена Даллеса, откуда он получил текст “секретного” доклада Н.С.Хрущева XX съезду КПСС.

Сам, директор ЦРУ позднее писал: “Я всегда рассматривал это дело как одну из самых крупных разведывательных операций за время моей службы в разведке.

Поскольку доклад был полностью опубликован госдепартаментом, добывание его текста было также одним из тех немногих подвигов, о которых можно было сказать открыто, лишь бы источники и методы приобретении документа продолжали оставаться тайной”.

Прежде чем поставить точку в этой истории, обратимся, к третьему и четвертому из

сформулированных вопросов экспертизы. А именно: есть ли свидетельства идентичности содержания документа взглядам самого Аллен Даллеса и реализовался ли он на практике?

Для этого в свидетели вызываются... Аллен Даллес и его заместитель в ЦРУ Рэй Клайн.

Для этого используем книгу Даллеса “ЦРУ против КГБ: Искусство шпионажа”[5].

В специальной главе “Разведка в “холодной войне” Даллес писал в 1963 г., что главным ее орудием является разложение населения стран противника. “Неудачи, которые потерпели коммунисты, произошли не в последнюю очередь в результате применения специальных средств разведки и не только нашей, но и наших друзей и союзников”. Далее Даллес подробно описывает то, что получило в дальнейшем название “экспорта контрреволюций”.

Обратимся к заключительным строкам указанной главы сочинения Аллена Даллеса: “Стратегия и тактика государства... должны определяться дальнозоркой политикой, учитывающей, в первую очередь, коренные национальные интересы, а не абстрактные принципы, какие высокие цели они бы ни преследовали... Мы сами должны определить, когда, где и каким образом нам действовать, по возможности, вместе с другими ведущими государствами свободного мира, готовыми оказать такую поддержку...”[5].

Заместитель директора ЦРУ Р.Клайн писал: “Ученым известно, что судьбы народов формируются комплексом трудноулавливаемых социальных, психологических и бюрократических сил. Обычные люди, чья жизнь – к худу ли, к добру ли, – зависит от игры этих сил, редко понимают это, разве что смутно и весьма поверхностно. Одной из таких сил – с начала 40-х годов стала разведка...

При Трумэне Совет национальной безопасности в декабре 1947 г. возложил на ЦРУ проведение тайных операций и акций психологической войны, хотя этой задачи ЦРУ и не было указано в законе о его образовании, принятом двумя месяцами ранее.

В мае 1948 г. для проведения тайных операций в ЦРУ создается Управление координации политики (УКП).

Интересная деталь: если в 1949 г. в УКП были 302 сотрудника, то в 1952 г. 2812 чел. трудились только в его вашингтонской штаб-квартире, не считая 3142 сотрудников, работавших за границей.

Бюджет УКП увеличился с 5 млн. долл. в 1949 г. до 82 млн. долл. в 1952 г., поглощая львиную долю средств, ассигновывавшихся для работы ЦРУ.

К февралю 1953 г., подчеркивает Клайн, “ЦРУ располагало материальными ресурсами и прочими возможностями для реализации большей части планов, вынашивавшихся Даллесом задолго до этого”[6].

Дейч бездоказательно категоричен в своем выводе. Мы не навязываем читателю своего мнения, предоставляя ему самостоятельно делать выводы и умозаключения на основании предоставленной и проверяемой информации.

Так что для утверждения о том, что “фальшивка” разоблачена”, время еще не пришло.

Хотелось бы также высказать мнение и о том, какие исторические фонды могли бы поставить окончательную точку в дискуссии о “плане Даллеса” для СССР.

В нашей стране – это Архив президентов Российской Федерации, где, как известно, отдельным фондом помещена “Особая папка” И.В.Сталина.

В США – это, помимо архива Конгресса США и его библиотеки, Архив национальной безопасности и архив Центра по изучению истории “холодной войны” при университете им. Вудро Вильсона.

Целью деятельности последнего является исследование и раскрытие на основании архивных документов и сравнительных исследований подлинной подоплеки и содержания тех или иных событий этой эпохи всемирной истории. В рамках этого международного проекта, в частности, издается одноименный периодический журнал.

И делается это, надо полагать, не только из “любви” к исторической истине, но и с определенным прицелом на будущее.

Хотя, как показывает история, это и не исключает повторного наступления США “на

те же самые грабли”. Как это было, например, с интервенцией 2003 г. США в Ираке.

В России же, насколько нам известно, аналогичных исследований не проводится. И вряд ли это является оправданным.

В заключение остается только выразить недоумение и сожаление по поводу того, что редакция “Московского комсомольца”, гордящегося своей многотиражностью, не пожелала, в духе “демократии и свободы слова”, опубликовать настоящую точку зрения, не разделяющую сомнительные “доказательства” М.М.Дейча.

Примечания

[1] Московский комсомолец. 2005. 20 января.

[2] Сталин и космополитизм. 1945–1953 гг. Документы Агитпропа ЦК ВКП(б). М., 2005. С. 110–116, 140–142, 144.

[3] Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX в. М., 2001. С. 597.

[4] Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Русский биографический институт, 1999. С. 24–25.

[5] Даллес А. ЦРУ против КГБ: Искусство шпионажа. М.: Центр-полиграф, 2000. С. 357, 373–375, 381.

[6] Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. N.-Y.: Liberty Publishing House, 1988. P. 15, 166, 186.

[*] В разведке Даллес не был новичком – работать в ней он начал еще в 1915 г. и прослужил на европейском театре военных действий четыре года.

ЕЩЕ РАЗ О “ПАКТЕ РИББЕНТРОПА–МОЛОТОВА”

В.Сидак,
Действительный государственный советник
Российской Федерации 3 класса

В мае 2005 г. вся страна отметила 60-летие священного для всех наших соотечественников Праздника Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Это знаменательное событие в истории России, в истории объединенных наций, общими усилиями одолевших фашизм и построивших новую систему международных отношений, стало важной ступенью в консолидации усилий всех людей доброй воли по сохранению мира на Земле. Итоги празднования 60-летия Великой Победы показали, что ответственные политики большинства государств планеты стремятся извлекать полезные уроки из прошлого и совместно идти в направлении более осмысленного, более разумного развития человеческой цивилизации.

К этой дате активно готовились и недруги России. Они пытались сделать все от них зависящее, чтобы юбилей стал последним памятным событием в истории нашей страны, последним напоминанием о мужестве ветеранов-фронтовиков и доблести тружеников тыла, проявленных ими в военные годы. Они стремились вытравить законное чувство гордости наследников Великой Победы у нынешних защитников Отечества, у подрастающего поколения россиян. Острием своих антироссийских атак они избрали так называемый пакт Риббентропа-Молотова, точнее, секретный дополнительный протокол к этому важнейшему внешнеполитическому документу XX столетия.

В сентябре 1999 г. в связи с 60-летием начала Второй мировой войны мне довелось весьма основательно погрузиться в данную проблему – главным образом под углом зрения анализа итогов работы Комиссии съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке германо-советского договора о ненападении, к которой мне довелось иметь самое непосредственное отношение.

К сожалению, ни В.Т.Третьяков из редакции “Независимой газеты”, ни В.В.Чикин из редакции “Советской России”, которым я направлял текст своей статьи, интереса к ней не проявили.

Статья увидела свет лишь в середине 2000 г. в журнале “Кто есть кто в России” под названием “Секреты секретного протокола”[1].

Следует откровенно признать, что момент для публикации оказался неудачным.

К тому времени развернувшаяся на страницах “Независимой газеты” острая полемика двух видных исследователей советско-германских отношений довоенного периода Олега Ржешевского и Льва Гинцберга уже угасла[2]. Поэтому моя статья осталась практически незамеченной широким читателем. Тем более, что в ней я лишь обозначил, что называется “информацию к размышлению”, а практические выводы предоставил сделать депутатам Государственной Думы, которым, собственно, и была адресована эта публикация.

Если бы в преддверии 60-летнего юбилея Победы не была развернута предельно наглая и явно кем-то оркестрованная кампании лжи и подтасовок вокруг трагических страниц отечественной истории, я, пожалуй, вряд ли бы вновь “ринулся в бой” по поводу трактовки столь серьезных и весьма неоднозначных исторических документов, коими являются советско-германские договоренности августа-сентября 1939 г. Не моя это профессия, не мое призвание. Однако в сложившейся ситуации я считал своим долгом публично осветить сохранившиеся в моей памяти, как бывшего руководителя Секретариата КГБ СССР, обстоятельства весьма упорного и целенаправленного выискивания “демократами” во время пресловутой “перестройки” все новых и новых порций “компромата” на И.В.Сталина и его ближайших сподвижников, в том числе поиска документов, так или иначе связанных с “секретным протоколом к пакту Риббентропа–

Молотова”. Это и стало причиной публикации в мае 2005 г. моей беседы с политическим обозревателем газеты “Правда” В.В.Трушковым[3].

Кропотливый анализ ставших мне доступными для исследования материалов дает основание сомневаться в подлинности, аутентичности секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, других секретных советско-германских документов, обнаруженных в 1992 г. в архиве ЦК КПСС и опубликованных в 1993 г. в журнале “Новая и новейшая история”[4]. Поскольку в искренности свидетельств А.И.Лукьянова и В.И.Болдина[5], державших, что называется, эти материалы в своих руках в период их работы на посту заведующего Общим отделом ЦК КПСС, сомневаться не приходится, остается лишь предположить следующую гипотезу. Данные “подлинники” были кем-то изготовлены с текстов фотокопий хорошо известной историкам коллекции Карла фон Леша[6] (скорее всего, какими-то ярыми антисталинистами в 50-х годах, во времена хрущевской массированной перетряски довоенных архивов, когда, по свидетельствам очевидцев, “по указке сверху” было уничтожено свыше 15 тыс. единиц секретной архивной документации) и помещены “до нужных времен” в “Особую папку” VI сектора Общего отдела ЦК КПСС.

Подобных “мин замедленного действия” заложено, по моим наблюдениям, в российских архивах немало, и когда они будут взорваны, одному Богу известно.

“Рванула” же несуществовавшая речь Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 августа 1939 г. (якобы хранившаяся в документах бывшего Особого архива СССР)[7].

Или пресловутая “записка Юровского в ЦК партии”, якобы руководствуясь которой “археологи-любители” (местный краевед А.Авдонин и самозванный “помощник” министра внутренних дел СССР Н.А.Щелокова Г.Рябов) в нужный момент вырыли на старой коптяковской дороге под Екатеринбургом останки последнего российского царя Николая II и членов его семьи, и длительное время хранили их у себя дома в ванной комнате[8].

Или “дневники Бормана с 1 января по 1 мая 1945 года”, которые якобы до 1991 г. хранились в “советских спецхранах” и которыми сегодня почему-то вовсю торгует израильский журналист Исраэль Шамир[9].

А ведь покоятся еще где-то в уральской земле два металлических чемодана с “секретным архивом ЦК” и ленинскими документами, о существовании которых один из руководителей Секретариата ЦК Е.Д.Стасова, будучи уже почти в девяностолетнем возрасте, почему-то сочла необходимым “предупредить” работников Института марксизма-ленинизма лишь в начале 60-х годов прошлого века[10].

Что в этих чемоданах находится – остается лишь гадать.

Но ведь кто-то когда-то непременно добудет, что называется, из-под земли этот таинственный “секретный ленинский архив”: какой-нибудь всезнайка вроде кинодраматурга Г.Рябова или писателя Э.Радзинского…

Впрочем, отсылаю читателей, проявляющих повышенный интерес к проблеме подлинности документов, хранящихся в отечественных архивах, к авторитетному суждению руководителя Федерального архивного агентства, члена-корреспондента РАН В.П.Козлова[11].

Приводить все доводы, которые постепенно, шаг за шагом подвели меня к выводу о сомнительной “подлинности” опубликованных в открытой печати текстов секретных дополнительных протоколов к пакту Риббентропа–Молотова, считаю для данной публикации излишним. Укажу лишь, что в фотокопии русского текста секретного дополнительного протокола из коллекции фон Леша, с 1958 г. хранящейся в Политическом архиве МИД ФРГ, трижды упоминается словосочетание “обоими сторонами” (что отчетливо видно на публиковавшихся в американской и английской печати фотоснимках), а также в текстах, воспроизведенных Историко-дипломатическим управлением МИД СССР по копиям из архивов ФРГ[12]. В хранящемся же в Архиве Президента РФ тексте “подлинника” и в тексте машинописной копии, хранящейся сейчас в Архиве внешней политики РФ, используется словосочетание “обеими сторонами”[13, 14].

Случайность ошибки по небрежности машинистки или наборщика типографии я, не

навязывая никому собственное мнение, исключаю практически полностью. Кстати, в официальном тексте самого Договора о ненападении между Германией и СССР также используется словосочетание “обеими сторонами” (ст. III договора)[15].

Может ли быть так, чтобы в двух внешнеполитических документах, которые и в смысловом, и в правовом плане составляют единое целое, использовались различные лингвистические обороты? На мой взгляд – нет.

В заверенных же работником аппарата Совнаркома СССР В.Паниным машинописных копиях, якобы “случайно” обнаруженных в архивах МИД СССР в 1989 г., совершенно иной перенос слов, другие машинописные интервалы, имеются различия в написании названий географических объектов, а также отсутствует ряд характерных для немецкой копии деталей[16].

Хочу напомнить, что истинная копия документа того периода – это всего лишь еще один экземпляр оригинала, исполненный на одной и той же пишущей машинке (“под копирку”). Поэтому все машинописные особенности оригинала (а не только шрифты пишущей машинки) непременно должны сохраниться и в его копии, чего мы в данном случае не наблюдаем. О таких “пустяках”, как подпись В.М.Молотова не то кириллицей, не то латиницей на одном из документов, я уже и не упоминаю[12].

Кроме этих трудно объяснимых с точки зрения порядка составления и подписания важных внешнеполитических документов обстоятельств, имеется масса других несоответствий по одним и тем же текстам секретных приложений, опубликованным в различных изданиях.

Например, в № 1 журнала “Новая и новейшая история” за 1993 г., помещая интересующие нас материалы, его редакция указывала, что “официальные советские тексты документов... публикуются впервые. Тексты воспроизводятся по оригиналам на русском и немецком языках”[13].

Но что это за официальная публикация, в которой, например, указывается, что секретный дополнительный протокол об изменении советско-германского соглашения от 23 августа относительно сфер интересов Германии и СССР подписан Молотовым и Риббентропом... 28 сентября 1993 года[13]?

Что это за непонятные ссылки на “Министерство Иностранных Дел Союза ССР” в документах, датированных 1939 г., когда, как известно, существовали не министерства, а наркоматы[13]?

Почему в немецких текстах документов фамилия В.М.Молотова пишется то “W.Molotow”, то “W.Molotov”[13]?

Почему в “подлиннике” доверительного протокола от 28 сентября 1939 г. на русском языке написано “за Германское Правительство”, тогда как в копии из архивов ФРГ указано: “за Правительство Германии”[13]?

В оригинале секретного дополнительного протокола от 28 сентября 1939 г. есть лишь дата подписания документа, а в копии – еще и место заключения договора – Москва...[13].

Идеолог горбачевской перестройки А.Н.Яковлев вешал народным депутатам СССР лапшу на уши, когда утверждал, что “графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его существования и подписания”[17]. Ничего они не подтверждают!

Любой грамотный юрист, любой эксперт-криминалист тотчас предметно и убедительно докажет, что достоверность документа по копии (тем более по некачественной негативной фотокопии!) установить нельзя. Подобные виды экспертных исследований проводятся исключительно по оригиналам документов: только они имеют доказательную силу в суде и иных юридических инстанциях. В противном случае многие из нынешних казнокрадов уже давно сидели бы не в своих уютных кабинетах, а в тюремных камерах.

В свое время я неоднократно, но, к сожалению, безуспешно пытался взглянуть на эти материалы, коль скоро их рассекретили. Прибегал к помощи депутатов Государственной Думы, высокопоставленных российских чиновников – безрезультатно… Могу лишь

добавить, что мне достоверно известно следующее: когда МИД России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали… Ну, правильно, все к тому же журналу “Новая и новейшая история”. К чему, спрашивается, эта загадочная таинственность вокруг преданных огласке материалов, которых в “живом виде” никто, кроме архивистов и бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, не видел?[18].

Думается, пора кончать кормить общество разными суррогатами исторической правды – мемуарами каких-то переводчиков, охранников, водителей, близких и дальних родственников великих людей прошлого.

Чушь они несут, вроде той, что бывший шеф гестапо Мюллер после войны трудился в спецлагере на Урале[19], а Рауля Валленберга видели в 50-х годах во Владимирском централе …[20].

Лично мне для постижения истины не нужны ни писательские изыскания В.В.Карпова (которого, впрочем, я глубоко уважаю и за его талантливые книги, и за достойно прожитую жизнь), ни откровенное паразитирование на малоизвестных эпизодах истории публицистов вроде Л.Безыменского, Л.Млечина или Ю.Фельштинского, ни мемуары М.Горбачева, Э.Шеварднадзе, А.Яковлева, В.Фалина, В.Болдина[21] или кого бы то ни было.

Вопрос серьезный, поэтому давайте работать только с первоисточниками.

Скажу прямо: такие наиболее ходовые среди западных исследователей издания, как “Британская голубая книга войны”, “Французская желтая книга”, издания Госдепартамента США (1948 и 1949–1964 гг.) под названием соответственно “Нацистско-советские отношения: документы из архивов германского МИД” и “Документы германской внешней политики 1918–1945 гг.: из архивов германского МИД” или, к примеру, документы “Авалонского проекта школы права Йельского университета”[22], считать первоисточниками по пакту Риббентропа-Молотова, по моему мнению, нельзя.

Когда один и тот же дипломатический документ (Договор о ненападении) по тексту переводится тремя разными терминами (Pact, Treaty, Agreement), это говорит, как минимум, о непрофессиональном переводе[23].

Что это, за “официальный перевод” секретного дополнительного протокола, в котором отсутствует целый абзац преамбулы, а в тексте Договора о ненападении искажена ст. IV[24]?

Принимать же в качестве первоисточника популярное у польских исследователей лондонское издание “Дневников и карт” бывшего заместителя министра иностранных дел Польши Яна Шембека[25] просто несерьезно по целому ряду причин.

Кстати, не стоит забывать и о том, что американская газета “Сент Луис пост диспетч”, впервые опубликовавшая в мае 1946 г. текст “секретного протокола к пакту Молотова–Риббентропа”, официально входит в пропагандистские структуры, контролируемые Всемирной сионистской организацией, а к тому времени уже появились первые признаки развертывания в нашей стране новой широкомасштабной кампании по борьбе с теми, кого в начале 50-х годов в советской печати величали не иначе, как “безродные космополиты”…

Почему я столь подробно останавливаюсь на перечислении этих публикаций?

Да хотя бы по той причине, что, в значительной мере, именно на них построен фундаментальный труд ассистента Уральского государственного университета им. Горького А.А.Пронина под названием “Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия”[26].

Работа была выполнена для финансируемого Институтом “Открытое общество” (Фонд Сороса, грант № BE934”) “Международного исторического журнала”. Приказом министра общего и профессионального образования РФ В.Г.Кинелева это исследование в 1997 г. было удостоено медали “За лучшую научную студенческую работу”, оно помещено в Интернете.

За что министр в тот период дал столь почетную награду уральскому исследователю А.Пронину, ныне кандидату исторических наук (кстати, специализирующемуся на проблеме участия евреев в культуре России)[27]? Наверное, за игру в поддавки с небезызвестным Суворовым-Резуном, автором “Ледокола” и “Дня М”.

В чем, на мой взгляд, заключается главная ошибка подавляющего большинства

добросовестных исследователей советско-германских соглашений августа-сентября 1939 г.? Они героически, но явно бесполезно с точки зрения эффективности воздействия приводимой ими аргументации на массовое сознание, пытаются со строго научных позиций доказать неизбежность вынужденного шага советского политического руководства того периода.

Так, М.И.Семиряга, Р.А.Мюллерсон, О.В.Вишлев, В.Роговин, А.Талалаев, Н.Шепова и многие другие авторы[28] искренне стремятся с фактами в руках продемонстрировать своим коллегам и общественности традиционный для той бурной эпохи характер внешнеполитических документов, заключенных между советским государством и фашистской Германией.

Другие, как, например, И.Пыхалов на страницах журнала “Спецназ России”, вообще ставят вопрос ребром: а нужно ли нам вообще стыдиться пакта Молотова-Риббентропа, коль скоро был Мюнхенский сговор западных держав, а Польша приняла участие в разделе Чехословакии[29]?

Все они не могут или не хотят признать как непреложный факт, что отдельным западным странам, их специальным службам, а также падкой на сенсации желтой прессе историческая правда, ее конкретные детали не нужны. Нужно лишь еще одно публичное унижение нашей страны, развенчание определяющей роли Советского Союза в достижении победы над фашизмом.

Советской внешней разведкой были добыты, причем неоднократно, документальные свидетельства того, что более 30 лет назад США и рядом других стран НАТО была поставлена и с тех пор небезуспешно реализуется задача ревизии итогов Второй мировой войны и признания Советского Союза государством-агрессором, “подлинным инициатором” ее развязывания, по крайней мере, – активным пособником Гитлера в реализации его экспансионистских планов и устремлений в Европе и мире. Козырной картой при этом являлся секретный протокол к пакту Молотова–Риббентропа.

Поэтому, когда на пропагандистской сцене начали мелькать персонажи вроде Суворова-Резуна с его “ледокольными” опусами, стало очевидным, что кампания активных мероприятий западных разведок будет набирать все новые обороты. И хотя научное сообщество в России, в Германии, других европейских странах сочло для себя неприличным, ниже собственного достоинства ввязываться в полемику с этим провокатором на услужении у британских спецслужб (сошлюсь, к примеру, на статью научного сотрудника Федерального военного архива ФРГ д-ра Г.Юбершера[30]), тем не менее книги Суворова, пронизанные ложью и ненавистью к своей родине, стали не без успеха популяризироваться в обывательской среде, в том числе и в государствах, образовавшихся на постсоветской территории. Для чего все это делается – тема отдельного разговора.

Пока же зафиксируем очевидный факт: осуществление планов и замыслов тридцатилетней давности для Запада идет успешно.

Для иллюстрации процитирую высказывание генерального секретаря НАТО Дж.Робертсона от 14 декабря 2002 г.: “Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул пакт Риббентропа–Молотова и Ялтинские соглашения”[31].

Ошибка вторая. В своем стремлении “привести в чувство” зарвавшихся политиков прибалтийских стран (в том числе по крайне актуальной сегодня калининградской проблеме) некоторые российские депутаты[32] (Д.О.Рогозин, В.И.Алкснис, Н.А.Нарочницная и др.) пытаются “извлечь пользу” из факта признания Съездом народных депутатов СССР советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему юридически несостоятельными и недействительным с момента подписания. Давайте, дескать, признаем свою “неправоту” в вопросе заключения пакта с Германией, а Литва пусть покрутится, как уж на сковородке, с проблемой ранее входившей в состав Польши Виленской области, равно как и по поводу территориальной принадлежности других полученных в результате пребывания в составе СССР территорий.

Легковесность и самой идеи, и приводимой при этом аргументации очевидны.

Доведенная до абсурда идея “единоличного правопреемства” России от СССР, с пропагандой которой выступает ряд патриотично настроенных российских политиков, неизбежно заводит в тупик. Любому мало-мальски грамотному специалисту в области международного права понятен и не подлежит сомнению тот факт, что правопреемниками Советского Союза являются все без исключения бывшие союзные республики СССР, ныне – суверенные и независимые государства. Ибо они являются историческими правопреемниками и реальными правообладателями важнейшего атрибута государственного суверенитета – территории государства, на которой осуществляется вся полнота власти, все его верховенство во внутренних делах.

Строго говоря, призывать к акциям “публичного покаяния и осуждения пакта Молотова–Риббентропа”, как к этому призывали накануне юбилея Победы советник президента США по национальной безопасности Стивен Хедли[33] и руководители стран Балтии, нужно сегодня не Россию. Не она владеет территориями, отошедшими к Советскому Союзу в результате “преступного сговора двух тоталитарных хищников”.

И если руководство прибалтийских государств, Украины, Молдовы и Белоруссии сочтет для себя необходимым и возможным встать на этот скользкий путь, ведущий в историческую пропасть, оно, по крайней мере, обязано перед народами своих стран сделать это осознанно и ответственно. Опираясь, в частности, не на досужие домыслы фальсификаторов истории, а на рассекреченные документы из российских архивов, аутентичность которых установлена достоверно и не подлежит сомнению.

Не знаю, как сейчас, но в 80-е годы прошлого столетия ФРГ (как исторический правопреемник гитлеровской Германии) уклонялась от признания подлинности находившихся к тому времени в германских архивах фотокопий секретных приложений к советско-германским соглашениям.

Это обстоятельство, кстати, зафиксировано в секретной дипломатической переписке того периода. “Спецпосланнику Горбачева–Яковлева” журналисту Л.Безыменскому было бы полезным иметь это в виду, прежде чем живописать подробности своей миссии в Бонн в середине 1989 г.

Доморощенные российские демократы в своем стремлении окончательно “прищучить сторонников тоталитаризма” не без умысла валят все в одну историческую кучу. Для них все документы того периода это “пакт Риббентропа–Молотова” и Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., и германо-советский Договор о дружбе и границе от 28 сентября того же года, и прилагаемые к ним протоколы, карты, прочие приложения. Истинное предназначение этого блефа очевидно.

Так, на II Съезде народных депутатов СССР А.Н.Яковлев сломал упорство не шибко грамотных нардепов, сунув им в нос в качестве “важнейшего вещественного доказательства” существования “секретного дополнительного протокола к пакту Риббентропа–Молотова” якобы случайно обнаруженную в архиве карту разграничения новой границы с личными (!) автографами И.В.Сталина и И.Риббентропа[17].

На деле эта карта дипломатам и историкам давно и хорошо известна как составная и неотъемлемая часть подписанного в сентябре 1939 г. Договора о дружбе и границе между Германией и СССР. Она была официально опубликована в газете “Правда” в том же уже далеком 1939 г. и никто из нее никогда и никакого секрета не делал[34].

Казалось бы, ну чего стоят подобные “свидетельства”, равно как и воспоминания открыто и скрыто ненавидевших И.В.Сталина некоторых его современников и продолжающих ненавидеть “кремлевского тирана” их потомков? А ведь действуют же их россказни на простодушную публику. Так же, как и вымыслы о графологической экспертизе текстов документов и подписи В.М.Молотова, якобы проведенной сотрудниками МУР в пику специалистам научно-исследовательского института КГБ, действительно отказавшимся, несмотря на давление председателя Комиссии Съезда народных депутатов СССР А.Н.Яковлева, признать достоверность материалов по фотокопиям.

К сожалению, не вняли, в своей массе, народные депутаты СССР страстному призыву к разуму своего коллеги В.С.Образа17 и 1435 голосами “за” при 251 “против” и 266

“воздержавшихся” приняли Постановление Съезда “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года”. Между прочим, депутат В.И.Алкснис также поддержал это постановление, вместе с М.С.Горбачевым, Б.Н.Ельциным и А.Н.Яковлевым[17]…

При всем моем достаточно сдержанном отношении к внуку В.М.Молотова – политологу В.Никонову (которого помню, главным образом, в роли правой руки бездарного разрушителя КГБ СССР В.Бакатина), работая над данной статьей, мне довелось познакомиться с текстом его интервью “Независимому военному обозрению” (август 1999 г.)[35]. В нем он прямо высказывает обоснованные сомнения в подлинности секретных протоколов, ссылаясь как на материалы Ф.Чуева[36], так и на свои собственные беседы с дедом. Я искренне порадовался тому, что есть еще в родном Отечестве люди с критичным складом мышления, которые не повторяют бездумно некоторые голословные утверждения бывших “властителей наших дум”, а пытаются дойти до истины сами – свои умом, своими знаниями, своим опытом.

И последняя ремарка, адресованная лично В.И.Болдину[37]. Для того, чтобы показать общественности, что М.С.Горбачев лицемер и лгун, излишним было расписывать в цвете леденящую душу “демократов” историю с докладом генсеку КПСС подлинников секретных протоколов.

Кто такой Горбачев как политик и как человек – каждый из нас уже давно для себя решил.

А вот говорить о том, что в Общем отделе ЦК КПСС царил идеальный порядок, все было, как говорится, учтено и разложено по полочкам, я бы на месте автора статьи постеснялся.

Свидетельствую: большая часть материалов, направлявшихся в Общий отдел из КГБ СССР и требовавших решения Генерального секретаря ЦК КПСС или, впоследствии, Президента СССР, возвращалась с короткой и невнятной для организации исполнения пометкой “М.С.Горбачеву доложено. В.Болдин”.

Это, что ли, порядок в обращении с важнейшими государственными документами?

Зачем же после этого на Горбачева пенять за его “сверхбдительность” и “суперосторожность”, если при докладе через его канцелярию важнейшее государственное ведомство не могло получить внятной резолюции руководителя страны? Ни И.В.Сталин, ни Л.И.Брежнев, ни Ю.В.Андропов так не поступали, о чем говорят их толковые, компетентные личные суждения по внесенным на рассмотрение политического руководства страны проблемам.

Закончить статью хотел бы следующей мыслью: пора, на мой взгляд, ставить жирную точку в этой загадочной истории с “секретными” протоколами.

Если они есть – публикуйте их в строгом соответствии с определенным Федеральным законом порядком опубликования внешнеполитических актов Российского государства и несите при этом всю полноту ответственности за этот шаг перед народом и историей. Если же есть сомнения, а их более чем достаточно, нужно привлечь коллективный авторитет депутатов российского парламента и опыт специалистов различного профиля для определения подлинности содержащихся в Президентском архиве материалов и выяснения всех обстоятельств, связанных с их появлением на свет.

Примечание

[1] Сидак В. Секреты секретного протокола // Кто есть кто в России. 2000. № 1.

[2] Независимая газета. 1999. 20 августа; 1999. 03 сентября.

[3] Фальшивка со стажем // Правда. 2005. 13–16 мая. № 50 (28811).

[4] Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89–94.

[5] Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету Горбачева. М., 1995. Н.Гарифуллина. Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин “уточняет” А.Яковлева и М.Горбачева // Советская Россия. 1993. 11 марта.

[6] Von Loesch Documents (GFM 35/318-358). http://www.catalogue.nationalarchives.gov.uk.

[7] Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1.

[8] Московские новости. 1989. 23 марта; Гильбо Е. Тайна гибели царской семьи. 2004. 18 августа. http:/www.lsg.ru.

[9] Слово. 1998. 25 сентября. № 38(305) (Цит. по: http://www.paco.net/odessa/media/word).

[10] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 томах. М.: Политиздат, 1984. Т. 2. С. 450–451.

[11] Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

[12] German Foreign Office Collections. National Archives. T-120, faximile F19 184, F 110050 (Цит. по: The Molotov–Ribbentrop Pact: The Documents 1 в Lithuanian Quarterly al of Arts and Sciences; Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939 года) // Международная жизнь. 1989. Сентябрь. С. 91–92.

[13]Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 84, 89–93.

[14] АВП РФ. Ф. 06, оп.1, п. 8, д.77. Л. 1–2 // Сб. “Год кризиса…”. Т. 2. С. 321.

[15] Известия. 1939. 24 августа; Документы внешней политики СССР 1939. Т. XXII. В 2-х кн. Кн. 1, январь-август. М.: Международные отношения. 1992. Док. 484.

[16] Вновь о договоре 1939 года. Интервью “Известиям” первого заместителя министра иностранных дел СССР А.Г.Ковалева // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 4(62). С. 56–63.

[17] Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Т. IV. С. 379–380.

[18] Новые и старые герои Великой Отечественной войны // http://radiomayak.ru

[19] http://www.sovsekretno.ru/1999/03/4.html.

[20] Sjogvist E. Raoul Wallenberg. Stockholm, 1985. S.100–101 (Цит. по: М.Тиссель. Рауль Валленберг – герой и жертва // http://liber.rsuh.ru); Шифрин А. Похищение и поиски Р.Валленберга.

[21] Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира. http://biblioteka.agava.ru; Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. http://militera.lib.ru/research; Безыменский Л. Так зачем же был нужен Сталину пакт с Гитлером? // Новое время. 1966. № 46; Особая папка. Ведущий Л.Млечин // ТВЦ. 2005. 27 апреля; Л.Млечин. Судьба Германии. ТВЦ. 2004. 12 апреля; Млечин Л. Наша история состоит из мифов // Русский Курьер. 2005. 24 марта; Фельштинский Ю.Г. Оглашению подлежит: СССР–Германия 1939–1941 (Документы и материалы). М.: Московский рабочий, 1991; Фалин В.М. Конфликты в Кремле. М., 1999. С. 94–115.

[22] The British War Blue Book. Miscellaneous No. 9 (1939); The French Yellow Book. Diplomatic documents (1938–1939); Sontag R.J., Beddie J.S. ed. Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, D.C., 1948; Sweets R.R. et.ed. Documents on German Foreign Policy 1918–1945: From the Archives of the German Foreign Ministry. Washington, Dept. of State, 1949–1964. Series D. Vol. VIII, IX; The Avalon Project: Nazi-Soviet Relations 1939-1941: Treaty of Nonaggression between Germany and the Union of Soviet Socialist Republics. http://www.yale.edu/lawweb/avalon.

[23] German-Soviet Non-Aggression Pact. (Цит по: /http://www.assumption.edu/dept/history).

[24] Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, D.C., 1948. P. 78, 93. Цит. по: http://www.geocities.com и http://www.ibiblio.org. Аналогичный текст приводится в публикациях английского перевода копий из коллекции К. фон Леша (Frames 0048–0050, serial F11, Frames 182–183, serial F19).

[25] Szembek J. Diariusz I Teki. L.: Polish Research Centre, 1972. IV. 752–760 as provided by the British Foreign and Commonwealth Office Library.

[26] Пронин А.А. Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия // Международный исторический журнал. 2000. № 11; Пронин А.А. Советско-германский договор о ненападении // Международный исторический журнал. 2002. № 20.

[27] Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии. Евреи // Международный исторический журнал. № 16; http://www.history.machaon.ru.

[28] Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии.1939–1941. М.: Высшая школа, 1992; Семиряга М.И. Советско-германские договоренности в 1939 – июне 1941 гг. : взгляд историка // Советское государство и право. 1989. № 9; Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Советское государство и право. 1989. № 9; Материалы “круглого стола” в газете “Правда” на тему “Страницы истории: Вторая мировая война – истоки и выводы” // Правда. 1989. 11 августа. № 223; Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001; Вишлев О.В. Еще раз об оценке советско-германского договора о ненападении, секретных дополнительных протоколов и характера отношений между СССР и гитлеровской Германией // http://militera.lib.ru; Рого- вин В. Секретный протокол. Мировая революция и мировая война // http://trst.narod.ru; Талалаев А.Н. Пакт о ненападении и международное право // Право и политика. Международный научный журнал. 2001. № 1; Шепова Н. Пакт Молотова–Риббентропа. Дипломатический успех, трагическая ошибка или сговор? // ВПК. 2004. 01–07 сентября. № 33 (50).

[29] Пыхалов И. Надо ли стыдиться пакта Молотова–Риббентропа? // Спецназ России. 2004. № 10(97).

[30] Юбершер Г. 22 июня 1941 г. в современной историографии ФРГ. К вопросу о “превентивной” войне // Новая и новейшая история. 1999. № 6.

[31] Робертсон Дж. Партнерство России и НАТО – революция // РИА-Новости. 2002. 14 декабря.

[32] http://www.rusngo.ru/news. 18.06.2002; Литва должна отдать земли Польше и Белоруссии http://www.stringer-news.ru. 26.05.2005. http://www.nato.sitecity.ru; Нарочницкая Н. Независимость Прибалтики: вопрос остается вопросом. История и факты территориального передела. Аналитическое обозрение (Цит. по: http://pravoslavie.ru/analit).

[33] Российские политики удивлены предложением США денонсировать пакт Молотова-Риббентропа // http://www.newsru.com/arch/05may/2005.

[34] Правда. 1939. 23 сентября.

[35] Тайны второй мировой. Интервью недели // Независимое военное обозрение. 1999. 27 августа; Никонов В. Для меня Молотов был не членом Политбюро, а просто дедом. Интервью В.Нузова // http://www.vestnik.com.

[36] Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс. 1999. С. 25–29.

[37] Болдин В.И. Над пропастью во лжи. Политический театр Горбачева // Совершенно секретно. 1999. № 3.

КАК УБЕРЕЧЬ РОССИЮ?

Е.Рачин,
доктор философских наук, профессор

Книга известного российского экономиста Валентина Федорова “Россия: внутренние и внешние опасности”. привлекает внимание уже тем, что она в течение двух лет выдержала два издания – случай для нынешних времен редкий.

В книге речь идет об очень важных проблемах, от решения которых зависит будущее России. Автор не задает традиционного вопроса: “Кто виноват?” Ответ на него не так сложен.

Актуальнее выяснить, в каком положении находится сейчас Россия?

Как мы дошли до жизни такой?

Что мешает развитию страны и как преодолеть эти препятствия?

Показателем бедственного положения Федоров считает даже не низкий уровень жизни, а два появившихся уже в постперестроечную эпоху явления: вымирание народа и скрытый захват территории России иностранными гражданами, приезжающими на заработки.

Статистические данные ООН свидетельствуют о том, что при сохранении темпов идущей в России с 1992 г. естественной убыли населения (примерно на 750 тыс. чел. в год) к 2050 г. в ней останется 104,3 млн. чел., в то время как население планеты вырастет с 6,3 млрд. в 2002 г. до 9,3 млрд. чел. в 2050 г. Соответственно упадет и доля России в общей численности населения мира – с 2,3% в 2002 г. до 1,1% в 2050 г.

Автор критикует позицию официальных государственных органов России. В принятой правительством в 2001 г. Концепции демографической политики Российской Федерации до 2015 г. говорится о положительных эффектах проводимой политики по увеличению средней продолжительности жизни, повышению в перспективе показателей рождаемости и снижению показателей смертности населения. Однако авторы вынуждены признать, что и после реализации Концепции “на- селение страны к 2016 г. сократится по сравнению с началом 2001 г. на 10,4 млн. чел., или на 7,2%, и составит 134,4 млн. чел.”.

Автор безусловно прав, считая неправомерными оправдания властей, ссылающихся на аналогичные демографические процессы в странах Западной Европы. Огромные пространства России требуют большого населения для освоения ее территории, тогда как Европе население нужно лишь для поддержания ее. Иммиграция в Европу идет цивилизованными путями: за счет найма иностранцев на работу. В России же, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, иммиграция, осуществляется зачастую хищнически. Так, китайцев привлекает выгодный бизнес в России: здесь не препятствуют не только безлимитной вырубке леса и хищническому лову рыбы, но и сбору лекарственных растений, и по последним сведениям, даже отлову в наших водоемах лягушек, нужных для приготовления блюд восточной кухни.

К тому же в Западной Европе – более мягкий климат, устойчивые христианские традиции, политическая стабильность. Это чаще всего вызывает уважение иностранцев и

стремление подражать европейским культурным традициям. К России же отношение иное: она большая, здесь можно хапнуть побольше и убежать. Такое отношение напоминает набеги кочевников. Только сейчас подобные набеги совершаются за счет выкачивания дешевых сырьевых ресурсов, вытеснения русского населения из сфер торговли, мелкого бизнеса, транспортных услуг и т.п. Адаптация иностранцев к жизни за счет России вовсе не в интересах России. И в этом вопросе, по мнению Федорова, Россия должна проявить твердость, не позволять себя грабить.

Заслуживает внимания и позиция Федорова, касающаяся жизни русского населения за пределами нашей страны. По его мнению, следует брать пример с тех стран Запада, которые ведут политику возвращения своих соотечественников на историческую родину. Наряду с поощрением рождаемости эта политика может привнести положительные сдвиги в укрепление российской жизни.

В книге В.П.Федорова дается анализ внутренних опасностей, представляющих угрозу для существования страны. Предельно острыми он считает этнический федерализм, угрожающий новым распадом государства, и экономическая яма, из которой страна никак не может выбраться. Автор полагает, что тяготение некоторых автономий РФ к сепаратизму расшатывает государственную целостность. Этому процессу “помогло” широкое использование в российских республиках понятия “титульная нация”. Федеративность в России создает возможность центробежных устремлений. Национальное многообразие следует сохранять для сохранения прогресса не только национальных культур, но и для прогресса общемировой культуры. Унифицированная одномерная массовая культура есть культура наднациональная. Она не имеет своего субъекта и потому не имеет и перспективы.

В книге Федорова много говорится об экономических слабостях России. Он обращает внимание на отсутствие сильных экономических мыслителей, непрофессионализм управленцев, засилье теневой экономики, неконкурентоспособность производства и др.

На вопрос: “Почему у нас нет великих экономистов?” – автор дает простой и ясный ответ: “Потому что слабая экономика не может породить сильное экономическое мышление”.

И это не потому, что русская земля бедна талантами, а потому что проблемы нашей экономики возникают на бедной и отсталой экономической почве.

Из 53 Нобелевских лауреатов по экономике (премии в этой отрасли стали вручаться с 1969 г.) только один Л.В.Канторович – россиянин. Остальные – немцы, французы, американцы и др.

По мнению Федорова, эта ситуация усугубляется и спецификой экономической науки. Экономист должен опираться на реалии жизни, на факты. Главный результат его мышления есть экономическая модель, в основе которой – экономический рост. В экономике мечты, фантазии, импровизации противопоказаны. Федоров отмечает, что в России привлечение военных, бывших председателей колхозов, бывших завлабов и других малокомпетентных лиц к управлению экономикой привело к негативным результатам.

Другой трудностью, мешающей системному возрождению хозяйственного комплекса в России, по мнению Федорова, является теневая экономика.

Если в ведущих странах мира ее масштабы оцениваются от 8 до 16% в ВВП, то в России эта доля составляет до 40%.

Тяжелая жизнь россиян заставляет их экономить на всем, обходить уплату налогов, совершать обмены услугами без оформления сделок, самим работать в сфере ремонта и услуг и т.п.

Какие же меры предлагает Валентин Федоров для преодоления трудностей в экономике России?

Ни резкое повышение заработной платы в бюджетной сфере, ни понижение налогов не приведет, по мнению автора книги, к улучшению дел – ибо возрастет внутренний спрос на товары, не подкрепленный предложением, что приведет к инфляции.

Только первоочередное развитие потребительского комплекса, без которого не

заработают ни машиностроительный, ни военно-промышленный, ни аграрно-промышленный комплексы, может сдвинуть экономику России с мертвой точки.

Потребительский комплекс окажется антиинфляционным фактором, будет стимулировать развитие всех отраслей, оживит малый и средний бизнес, снизит инфляцию, сохранит импорт первоочередных товаров и если не победит, то по крайней мере, понизит ее уровень.

Другой важной мерой для подъема экономики может стать, по мнению Федорова, опора на собственные ресурсы в виде личных денежных сбережений граждан. Соблазн привлекать в экономику сбережения граждан – или путем посулов, или путем скрытого обмана – был велик во все времена. Некритического отношения к этому явлению не смог избежать даже уважаемый экономист В.П.Федоров, ссылающийся на положительный опыт такого привлечения в Германии. По нашему же мнению, в условиях России подобное действо обернется очередным надувательством населения, Деньги возьмут, а назад вернут не сразу, да и то в меньшем объеме, свалив все на инфляцию. Население разочаровано реформами 90-х годов, напугано дефолтом – и свои деньги за здорово живешь не отдаст. Цифры о размерах денежных накоплений населения, как по пословице про “слухи о смерти”, сильно преувеличены.

Официальная статистика уверяет: на 145 млн. российских граждан приходится 133 млрд. долл. накоплений, если даже исключить почти 28 млн. детей в возрасте до 15 лет и 12,2 млн. стариков от 70 лет и старше, то окажется, что каждый работающий россиянин (включая и 25% тех, кто живет за чертой бедности) “накопил” примерно 1270 долл. сбережений.

Чтобы накопить такую сумму при среднедушевом доходе в 138 долл. в месяц, практически потребуется каждому работающему года три, если даже он не будет ни пить, ни есть.

Ясно, что подобные предложения могут вызвать только саркастическую улыбку. Но “ведущие экономисты” страны (например, Е.Ясин) в телепередачах и публикациях всерьез говорят о методах привлечения в экономику сбережений граждан, хранящихся “в чулках”. Создается впечатление, что они судят о доходах населения по зарплате депутатов, министров да банкиров, но не по зарплате среднестатистического россиянина – рабочего, учителя, врача, инженера и т.п. Практика говорит, что мечты о привлечении сбережения населения в экономику – очередной романтический миф, которым подменяют неумение государства решить проблему подъема экономики.

В конце книги Валентин Федоров говорит и о внешних опасностях для России.

Скульпторы общественного мнения Европы уверяют, что Россия представляет для нее опасность своим военным потенциалом, стихийностью в решении экономических и политических вопросов. Автор прав, говоря, что “…было бы наивно полагать, что Евросоюз готов истратить на Россию тот потенциал, который он нарабатывал для себя десятилетиями”. Боязнь европейцами России выражена и в таможенных барьерах на наши товары, и непризнанием дипломов наших специалистов, и стремлением их сохранить несбалансированную структуру экспорта и импорта нашей страны со странами Евросоюза. Такую политику Европы автор недвусмысленно называет мягкой изоляцией России. Пока мы сами не решим свои экономические проблемы, нас не будут уважать и признавать за равного партнера.

Федоров призывает также проводить твердую политику по отношению к Южно-Курильским островам, оспариваемым Японией. Передача их Японии повлечет территориальные уступки и другим странам, что, безусловно, нанесет ущерб России. Как считает Федоров, “это была бы экономическая Цусима” (С. 324).

Разноликость проблем, стоящих перед Россией (демографический спад, неконкурентоспособность экономики, непрофессионализм политиков и экономистов, психологическое неприятие России иностранными партнерами) делает задачу ее подъема весьма трудной, но все же выполнимой.

В целом книгу В.П.Федорова отличают компетентность автора при анализе важных

для нашей страны проблем, знание российской и мировой экономической мысли, стремление рассмотреть проблему с разных точек зрения, комплексность предлагаемых мероприятий и идей, хорошее знание и диалектическое понимание хитросплетений политических отношений. Семья, труд и свобода творчества – вот высшие ценности, на которые следует опираться в деле возрождения России.

Валентин Федоров. Россия: внутренние и внеш-ние опасности.
Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Огни ТД, 2005. 382 с.

РОССИЯ И КИТАЙ В XXI ВЕКЕ

М.Шмелев

В последние 20 лет большинство стран АТР смогло добиться впечатляющих темпов экономического роста. С одной стороны, это позволило нейтрализовать проблемы, связанные с социальной напряженностью, превратило эти страны в полноценных участников МГРТ, что делает их поведение предсказуемым, а с другой – развитие экономик привело к сталкиванию торговых интересов, увеличению расходов на оборону, к милитаризации региона. Это делает вопрос о безопасности в регионе весьма актуальным. Крупнейшим игроком, как по масштабам экономики, так и по потенциалу армии является Китай. Россия, хоть и не принадлежащая к числу экономических лидеров АТР, в силу определенной военной мощи и наличия большого количества полезных ископаемых также имеет определенное влияние на положение в регионе. Взаимоотношениям этих двух стран и их влиянию на обстановку в регионе и посвящена книга М.Ю.Панченко “Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР”.

В книге 4 главы, посвященных соответственно: изменению баланса сил в регионе после 1991 г., месту России в новом балансе сил, месту Китая и, наконец, собственно российско-китайским отношениям и их влиянию на безопасность в АТР.

Существенная часть первой главы отведена уточнению терминологии теории стратегического баланса сил. Уточняется значение выражения “баланс сил”. Этому выражению в отечественной политологии соответствуют два различных английских выражения с различными смыслами – “balance of forces” и “balance of power”, которые переводятся на русский как соотношение сил и равновесие (с.17).

По вполне обоснованному мнению автора, сейчас следует употреблять термин “баланс сил” именно в первом значении, так как после распада СССР о равновесии на мировой арене говорить не приходиться. Таким образом, баланс сил показывает любое соотношение между силами оппонентов, а стратегический баланс сил указывает на его комплексный характер – военный, экономический, демографический и т.д.

Соответственно, сдвиги в стратегическом балансе сил порождают изменения в системе международных отношений, лучший пример этого – современная гегемония США, зародившаяся с развалом СССР. С другой стороны, изменения в международных отношениях ведет либо к установлению однозначного долговременного доминирования одной стороны, либо к выработке паритетного стратегического баланса на новой основе: “Относительно паритетный баланс сил… является основой стабильности в мире. Но если в его структуре возникает асимметричность, … на смену стратегическому паритету приходит асимметричный баланс сил. В такой ситуации интересам безопасности и стабильности отвечает новое уравновешивание баланса сил” (с. 52).

Политическое сближение Китая и России на основе теории многополярного мира как раз подтверждает эту теорию. Однако автор подчеркивает, что выработка нового паритетного баланса сил, в первую очередь системы всеобщей безопасности в современном

мире, не должна строиться исключительно на основе военной мощи противостоящих полюсов. Военная мощь всегда должна быть вторична по отношению к экономике, внутренней стабильности, успешной внешней политики, что успешно демонстрируют США.

Во второй главе, посвященной России, рассматриваются проблемы, появившиеся в начале 90-х годов. Это и упадок экономики (ВВП РФ равен 1/2 ВВП СССР), и резкое ослабление военной мощи, и выход США из договора по ПРО. По инерции Россия пыталась играть роль мировой державы, не обладая соответствующими ресурсами, что приводило к распылению средств и внешнеполитическим неудачам. (Автор, к сожалению, не рассматривает влияние этих факторов на современную внешнюю политику России, а ведь подобная инерционность мышления до сих пор мешает, порой, принятию рациональных внешнеполитических решений). Выход из этой сложной ситуации применительно к АТР видится в налаживании двустороннего сотрудничества с ведущими странами региона.

Большое внимание во второй главе уделено описанию экономического развития России за последние 10 лет, приведено немало интересных статистических данных. Возможно, из-за ограниченного объема книги, автор не дает своего видения ответа на вопрос, почему именно так развивалась экономика страны. Это дало бы возможность более четко понять логику прогнозирования автором развития событий в ближайшее время. Вывод из этого обзора делается достаточно осторожный: несмотря на определенную стабилизацию, говорить об устойчивом росте экономики РФ преждевременно.

Экономические проблемы влекут за собой отставание от ведущих мировых держав, особенно США, в таких жизненно важных областях как ВПК и развитие науки. В этих условиях деятельность оборонных предприятий и научных институтов приобретает все более выраженный экспортный характер, что делает большой сектор экономики зависимым от внешнеполитической конъюнктуры. Главным выводом второй главы является положение, что Россия нуждается в партнерах на мировой арене, так как собственных сил для отстаивания своих интересов у нее недостаточно. Китай, который по своим показателям тоже является только региональной державой, в свою очередь, заинтересован в сотрудничестве с РФ для укрепления своих позиций в АТР. Из этого автор делает вполне убедительный вывод: сотрудничество этих стран создает базу для стратегического партнерства между ними.

Третья глава, посвященная Китаю, структурно повторяет вторую. Последовательно дается обзор внутри- и внешнеполитических решений, принятых после прихода к власти Дэн Сяопина в 1978 г., последовавших экономических преобразований, возможностей современного ВПК.

В конце 1978 г. китайское руководство второго поколения выработало новую стратегию социалистического строительства – реформы и открытость. Китай стал на путь открытости и модернизации на основе рыночных принципов. Это, естественно, вызвало интерес к нему со стороны Запада, в первую очередь США. Несмотря на различные подходы к вопросам прав человека, вооруженного вмешательства во внутренние дела государств, развертывания ПРО, отношения с США выстраиваются на прагматичной основе.

“Декларируя приверженность идее многополюсного мира, на практике китайцы считаются с тем, что в краткосрочной перспективе… мир останется однополюсным” (с. 111). От себя могу добавить, что лучшим подтверждением этой прагматичности является объем торгового оборота между двумя странами, порядка 150 млрд. долл.

Но все же разногласия остаются разногласиями.

Учитывая наращивание вооруженных сил другими странами региона, Китай вынужден увеличивать свой оборонный потенциал. В первую очередь это увеличение (точнее модернизация армии) связана с длительным и стабильным развитием экономики.

Рассматривая экономику Китая, автор приводит большое количество статистических данных, в основном официальных китайских, приводит мнения китайских ученых (например, мнение Ху Аньгана – одного из главных консультантов китайского руководства

по проблемам социально-экономической стратегии) и представителей правительства, решения XVI съезда КПК.

Для более объективного рассмотрения вопроса было бы интересно обратится также и к работам российских, западных, да и некоторых китайских ученых, далеко не так радужно оценивающих перспективы Китая. К сожалению, в этой части работы еще более заметно отсутствие тщательного анализа причин подъема экономики и, главное, тех трудностей, с которыми страна сталкивается сейчас и столкнется в ближайшем будущем. Официальные лица, естественно, очень аккуратно упоминают о проблемах, делая упор на успехах.

Хотя автор книги достаточно осторожно относится к официальным прогнозам, тем не менее, он делает вывод: "…Китайская Народная Республика уже в 2020 г. вплотную приблизится к передовым экономическим показателям мировой экономики" (с. 126). Это положение представляется спорным. Любопытный обзор "изнанки" китайского "чуда" дается в книге Ю.М.Галеновича "Китайское чудо или китайский тупик"* .

Среди множества проблем Китая основными представляются две: демографическое давление на селе, приводящее к высокой себестоимости продукции, резкому ухудшению экологии, росту преступности и разбухший, коррумпированный чиновничий аппарат, кормящийся за счет поборов с наименее социально-защищенных слоев общества, в первую очередь крестьянства, не заинтересованный в реформах, исповедующий узко-региональные интересы.

Сегодняшние официальные данные о росте ВВП, по-видимому, завышены. Многими специалистами указывалось на необходимость либерализации в политической сфере для поддержания экономического роста. Это означает утрату КПК монополии на власть (а фактически и самой власти). Едва ли стоит ожидать от такой массы партийных бюрократов добровольного отказа от своего привилегированного положения. Можно скорее ожидать не взлета, а стагнации китайской экономики в ближайшее время. Поэтому тезис, сформулированный М.Ю.Панченко в конце главы, что с развитием экономики Китая "…произойдет изменение в современном стратегическом балансе сил, результатом которого станет ослабление лидерства Соединенных Штатов во всех жизненно важных сферах – безопасности, торговле, политике…" (с. 141) кажется сомнительным. Хотя, конечно, нельзя отрицать того очевидного факта, что в силу самих масштабов своей экономики и армии Китай представляет собой серьезную силу в АТР, с которой США вынуждены считаться.

Последняя, четвертая глава посвящена российско-китайским отношениям. Вкратце рассматривается история этих отношений, начиная со времен советско-китайской дружбы до принятия в 2003 г. на саммите премьеров стран-членов ШОС Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Рассматриваются перспективы экономического сотрудничества, в частности военно-технического взаимодействия. Отмечается как заинтересованность Китая в российском сырье и военной технике, так и необходимость китайской политической поддержки для укрепления Россией своих позиций в АТР. При этом отмечается недостаточная динамика торговых отношений между нашими странами.

Немаловажным препятствием является отсутствие политической воли не только в Москве, но и в Пекине.

Однако, хотя автор и не говорит об этом явно, самым сильным тормозом двусторонней торговли является узкий перечень товаров, которые мы можем предложить друг другу. ВТС достигло своего максимума, можно ожидать даже уменьшения закупок Китаем российского оружия, особенно учитывая готовность Европы снять эмбарго на поставку вооружений в Китай. Российская машиностроительная продукция неконкурентоспособна на китайском рынке, поэтому экспорт увеличивается лишь за счет поставок сырья. Китайский ширпотреб также пользуется ограниченным спросом из-за низкой покупательной способности россиян.

Подводя итоги, автор говорит о том, что в ближайшие 10–15 лет, при сохранении США и Японией ключевых позиций в регионе, Китай увеличит свой политико-экономический вес. По мере развития России, сотрудничество этих двух стран, если и не в экономическом, то в политическом плане точно, будет содействовать укреплению

безопасности в АТР, приданию стабильности, предсказуемости международным отношениям в этой части мира, хотя и не станет фактором, который сможет парализовать монополярную тенденцию на мировой арене (с. 171).

В целом, книга представляет собой интересную, легко читаемую работу, которая дает широкое представление о ряде ключевых проблем региона. Эта книга будет интересна всем, кто интересуется ситуацией в АТР.

М.Ю.Панченко. Российско-китайские отношения и вопросы безопасности в АТР. М.: Научная книга, 2005. 204 с.

Примечание

[*] Галенович Ю.М. Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.